

БИБЛИОТЕКА
ЛАЗАРЕВСКОГО
КЛУБА

ТАНЕР АКЧАМ

ПРИКАЗЫ УБИВАТЬ

Москва
2019

Библиотека Лазаревского клуба

Институт стран СНГ
(Институт диаспоры и интеграции)

Танер Акчам

ПРИКАЗЫ УБИВАТЬ

Перевод с английского

**Москва
2019**

УДК 93
ББК 66.2(3)

Печатается по решению Ученого совета Института стран СНГ
(Институт диаспоры и интеграции)
и Российской дирекции «Лазаревского клуба»

*Перевод на русский язык Анны Симонян
с перевода на английский Дженнифер Манукян*

Под редакцией кандидата философских наук,
директора Института политических и социальных исследований
Черноморско-Каспийского региона Надеина-Раевского В.А.,
старшего научного сотрудника Института мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

Эта книга представляет собой новые данные и доводы, доказывающие подлинность приказов о геноцидальном истреблении армянского населения, отданных министром внутренних дел Османской империи Талаатом-пашой. На протяжении десятилетий утверждалось, что инкриминирующие документы и воспоминания чиновника Османской империи Наима-эфенди, в которых они дошли до наших дней, являются подделкой.

ISBN 978-5-94293-074-5

© Танер Акчам, 2019
© Институт стран СНГ
(Институт диаспоры
и интеграции), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение К. Затулина к читателям.....	5
О работе турецкого исследователя Танера Акчама.....	7
Предисловие. Факты, истина и отрицание.....	11
Григор Гергерян и его архив.....	27
Шифровальный метод в документе соответствует другим архивным документам.....	37
Введение.....	49
Наим-эфенди и его мемуары.....	50
История и подлинность личности Наима-эфенди и его воспоминаний.....	59
Как до нас дошел текст.....	59
Где сейчас воспоминания и оригиналы документов?.....	62
Оспоренная подлинность текста.....	69
Три основных документа, ставящие под сомнение воспоминания Наима-эфенди.....	67
Существовал ли чиновник по имени Наим-эфенди?.....	70
Османские документы, содержащие имя «Наима-эфенди».....	76
Места, где был расквартирован Наим-эфенди, и его отношения с Антоном.....	78
Личность и характер Наима-эфенди.....	85
Даже если мемуары являются подлинными, могут ли документы все же быть поддельными?.....	103
Регистрационный журнал шифровального отдела Министерства внутренних дел.....	105
Шифрограммы и техника кодирования.....	105
Некоторые наблюдения о шифровальной системе.....	109
К вопросу периода, когда использовались шифровальные методы.....	118
Приводимые доказательства сфальсифицированности телеграмм Наима-эфенди.....	124
К вопросу использования линованной бумаги.....	132
Последнее наблюдение.....	136
К вопросу дат на документах и подписей губернаторов...	139
Доказывают ли даты на этих документах, что они поддельные?.....	141

Подписи губернатора Мустафы Абдулхалика.....	146
Окончательное дополнение к вопросу о дискредитации документов.....	156
Подтверждения тем и событий, упомянутых Наимом-эфенди, в Османских документах.....	168
Поиск определенных лиц армянской национальности....	166
Случай Согомона Куюмджяна.....	172
Парламентарии армянского происхождения и их семьи.....	174
К вопросу о депортации сирот из Алеппо в Стамбул.....	183
Убийства армянских детей в районе Мескены и Ракки...	190
Депортация армянских железнодорожных рабочих.....	194
Комиссар железной дороги Айри-бей.....	202
Американские консульства и снятые на депортационных маршрутах фотографии.....	205
Проблема трупов, оставленных на дорогах.....	210
Расследование в отношении вызывающих подозрение армян в Дортйоле и Ачине.....	215
Приложение А.....	232
Приложение А.1: Переведено с османского оригинала текста Наима-эфенди.....	233
Приложение А.2: Фрагменты из воспоминаний Наима-эфенди, цитируемые в издании Арама Антоняна.....	256
Приложение Б. Письмо доктора Аведиса Наккашяна Антоняну.....	289
Приложение В. Письмо Арама Антоняна Мари Терзян.....	296
Приложение Г: Письмо консула В. Ресслера доктору Лепсиусу.....	310
Приложение Д: Меморандум адвокатам Соломона Тейлеряна.....	316
Послесловие.....	319
Библиография.....	323

Уважаемый читатель!

«Лазаревский клуб», названный в честь прославленной семьи армянских меценатов Лазаревых, – основателей российского Института восточных языков и, таким образом, МГИМО МИД России, – имеет честь представить Вашему вниманию свой первый издательский проект, которым он открывает «Библиотеку «Лазаревского клуба». По предложению уважаемого Виктора Надеина-Раевского из Российской Академии наук мы выпускаем в свет книгу турецкого историка, социолога и публициста Танера Акчама «Приказано истребить: депеши Талаата-паши и геноцид армян».

Своевременность публикации этого исследования не подлежит сомнению, что наглядно демонстрирует широкая международная дискуссия вокруг темы первого в XX веке геноцида, не только не стихающая, но и заметно обострившаяся в самое последнее время. Политические маневры США в данном вопросе, острая реакция на это в Турции и Азербайджане, а также множество откровенной лжи, передергиваний и спекуляций в СМИ вокруг, сформировали соответствующий информационный фон. Это не может быть безразличным для нас в России, подтвердившей решением Первой Государственной Думы в 1995г. свое уважение к памяти турецких армян, заподозренных в симпатии к русским в годы Первой мировой войны.

Официальная Турция, как известно, не в состоянии признать геноцид армян в Османской империи. В этом вопросе, увы, турецкое государство, вместо извинения и покаяния заводит в тупик собственный народ. С учетом этого особенно важно и интересно узнать мне-

ние непредвзятого турецкого историка. Танер Акчам приводит в своей книге подлинные документы-первоисточники, принадлежащие Стамбульскому военному трибуналу, которые впервые представлены читателю наряду с другими уникальными архивными документами Османской империи.

«Лазаревский клуб» и члены нашего сообщества не раз выступали в защиту исторической правды. На страницах своего сайта <http://lazarevsky.club/> мы публиковали наиболее интересные, на наш взгляд, статьи и аналитические материалы, касающиеся геноцида армян, давали собственные оценки полемике вокруг его признания. Публикацией впервые на русском языке книги Танера Акчама мы стремимся внести свой вклад в сохранение памяти о трагедии армянского народа.

Надеемся, что читательская аудитория по достоинству это оценит.

*Константин Затулин,
организатор «Лазаревского клуба»,
руководитель Института стран СНГ*

О работе турецкого исследователя Танера Акчама

Тема геноцида армян в Османской империи в последние годы звучит постоянно и находит широкую международную поддержку не только в армянской диаспоре, но и в нескольких десятках стран мира. Вместе с тем турецкая сторона постоянно отрицает сам факт геноцида армян, мобилизуя массу псевдонаучных мероприятий и зачищая собственно турецкие архивы от остатков документов, относящихся к этому преступлению младотурок.

Именно поэтому новые документы и их исследование представляют не только немалый научный интерес, но имеют серьезный гуманитарный вес в деле борьбы за историческую правду и предотвращение возможных будущих геноцидов на планете.

В ряду исследователей геноцида армян особо выделяется турецкий автор Танер Акчам, еще в 1995 г. опубликовавший глубокое исследование «Турецкое национальное Я и армянский вопрос» (я написал предисловие к этой книге – прим. редактора). Танер Акчам один из немногих турецких авторов, не только признающих сам факт геноцида, но исследовавших его причины и масштабы.

Эта книга Танера Акчама поражала глубоким подходом к вопросу, вдумчивостью зрелого мыслителя, порвавшего с застарелыми стереотипами. Конечно, в первую очередь поражал тот факт, что к исследованию этой крайне непопулярной в Турции проблемы приступил именно турецкий историк. В течение всего периода

существования республиканской Турции тема геноцида была запретной, и трудно припомнить попытки академического подхода со стороны турецких ученых к ее исследованию. Основная заслуга Танера Акчама не только в его научной смелости, но и во взвешенном академическом подходе к исследованию этого периода турецкой истории. В своих работах автор вскрыл корни этого преступления, убедительно доказывая, что геноцид армян стал возможен не из-за прихоти отдельных чиновников, а явился вполне закономерным последствием самого процесса развития и падения Османской империи, пантюркистских устремлений ее правителей, что и повлияло на формирование турецкого национального самосознания и его трансформацию в воинствующий национализм.

Новая книга Танера Акчама «Приказы убивать» опирается на крайне важные документы, избежавшие уничтожения, подлинность которых оспаривалась турецкими авторами и некоторыми их западными сторонниками. Этот интересный научный труд восполняет важные пробелы в описании, как самого преступления, так и в исследовании деятельности его организаторов. Т. Акчам последовательно исследует сами документы, шифрограммы и шифры, которыми они закодированы, и доказывает подлинность самих документов и полную историческую достоверность существования чиновника, продавшего эти документы, приводит текст его воспоминаний как очевидца и участника этих далеких исторических событий.

Танер Акчам – один из первых турецких ученых, признавших геноцид армян в Османской империи. Он родился в 1953 г. в турецком городе Ардахане. В 1976 г. Танер Акчам был арестован и приговорен к 10 годам тюремного заключения, но ему удалось бежать из тюрьмы и получить статус политического беженца в Германии. Организация Amnesty International признала Танера Акчама узником совести. В настоящее время

является профессором американского Университета Кларка (штат Массачусетс).

Танер Акчам получил премию в номинации «Друг армянского народа» от епархии Армянской церкви Америки. «Большая награда – быть признанным в качестве друга армян», – сказал Акчам. Акчам отметил, что чем больше ученых работает над исследованиями по геноцидам, тем меньше шансов остается у политики отрицания. Танер Акчам был награжден за свой «мужественный гуманизм» и «усилия, направленные на защиту исторической правды о геноциде армян, за годы своей научной деятельности».

Ранее Акчам был удостоен медали «Дух свободы и справедливости Гранта Динка» от Организации стамбульских армян, а также ряда других премий и наград, полученных им за выдающуюся работу в области прав человека и борьбы с отрицанием геноцида армян.

По мнению Акчама, «народы Армении и Турции должны выслушать друг друга. Но к этому еще не готова Турция, а это сегодня самое главное». Акчам полагает, что до недавнего времени он был единственным турецким ученым, который в открытую говорил по теме геноцида армян. Т. Акчам 24 апреля 1995 г., в день геноцида армян, посетил Св. Эчмиадзин, где зажег свечу. «Я пообещал приложить все усилия, чтобы примирить два народа, вернуть историю, которую мы потеряли из-за геноцида», – отметил он.

*Виктор Надеин-Раевский,
кандидат философских наук*

*Моему дорогому другу Гранту Динку, который
мечтал соединить армянский и турецкий народы
посредством Истины и Справедливости.
Его убийство в 2007 году не убило эту мечту,
напротив, он вдохновил сотни тысяч людей
посвятить себя ей. А также моей дочери Гелин,
которая помогает мне верить в способность
следующего поколения осуществить мечту Гранта
о лучшем будущем.*

Танер Акчам

ПРЕДИСЛОВИЕ

Факты, истина и отрицание

Рассказывают, что в 1929 г. незадолго до своей смерти премьер-министр Франции Клемансо дружески беседовал с представителем Веймарской республики на тему ответственности за начало Первой мировой войны. «Как, по-вашему, что напишут историки на эту сложную и противоречивую тему?», – спросил Клемансо собеседник. «Это мне неизвестно, – ответил премьер, – но я доподлинно знаю, что они не напишут, будучи Бельгия захватила Германию» [1].

Взаимосвязь фактов и истины остается предметом горячих споров в общественных науках. Как правило, факты, мнения и все их интерпретации считаются различными и отдельными друг от друга явлениями. «Истина» основывается на установленных фактах, по поводу которых достигнут консенсус, они не идентичны мнениям или толкованиям; отрицание истины равнозначно отрицанию установленных фактов. Нам хочется верить, что это так. Однако, как пишет Ханна Арендт:

«Но существуют ли вообще факты, независимые от мнений и интерпретаций? Разве не доказали поколения историков и исторических философов невозможность установления фактов без интерпретации, поскольку факты прежде всего необходимо выделить из хаоса просто событий (а принципы выбора, конечно же, не опираются на фактические данные), а затем поместить их в повествование, рассказанное под

определенным углом и не имеющее ничего общего с тем, что изначально произошло? Безусловно, этот и многие другие парадоксы, присущие общественным наукам, реальны, но они не могут служить аргументом против существования фактического материала, равно как и не могут служить оправданием размыванию границ между фактом, мнением и интерпретацией, произвольной манипуляции фактами со стороны историка» [2].

Продолжая мысль Арендт, мы вправе утверждать, что каждое поколение имеет право писать собственную историю и интерпретировать факты на свой собственный лад, но ни в коем случае не изменять их. Необходимо приложить самые искренние усилия по разграничению того, что представляется как происшедшее, и того, что произошло в самом деле, по имеющимся данным. Ни у кого нет права на манипуляцию фактическим материалом [3].

В этом контексте практика «отрицания» в отношении массовых зверств обычно представляется простым отрицанием фактов, но это не так. Это скорее расплывчатая зона между фактами и истиной, которую порождает отрицание. Практика отрицания по-своему переставляет факты и представляет свою собственную истину. В конечном итоге, споры об отрицании ведутся не о принятии или отказе от группы установленных фактов или опирающихся на них истин. Скорее, они представляют собой борьбу за главенство между различными группами фактов и опирающимися на них истинами, и борьба эта имеет скрытые мотивы.

Такая борьба присутствует и в отношении реалий геноцида армян, который в период 1915–1918 г. привел к смерти свыше миллиона человек. Более столетия прошло с тех событий, и последующим правительствам Турции удалось создать собственную версию «официальной истории» и «взять историю в заложники» своих собственных документальных свидетельств и истины.

Таким образом, они смогли как минимум добиться широкой огласки своей собственной «исторической точки зрения» и ее возвышения до уровня разумной исторической вероятности. Турецкая политика отрицания в отношении событий Первой мировой войны, вероятно, является наиболее удачным примером того, как хорошо организованное, намеренное и систематическое распространение сфабрикованных данных может сыграть ключевую роль в общественных обсуждениях, того, как фактические утверждения используются для создания ложной «истины». Те же из нас, которые свято верят в максимум о том, что «каждый человек имеет право на собственное мнение, но не на собственные факты» [4], вот уже в течение многих десятилетий с изумлением следят за общественными и историческими обсуждениями о геноциде армян, в которых опирающаяся на факты истина дискредитируется и низводится до статуса просто мнения [5]. Одним из важнейших аспектов этой стратегии является сокрытие и замалчивание истины.

Книга, которую вы сейчас держите в руках, ставит задачу внести ясность в процесс общественных обсуждений и путаницу, создавшуюся в фактах и истине в вопросе геноцида армян. Она написана как подробный анализ конкретного события и показывает, как ошибаются те, кто скрывал истину, расчленял ее и считал, что это им удалось.

* * *

Следующий абзац из Мишеля-Рольфа Труйо напрямую связан с нашей темой. «Замалчивание появляется в процессе исторического производства в четыре ключевых момента, — пишет он, — 1) момент создания фактов (появление источников); 2) момент сбора фактов (появление архивов); 3) момент извлечения фактов (появление нарративов); и (4) момент ретроспективной

значимости (появление истории в последней инстанции) [6]. К этим четырем пунктам я бы добавил пятый: 5) момент уничтожения или попытки опровергнуть подлинность важнейших документов.

Если согласиться, что каждый случай геноцида уникален, армянский случай уникален длительным отрицанием его историчности и попытки сокрытия истины вокруг него. Еще одной особенностью столетнего отрицания геноцида армян является то, что отрицание стало частью самого геноцида, с самого начала событий. Иными словами, отрицание геноцида армян началось не с резней, оно было изначальной частью плана. Депортация армян с родины в сирийские пустыни и их истребление как в пути, так и в пунктах назначения осуществлялись под предлогом переселения. Весь процесс фактически был организован и осуществлен в попытке представить все именно таким образом.

Хотя мы и не можем рассмотреть в рамках настоящего издания все подробности, основополагающим вопросом в данном контексте являются причины этой политики. Главной из них, вероятно, является слабость османского государства в этом историческом промежутке. Османским властям пришлось организовать весь процесс депортации и уничтожения под пристальным наблюдением Германии и США. Правительство Османской империи находилось в зависимости от военной и финансовой поддержки Германии и пыталось сохранить нейтральное отношение к себе США; игнорировать эти державы власть не могла и чувствовала себя обязанной находить оправдания своим действиям. Отрицание и обман были основными способами смягчить давление США и Германии. Еще одной причиной этого, вероятно, является отсутствие массового идеологического движения в османском обществе в поддержку геноцидальной политики [7]. Этим объясняются и масштабы взяточничества среди османских чиновников, сыгравших важную роль (особенно в

Сирии), о чем и рассказывает настоящая книга, а также правительственное поощрение мародерства и грабежа уязвимых армян прочими группами населения, дабы заручиться поддержкой геноцидальной политики.

Официальные документы, представляющие депортации и истребление как легитимный процесс переселения, стали выпускаться с первых же дней депортаций. Иными словами, то, что Труйо описывает как «момент создания фактов (появление источников)» началось 25 апреля 1915 года, если не раньше – дата, символически считающаяся началом геноцида армян.

В указанный день около 200 представителей армянской интеллигенции и общественных деятелей были арестованы в Стамбуле. Они были высланы в Айаш и Чанкири (в тюрьмы или в ссылку) недалеко от Анкары. В последующие дни число высланных и арестованных лишь увеличивалось. Большая часть этих лиц были в дальнейшем депортированы и убиты в пути. Архивы Османской империи полны документов, сообщающих о гибели этих людей от сердечных приступов и прочих естественных причин, либо об их бегстве или освобождении. В своей статье Юсуф Сарынай, многолетний директор архивов Османской империи, основываясь на имеющихся документах, утверждает, что из 155 представителей интеллигенции, высланных в Чанкири, лишь 29 были заключены в тюрьму, 35 были признаны невиновными и вернулись в Стамбул, 31 были амнистированы правительством и получили свободу передвижения, 57 были депортированы в Дер-Зор, а трое иностранцев были высланы из страны. Утверждается, что ни один из 155 не был убит [8].

Представим три ярких примера того, как происходил этот процесс «создания фактов» и выработки исторического нарратива. Выдающийся парламентарий от Стамбула, армянин Григор Зограб, был арестован в Стамбуле 2 июня 1915 г. [9] Он был выслан в город Диярбекир на юго-востоке Анатолии под предлогом во-

енного трибунала, однако его убили в пути близ Урфы. 19 июля ему разможили голову камнем [10]. В момент убийства Зограба в процессе подготовки находились официальные документы, согласно которым смерть произошла в результате сердечного приступа. Согласно заключению от 20 июля 1915 года, подписанному городским врачом Урфы, Зограб в Урфе жаловался на боли в груди и принимал там соответствующее лечение. После лечения Зограба выслали в Диярбекир, а по дороге он скончался. Доктор направился на место происшествия и определил причину смерти: остановка сердца [11].

Еще одно заключение о смерти было сделано по просьбе священника Айрапета, сына Ваниса, священнослужителя армянской церкви Урфы. В этом заключении, за подписью самого священника, утверждается, что Зограб «умер от сердечной болезни» и был захоронен «согласно его религиозной традиции». В конце заключения имеется пометка о том, что документ заверен «личной подписью Айрапета, сына Ваниса, священнослужителя армянской церкви Урфы» и печать османских властей [12]. Имеется и третий документ о том, что Зограб не был убит, а погиб в результате несчастного случая. Как следует из телеграммы Министерства внутренних дел, высланной в Алеппо 17 октября 1915 г., следственным документом «за номером 516 от 25 сентября 1915 г.» подтверждается, что Зограб «погиб в пути в результате несчастья» [13].

Как мы видим, официальные «факты и истина» касательно смерти Зограба гласят, что он умер от сердечного приступа, и это в достаточной мере подкреплено документами. Однако впоследствии эти документы более не включались в нарратив отрицания, поскольку настоящие убийцы Зограба, Черкез Ахмет и его сообщники, хорошо известные члены секретной организации правящей партии, были арестованы, приговорены к смерти и казнены. Али Фуат Эрден,

адъютант Джемала-паши, одного из лидеров триумвирата Комитета Партии «Единение и прогресс» (далее именуемой иттихадистами), сыгравший важную роль в казни убийц, писал следующее о том, как партия относилась к нападавшим: «Средства, используемые для “грязного дела” (дефекации), были необходимы в определенное время и для определенных целей; но после того, как их использовали, важности они более не представляли, и от них надлежало избавиться (как от туалетной бумаги)» [14]. Ахмет и его подельники, вероятно, были причастны и к убийствам других выдающихся армян, а, следовательно, представляли собой угрозу для руководства партии «Единение и прогресс».

Соответствующая информация об этом инциденте появляется не только в некоторых мемуарах того времени, но и в протоколах парламентского заседания Османской палаты депутатов в ноябре 1916 г. [15]. 12 ноября 1916 г. в Палате был затронут вопрос того, что произошло с Зограбом и еще одним депутатом, Вардкесом Серенгюляном, который был убит вместе с ним. Спустя 16 дней, 28 ноября, Великий Визирь Саит Халим-паша ответил на запрос следующим образом: «В ходе их поездки в Диярбекир, куда их вызвали на военный трибунал, депутат от Эрзерума Вардкес Серенгюлян и депутат от Стамбула Григор Зограб были убиты шайкой под предводительством Черкез Ахмета. Убийц судили и казнили в Диярбекире» [16].

Второй наш пример связан с одним из лидеров организации «Дашнакцутюн» Агнуни (Хачатур Малумян) [17]. Его арестовали 24 апреля 1915 г., взяли под стражу и держали в Аяше, тюрьме, расположенной недалеко от Анкары, в Центральной Анатолии. 2 июня Агнуни и пятерых его товарищей отправили в Диярбекир, где они должны были предстать перед военным трибуналом [18]. Группа добралась до Алеппо раньше, чем Григор Зограб, и уже оттуда их переправили в Диярберкир, в соответствии с приказом от 24 июня

2015 г. [19]. По всей вероятности, всех их убили так же, как Зограба, возможно, убили те же головорезы, но несколькими днями раньше, в начале июля [20]. Однако, в некоторых имеющихся у нас османских документах утверждается, что Агнуни сотоварищи не были убиты, им удалось бежать по дороге в Диярбекир и далее скрыться в России. В записке Талаата-паши Министру иностранных дел Халилю Ментешу от 19 июля 1916 г. говорится: «Очевидно и наверняка, в ходе переправки на заседание военного трибунала в Диярбекире, Агнуни и его попутчики обманули конвойных и бежали в Россию» [21].

И еще один пример – судьба главного редактора ежедневной газеты «Сабах» Тирана Келекяна, известного своей близостью к партии «Единение и прогресс». Келекян был среди арестованных 24 апреля 1915 г. Его выпустили 8 мая с условием «поселиться с семьей в любом районе провинции при условии отсутствия других армян и никогда не возвращаться в Стамбул». Однако Келекян оставался в Чанкири, куда его депортировали [22]. 18 июля он подал прошение о возвращении в Стамбул, но высланный 11 дней спустя официальный ответ лишь повторил условия: он может поселиться где угодно, но в Стамбул он вернуться не может [23]. В конце концов, подобно Зограбу и Агнуни, Тирана Келекяна тоже отправили в Диярбекир под предлогом трибунала. 2 ноября 1915 г. в пути его убили вооруженные бандиты [24]. Юсуф Сарнай, автор вышеупомянутой статьи, цитирует записку, согласно которой «Тирана Келекяна помиловало Министерство внутренних дел приказом от 4 августа 1915 г., и он поселился в центре Измира» [25].

Османские архивы сами по себе являются памятником описанному Труйо во втором пункте «моменту сбора фактов (созданию источников)». Кроме упомянутых документов об арестованной армянской интеллигенции, они изобилуют правительственными приказами, в которых депортация и резня представлены как обы-

денные, законные действия по переселению. Наиболее яркими примерами этого являются правительственный указ от 30 мая 1915 г. и свод правил (на 44 статьи) от 10 июня 1915 г. Согласно последнему, имущество, оставленное депортированными армянами, должно было быть зарегистрировано, и владельцам надлежит выплатить компенсацию его стоимости на месте нового расселения. Следующие указания содержатся в майском указе: «Имущество и земля будут выделены им [армянам на местах нового поселения] соразмерно их предшествующему финансовому и экономическому положению. Государство построит жилье для нуждающихся, раздаст крестьянам семена, инструменты и материалы тем ремесленникам, кому они понадобятся. Все те предметы и товары, которые они оставят на местах, будут выданы или компенсированы им в том же размере» [26]. Позднее, в законе от 26 сентября 1915 г. и регуляции от 8 ноября 1915 г. указанные выше пункты были проработаны еще более детально, был описан весь процесс передачи доходов от имущества армян им самим в новых местах поселения [27].

Еще одним важным документом является новый свод регуляций, или Талиматнаме, изданный 7 октября 1915 г. Эти регуляции, состоявшие из 55 отдельных статей, были написаны для организации расселения тех армян, которые прибыли в Сирию и скопились в большом количестве в окрестностях Алеппо. Согласно новым правилам, имена армян, подлежащих пересылке на новые места, должны были заноситься в специальные депортационные списки; их надлежало высылать группами в размере 1000 человек; каждому каравану надлежало выделить 150 ослов, мулов и верблюдов. Караваны следовало также снабдить как минимум четырехдневным запасом еды и питья; вдоль пути должны были быть построены амбары с мукой и печи для выпечки хлеба. Кроме того, предусматривались зоны отдыха вдоль пути, с присутствием медиков и

санитарных чиновников; те, кто был бы не в состоянии продолжать путь, были бы переданы медперсоналу в этих зонах. И наконец, предусматривалось расселить армян на плодородных землях, и каждой семье должен был быть выделен участок земли, достаточный, чтобы прокормиться [28].

Как показывают эти документы, параллельно геноцидальному процессу шел процесс создания «истины» на основе сфабрикованной массы фактов, имеющих неопровержимую подлинность... Неизбежным результатом этого стало, конечно же, создание альтернативной версии событий, проложившее дорогу для исторического спора – в некотором смысле, даже для борьбы за власть – касательно того, чья правда достовернее. Эти «факты», созданные в ходе геноцидального процесса, заложили базу того, как «истину» можно низвести до статуса лишь «одного мнения из множества».

Несмотря на все усилия в обратном направлении, любая массовая жестокость оставляет неизбежные отпечатки. Это произошло и с геноцидом армян: материалов, доказывающих геноцидальное намерение османских властей Турции, предостаточно. Потому одних сфабрикованных фактов не хватит, чтоб замолчать историю и взять ее в заложники. Существующие уличающие материалы необходимо было либо уничтожить, либо дискредитировать. Именно об этом мы говорили в пятом пункте в дополнение к списку Труйо: «5) момент уничтожения или попытки опровергнуть подлинность важнейших документов». Турецкая политика отрицания долгое время характеризуется уничтожением материальных основ «истинной реальности».

Мы обладаем подробными доказательствами того, что важнейшие официальные документы Османской империи, касающиеся геноцида армян, были намеренно уничтожены. Ключевая информация содержалась в обвинительном заключении, составленном против лидеров партии «Единение и прогресс» на главном

послевоенном суде, состоявшемся в Стамбуле в 1919 г. В заключении прокуратура утверждала, что правительство партии «Единение и прогресс» в преддверии неминуемого поражения в Первой мировой войне осуществило «зачистку» архивов. Среди уничтоженных документов была значительная часть бумаг Министерства внутренних дел, самой партии «Единение и прогресс», а также архивы Особой организации, которая играла центральную роль в истреблении армян. Кроме того, всем региональным административным центрам был разослан циркуляр, предписывающий сжечь все полученные указания насчет армян [29].

Не осталось ни следа от ящиков с досье и сопутствующими документами судебных заседаний против лидеров партии, происходивших между 1919 и 1922 гг. В их числе – документы расследовательской комиссии, созданной в ноябре 1918 г., следственные документы самих трибуналов, около 63 судебных дел, представленных в этих трибуналах, протоколы судебных заседаний, показания свидетелей и подсудимых, следственные документы о десятках лиц и событий, которые до суда не дошли. Все это – и целиком – исчезло без следа и без единого намека на то, что стало с этими документами и где их можно найти [30].

В ходе следствия при подготовке дел, а также в ходе судебных разбирательств было произведено множество документации о том, как именно производился геноцид. Были и телеграммы. Из одной лишь Анкары, к примеру, поступило 42 телеграммы. Были также устные и письменные показания ряда высокопоставленных османских военных и гражданских чиновников, связанных с партией «Единение и прогресс». Сегодня этот огромный массив информации исчез. Если представить на минуту, как бы проистекал Нюрнбергский процесс, если б все имеющиеся улики были утеряны, можно лучше понять значение и важность этой потери.

Помимо 13 обвинительных заключений и постановлений суда, опубликованных в «Оттоман Газетт» (Takvim-i Vekayi), все, что остается от историографии этих событий – это репортажи о судах в ежедневных газетах. В итоге, благодаря сокрытию и уничтожению документальных свидетельств, геноцид, эта хорошо задокументированная крепкая историческая реальность, обратился в тонкий слой льда, хрупкую гипотезу, которую очень легко разрушить.

После сокрытия и разрушения, необходимо было еще одно: доказать, что каждый из оставшихся документов был сфабрикован или недостоверен. Ярчайшим примером этого являются телеграммы Талаата-паши, предписывающие уничтожение армян, которые и рассматриваются в настоящей книге. Оригиналы телеграмм и/или их рукописные копии были проданы армянскому журналисту и представителю интеллигенции Араму Антоняну в ноябре 1918 года османским чиновником Наимом-эфенди, который работал в Канцелярии по депортации Алеппо [31]. Наим не только собственноручно переписал около 52 телеграмм, но и продал еще примерно 24 оригинальных документа, и записал собственные воспоминания, связанные с этими телеграммами, в виде небольших записок. Именно потому Антонян в дальнейшем назвал эти воспоминания «Мемуарами Наима-бея» [32].

В дальнейшем Антонян упорядочил эти бесценные депеши, демонстрирующие, что армяне Османской империи были истреблены по прямому приказу правительства, наряду с записками Наима, и издал их на трех языках в период 1920–1921 гг. [33]. В 1983 г. Турецкое историческое общество опубликовало труд «Ermenilerce Talat Paşa'ya Atfedilen Telgrafların Gerçek Yüzü», за авторством Шинаси Орела и Сюррейя Юджи, который был в 1986 г. переведен на английский и издан под названием: «Депеши Талаата-паши: исторический факт или выдумка армян?» [34]. В книге

утверждалось, что и мемуары, и депеши, которые издал Антонян, были поддельными, и что телеграммы были сфабрикованы армянами, скорее всего, самим Антоном.

После появления книги Орела и Юджи, их мнение о сфабрикованности мемуаров Наима и сопутствующих депеш стало широко распространено. Депеши даже стали называть «поддельными телеграммами, приписываемыми Талаату-паше». Казалось, труд Орела и Юджи закрыл тему навсегда. Однако книга, которую вы держите в руках, перевернет новую страницу в этой саге.

* * *

Говоря о третьем и четвертом пунктах Труйо в деле замалчивания прошлого и использовании истории как заложника, «3) момент извлечения фактов (появление нарративов); и 4) момент ретроспективной значимости (появление истории в последней инстанции)», можно отметить, что эта задача выпала на долю исторической науки и ее исследователей. Множество историков, которые претендуют на исследование объективной истории в соответствии с научными принципами, тем не менее присоединились к хору любителей «нарратива, основанного на документах». Они предлагают тем, кто утверждает, что геноцид армян произошел на самом деле, вступить в дискуссию на основе документов. Подобные обсуждения обычно заканчиваются призывом «покажите нам оригиналы». Известный ученый-исламист и специалист по Ближнему Востоку Бернард Льюис сам часто выступал солистом такого хора, утверждая на каком-то этапе, что «нет никаких серьезных доказательств существования у Османского правительства решения и плана по истреблению армянского народа» [35].

Гюнтер Леви – еще один яркий пример голоса из того же хора [36]. Основной тезис его изданной в 2004 книги

гласит, что «не существует подлинных документальных свидетельств того, что центральное правительство Турции ответственно за резню 1915–1916 гг. ... Можно с уверенностью утверждать, что нет свидетельств этому в отношении событий 1915–1916 гг.» [37]. Согласно Леви, материалы и документы, опубликованные, будь то в «Оттоман Газет» (Takvim-i Vekayi) или же в ежедневных газетных репортажах с послевоенных трибуналов над лидерами партии «Единение и прогресс», не могут считаться надежными источниками, поскольку «потеря всех оригинальных документов не позволяет считать результаты военных трибуналов 1919–1920 гг. подкрепленными достоверными уликами... воспроизведенные копии навряд ли можно считать серьезной заменой оригинальным документам» [38]. Он даже называл эти документы «так называемыми» [39].

Леви считал телеграммы, переданные Антоняну Наимом, недостоверными и ненадежными. Повторяя мнение Орела и Юджи, что документы являются «грубой подделкой», он заявляет: «Тщательный анализ этих документов, произведенных Орелом и Юджей, вызывает достаточно сомнений в их подлинности, [и таким образом] делает их использование в серьезном научном труде недопустимым» [40].

Это довольно странный альянс. С одной стороны, в нем состоят турецкие правительства, которые уничтожили все свидетельства, доказывающие, что события 1915 г. были систематически запланированной программой по уничтожению, в том числе все судебные дела с послевоенных судов над лидерами партии «Единение и прогресс» (1919–1921), все депеши Талаата-паши и другие документы, а также все следы того, что стало с этими документами. С другой стороны, целый хор историков на все лады повторяет, что в отсутствие крепких и надежных документальных свидетельств – иными словами, «орудия убийства» из Османских архивов или откуда-то еще – невозможно объективно

утверждать о геноциде армян, организованном на государственном уровне. В свете этой странной коалиции никого не должно удивлять награждение Леви медалью Великого национального собрания Турции спикером парламента Бюлентом Аринчем 22 ноября 2005 г. [41].

Для завершения этой картины отрицания необходим последний штрих: дискредитация рассказов выживших в геноциде армян и провозглашение их «недостоверными источниками». Официальные османские документы назывались единственным надежным источником, и им отводилось почетное место в «иерархии источников». Британская «Синяя книга», составленная в годы войны Арнольдом Тойн-би и виконтом Брайсом, рассказывающая о зверствах османских властей, отвергалась как пример «военной пропаганды», поскольку большая часть содержащейся в ней информации была получена от армян [42]. Как пишет Марк Нишанян, «[армянам] пришлось доказывать свою собственную смерть» [43]. Сами события, в смысле их непосредственной сути, были дезавуированы с самого начала. Таким образом, сам факт геноцида, его реальность как исторического факта, был изначально если не поставлен под сомнение, то низведен до уровня мнения без существенных доказательств.

Решение же могло быть очень простым: считать рассказы выживших не менее важными, чем османские документы, а также задать вопрос турецким властям: что стало с теми документами, которые были выявлены в ходе судебных разбирательств 1919–1920 гг.? Если правительство их спрятало или уничтожило, это можно объяснить лишь их нежеланием раскрыть содержащуюся в них информацию, что недвусмысленно говорит о ее компрометирующем характере. Соккрытие или намеренное уничтожение судебных документов и дел должно быть достаточным основанием для серьезных сомнений со стороны тех историков, которые требуют крепкую документальную базу и утверждают,

что отсутствие определенных документов не позволяет судить.

В этой ситуации мы, историки, должны представить миру ту информацию, которую нам удалось найти в документах, считавшихся утерянными или спрятанными, и доказать их подлинность, учитывая противостояние сторонников отрицания. Настало время покончить с нарративом, основанном на их трактовании истины, тщательно выстроенном на выборочных фактах. Такова цель моей работы: озвучить информацию, ранее обреченную на замалчивание, и показать, что из спутанного клубка «мнений» и «трактовок» можно извлечь достоверные факты о событиях 1915 г.

* * *

Мы в неоплатном долгу перед одним человеком, армянским католическим священником Григором Гергеряном, который позволил нам решить поставленную выше задачу. Большая часть материалов, ставших основой для настоящей работы, были обнаружены в его частном архиве. Архив был сохранен племянником священника, Эдмундом Гергеряном. В 2015 г. он позволил нам ознакомиться с архивом и использовать хранившиеся в нем материалы. Прежде чем представить документы из архивов, крайне важно ознакомиться с личностью отца Григора Гергеряна и историей создания его архива.

Григор Гергерян и его архив

Григор Гергерян (12 мая 1911 – 7 мая 1988 г.) родился в районе Гурун в провинции Сивас. Он был младшим среди 16 детей, восьми мальчиков и восьми девочек [44], лишь шесть из которых выжили в депортациях. Остальные десятеро были убиты вместе с родителями. Григор видел убийство родителей собственными глазами. Вместе с одним из старших братьев ему удалось добраться до Бейрута в 1916 г., где он был принят в сиротский приют и провел детство. В 1925 г. Григор поступил в католическую школу-монастырь Зиммар (Бземмар), а в начале 1930-х годов, закончив Университет Святого Иосифа в Бейруте, он отправился в Рим, в академию Левонян, с намерением продолжить свое теологическое образование и стать монахом. Это намерение осуществилось в 1937 г., когда он получил право принять постриг в католические монахи. В течение того же года Отец Григор решил защитить докторскую диссертацию по теме геноцида армян, но завершить этот труд ему так и не удалось, хоть и работал он над ним всю свою жизнь. Архив стал результатом этого дела его жизни.

Перед геноцидом самый старший брат Григора, Петрос, перебрался в Каир. После принятия пострига там поселился и Григор. В Каире, продолжая свою исследовательскую деятельность, он познакомился с Куртом [«курдом»] Мустафа-пашой в 1952 г. Последний, известный под именем Немрут Мустафа-паша, был одним из председательствующих судей Первого стам-

бульского военного трибунала (Divan-i Harb-i Örfi), в котором слушались дела против чиновников партии «Единение и прогресс» в 1919–1921 гг. Мустафа-паша был арестован в октябре 1920 г. по обвинению в намеренной фальсификации документов одного из судебных разбирательств, дела против районного каймакама Байбурта по имени Нусрет, с тем, чтобы приговорить его к смерти. Мустафа-паша был осужден, но в дальнейшем его помиловал Султан. Опасаясь повторного ареста после захвата Стамбула националистическими силами в 1922 г., он бежал в Каир [45].

Встреча отца Григора с бывшим османским судьей стала поворотным пунктом в жизни монаха. В короткой записке он пишет, что он и Мустафа встречались несколько раз и вели длительные споры и дискуссии. Мустафа предоставил Гергеряну много важных сведений. Так, по рассказам Мустафы, Армянская Патриархия Стамбула выступала свидетелем на судах над бывшими младотурецкими чиновниками, и в этой роли у нее было право на копии всех бумаг, содержащихся в деле. Когда турецкие националистические силы взяли Стамбул, Патриархия решила направить все имеющиеся у нее документы во Францию, в Марсель, на сохранение. В дальнейшем, эти документы были переправлены в Манчестер, а затем достигли и конечного пункта назначения, Армянской патриархии Иерусалима [46]. Так Григор Гергерян отправился в Армянскую патриархию Иерусалима. Спустя годы он сказал своему племяннику, доктору Эдмунду Гергеряну, что «[он] сфотографировал все, что видел там».

Среди документов, найденных Гергеряном в Иерусалиме, важнейшими были бумаги из судебного дела против младотурков в Стамбуле, о которых мы упоминали выше и которые по сей день скрываются турецким правительством. В их числе телеграммы с приказами об уничтожении армян, обнаруженные при следствии, заявления военных и гражданских чиновников, уст-

ные и письменные показания, как подследственных, так и свидетелей, сделанные до суда и в суде. В Введении данной книги мы используем лишь два из этих документов, чтобы доказать бесценное значение этих материалов.

Гергерян не только собрал документы в архивах Иерусалимской патриархии, он так же направился в Библиотеку Погос Нубар в Париже в 1950 г., когда ее возглавлял Арам Антонян. Там Гергерян видел и мемуары Наима-эфенди, и сопутствующие депеши Талаата-паши, ставшие основной темой данной книги, и сфотографировал и то, и другое.

Если учесть, что архивы Армянской патриархии Иерусалима закрыты для исследователей [47] и что основные документы из Библиотеки Погоса Нубар-паши исчезли, ценность архива Гергеряна для исследований в области геноцида армян становится очевидна. По этой причине крайне важно, чтоб документы, хранящиеся в его коллекции, стали известны не только ограниченному кругу экспертов, но и широкой общественности. Именно с этой целью мы осуществили проект «Архив Григора Гергеряна» в университете Кларк. Мы разместили весь архив на сайте университета в конце 2017 г. Благодаря подробной системе индексации, у читателей онлайн появилась возможность легкого доступа ко всему архиву.

* * *

Аргументы отрицания всех турецких правительств основаны на двух краеугольных камнях: первый можно назвать аргументом «предъявите оригиналы»; второй – отвержение мемуаров Наима и указывающих на геноцидальное намерение депеш Талаата-паши как поддельных. Последнее – тема настоящей книги. Для ответа на первый аргумент мы представляем здесь лишь две телеграммы из архива Гергеряна. Обе депеши

упоминались в обвинительном заключении на суде против лидеров партии «Единение и прогресс», который начался в Стамбуле 28 апреля 1919 г. Телеграммы были опубликованы в «Оттоман Газетт» [48]. (см. рис. 1). Обе телеграммы принадлежат к той категории материалов, в которых задокументировано геноцидальное намерение османского правительства. Поскольку оригиналы были либо скрыты, либо уничтожены турецкими властями, сторонники политики отрицания, подобные Леви, считают их недостоверными источниками.

Первая телеграмма – приказ от командующего Третьей армией Махмута Камила-паши, от 24 июля 1915 г. (см. рис 2). Третья армия был ответственно за политический и военный контроль над территорией, известной под названием «Исторической Армении», где жила большая часть армянского населения, и откуда их депортировали. Вторая телеграмма – от члена Центрального комитета партии «Единение и прогресс» и главы Особой организации Бахаэттина Шакира от 4 июля 1915 г., которая касается координации действий по истреблению армян.

«Установлено, что мусульмане в некоторых городах и селах, из которых депортировалось [армянское] население, укрывают армян. Надлежит казнить тех домовладельцев, которые укрывали и защищали армян в нарушение правительственных распоряжений перед их же домами, а дома их сжечь. [Просим] уведомить все заинтересованные стороны и принять все меры, чтоб ни одного недепортированного армянина на местах не оставалось. Депортировать надлежит и тех армян, которые приняли ислам. Если те, кто защищает [армян], являются членами вооруженных сил, соответствующие министерства должны быть оповещены об их действиях, и после осуждения их связи с вооруженными силами должны быть немедленно прекращены. Административных чиновников же следует уволить и передать военному трибуналу».

Рис. 1. Страницы из Основного обвинительного заключения от 1919–1921 гг. Военного трибунала, опубликованные в Takvim-i Veka'ı 3540. Цитаты подчеркнуты красным

Рис. 2. Приказ Командующего Третьей армией
Махмут Камила-паши, 24 июля 1915 г.

Каталожная ссылка на этот документ в Обвинительном заключении относит его к «досье 13, документ 1» (tertīb 13 vesīka 1). Документ написан на бланке Дирекции общественной безопасности Министерства внутренних дел, и под ним стоит печать Министерства внутренних дел с датой 23 февраля 1919 г. На печати надпись «соответствует оригиналу». Сомнений в подлинности этого документа быть не может.

В архиве Гергеряна имеется и вторая телеграмма Махмута Камил-паши на ту же тему. Очевидно, приказ в телеграмме от 24 июля привел к определенной сумятице среди его подчиненных, и целью последующей телеграммы от 1 августа 1915 г. было передать указания, которые бы прояснили путаницу после первой депеши. В ней Камил-паша пишет: «Сообщается о казнях тех, кто укрывал армян, [осужденных] на депортацию» и поясняет, что это наказание не применимо к «тем, кто дал пристанище женщинам и детям... которых правительство официально распределило по домам мусульман». Это наказание предусматривалось для тех, «кто, вне зависимости от пола и вероисповедания, прятал армян в своих домах без ведома правительства». Этих лиц надлежало «наказывать, как предписывалось ранее». Эта телеграмма демонстрирует, что многие мусульмане в различных городах и селах укрывали армян, и правительство было полно решимости это остановить и предотвратить, пусть даже такими крайними мерами, как казни и поджоги домов.

Вторая депеша был написана членом Центрального комитета партии «Единение и прогресс» и главой Особой организации Бахаэттином Шакиром и отправлена из города Эрзерума Сабиту-бею, губернатору провинции Мамуретулазиз (Элазыг-Харпут), с указанием переслать секретарю партии Назыму в том же городе. В депеше Бахаэттин Шакир пишет: «Истреблены ли армяне, которые были депортированы? Уничтожены ли эти вредные элементы, которых удалили [оттуда]

путем депортации, или же они просто были депортированы? Прошу вас быть откровенным в вашем отчете [на эту тему], брат мой» (см. рис. 3).

Эмблема официального бланка Инспекции гражданской администрации Министерства внутренних дел находится в верхнем правом углу телеграммы, подтверждая подлинность документа. Как видно из рисунка, нижняя часть документа содержит ряд арабских цифр в виде четырехзначных групп, которые представляют собой зашифрованный вид исходного текста. Эквивалентные слова или суффиксы написаны над каждой из групп цифр.

Чтобы полностью понять важность этой депеши, необходим небольшой экскурс. Еще до того, как Османская империя официально вступила в Первую мировую войну в октябре 1914 г., Бахаэттин Шакир был командирован в Эрзерум в августе для координации деятельности военизированного подразделения партии «Единение и прогресс», известного под названием Особой организации (Teşkilat-ı Mahsusa). Ранее ему была вверена организация восстания мусульманского населения Кавказа. Есть множество доступных османских архивных документов, из которых следует, что Шакир координировал деятельность Особой организации в регионе. Многие из документов даже подписаны им «Бахаэттин Шакир, глава Особой организации в Эрзеруме» [49]. Согласно обвинительному заключению основного суда против лидеров партии «Единение и прогресс», которое было опубликовано в номере 3540 «Оттоман Газетт» (Takvim-i Vekayi), прежде чем Шакир отправился в Эрзерум, руководство Особой организации в Стамбуле снабдило его крупной суммой денег, взрывчаткой и автомобилем. Кроме того, Шакир имел особый ключ к шифру, используемому для сообщений как со Стамбулом, так и с другими провинциями [50].

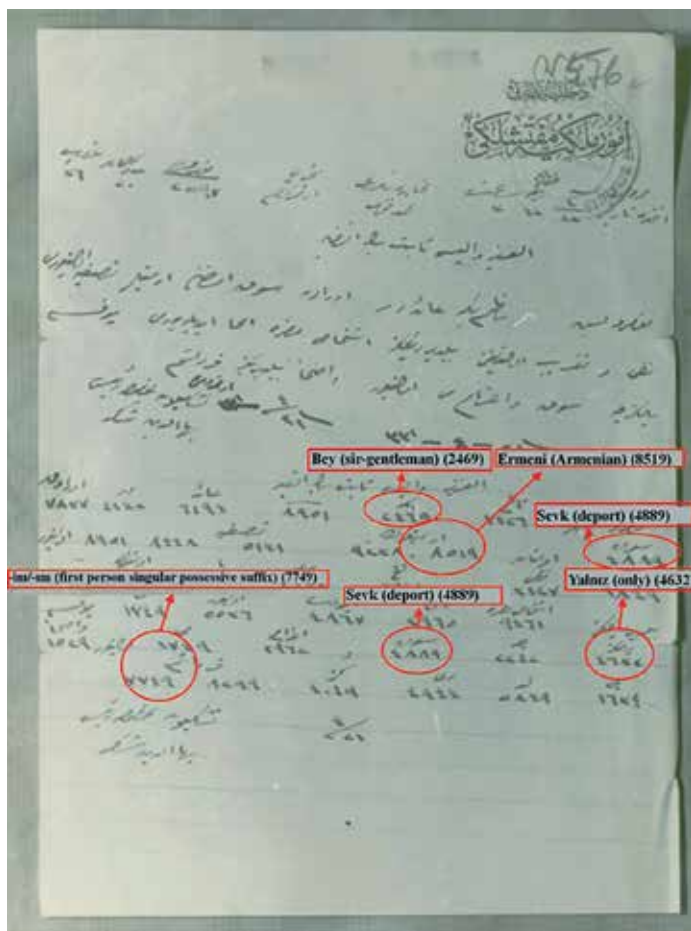

Рис 3. Телеграмма Бахаэттина Шакира от 4 июля 1915 г.
с расшифрованными цифрами

Бахаэттин Шакир был подсудимым в двух послевоенных процессах в Стамбуле: в основном суде против лидеров партии, а также в суде Мамуретулазиз (Элазыг-Харпут), где его судили *in absentia*. В обоих обвинительных заключениях неоднократно описывается и род его деятельности, и его личность. Одним из важнейших документов обвинения в обоих судах была его телеграмма от 4 июля 1915 г. В мамуретулазизском процессе эта телеграмма упоминается как в обвинительном заключении, так и в вердикте судей. В заключении основного суда, она полностью приводится стороной обвинения и именуется «шифrogramмой». Утверждается также, что «фотокопия» документа приложена к остальным судебным документам «в досье 9» [51].

Губернатор Эрзерума Тахсин-бей в дальнейшем сообщал, что один из шифровальных ключей, выданных Бахаэттину Шакиру, был от Министерства внутренних дел, и что он (Шакир) посылал туда депеши и подписывался «главой Особой организации». Тахсин, выступавший свидетелем в мамуретулазизском процессе, заявил в ходе заседания 2 августа 1919 г., что «у Бахаэттина Шакира-бея был шифр [ключ]. Он переписывался как с Блистательной портой, так и с Военным министерством. В ходе депортаций он также переписывался с армией» [52].

В ходе этого суда (10 января 1920 г.), упомянутая депеша от 4 июля 1915 г. была зачитана как улика [53]. Повторимся, существование и содержание этого документа было известно. Тем не менее ученые, подобные Леви, утверждали, что в отсутствие оригинала лишь цитата в обвинительном заключении считаться достоверным источником не может. Излишне говорить, что одной официальной эмблемы на бланке достаточно, чтобы перестать сомневаться в достоверности, но у нас есть и другая, крайне важная информация, подтверждающая, что мы имеем дело с оригиналом.

Шифровальный метод в документе соответствует другим архивным документам

Как видно на фотокопии телеграммы Бахаэттина Шакира, в ней содержится набор арабских цифр, скомпонованных в виде четырехзначных групп. Над этими группами надписаны слова или суффиксы, эквивалентные каждой группе. Некоторые из этих слов или суффиксов очень легко идентифицировать: Ermeni (армянин/армянский) (8519); Sevk (депортировать) [4889]; yalnız (только) [4632]; Bey (господин, сударь) [2469]; -leri (суффикс множественного числа [9338]; -im/-im (притяжательный суффикс первого лица единственного числа [7749].

Ученым предоставлен доступ ко множеству зашифрованных документов Министерства внутренних дел, хранящихся в Османском архиве. В основном это телеграммы, высланные в Стамбул из провинций. Существенная часть этих телеграмм военных лет также содержит четырехзначные группы цифр, подобно депеше Шакира. Мы сравнили четырехзначные группы цифр из документов Шакира с документами из Османского архива, датированные тем же периодом, июнь–июль 1915 г. Сделать это довольно просто, поскольку архивные документы уже были расшифрованы, и соответствующие слова и суффиксы были надписаны над числовыми кодами. Этот анализ подтвердил, что Бахаэттин Шакир действительно пользовался шифровальным ключом Министерства внутренних дел Османской империи.

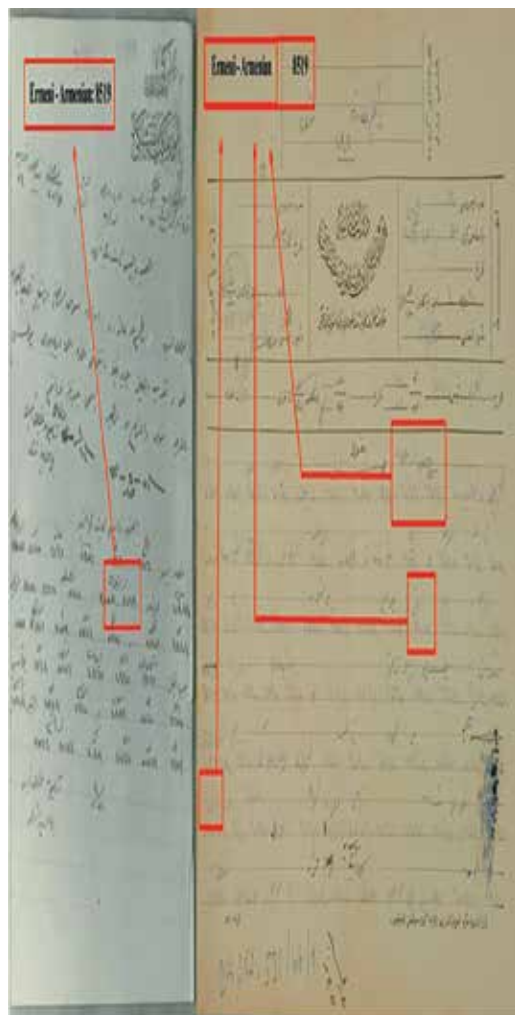
В 25 различных телеграммах, рассмотренных нами, мы обнаружили 34 случая использования слов и суффиксов, идентичных тем, что найдены в телеграмме Шакира (см. рис. 4).

Необходимо также отметить, что документы, обнаруженные нами в архивах Османской империи, были открыты для исследователей лишь в текущем десятилетии, 2010-х гг. Иными словами, существование этих шифрограмм до этого времени не было широко известно, и использовать их для сравнения было невозможно. В настоящее же время существование и подтвержденная подлинность этих телеграмм Махмута Камиля-паши и Бахаэттина Шакира возвращают нас к вопросу о соотношении факта и истины. Как уже говорилось выше, одним из стратегических элементов политики отрицания целого ряда турецких правительств является сокрытие или уничтожение оригиналов исторических документов. Обнаружение этих документов наносит сильный удар по этой стратегии. Это подводит нас и к теме настоящего издания, вопросу о подлинности телеграмм Талаата-паши.

* * *

Книга, которую вы держите в руках, содержит не только ряд связанных с темой документов, но и воспоминания чиновника Османской империи Наима-эфенди, работавшего в Канцелярии по депортациям Алеппо (Halep Sevkiyat Müdürlüğü) в 1915–1916 гг. Эти воспоминания мы также обнаружили в частном архиве католического священника Григора Гергеряна [54].

В мемуарах содержатся и депеши министра внутренних дел Османской империи Талаата-паши, предписывающие уничтожение армян, наряду с личными наблюдениями самого Наима-эфенди за этот период. Как упоминалось выше, в 1918 г. Наим продал свои мемуары и телеграммы представителю армянской интеллигенции Араму Антоняну, который, в свою очередь, издал документы и часть мемуаров на армянском, английском и французском языках в 1920–1921 гг.

**Рис. 4. DH.ŞFR., 531/46-1 Шифрограмма из Элазига,
7 сентября 1916 г.**

Документы, опубликованные в приложениях к настоящей книге, были представлены англоязычному читателю впервые (в переводе). Мы представляем ранее неопубликованные фрагменты мемуаров Наима-эфенди, наряду с фрагментами, изначально изданными Антоняном в армянском переводе, представляя читателю воспоминания целиком. В приложениях представлены письма Антоняна, в которых он упоминает Наима и рассказывает о нем, и письмо Антоняну от врача по имени Аветис Наккашян. Эти письма представляют читателю подробные сведения о Наиме-эфенди. Наконец, мы представляем вниманию читателей рецензию на книгу Антоняна, написанную Вальтером Ресслером (Rößler), служившим в годы войны консулом Германии в Алеппо.

* * *

В каждой книге есть место благодарности. Я осознаю, что список тех лиц и организаций очень длинный, но не буду ограничиваться упоминанием лишь тех, кто помог мне с самой книгой. Я хотел бы выразить свою признательность всем тем, кто помог мне обеспечить электронный доступ к архиву Гергеряна. В первую очередь я хотел бы поблагодарить племянника Григора Гергеряна, доктора Эдмунда Гергеряна – как за его тщательное хранение архива дяди после кончины последнего в 1988 г., так и за проявленное терпение и доброжелательность в процессе оцифровки архива. Особую благодарность хотел бы выразить также Перчу Паносяну, который отсканировал и оцифровал весь архив. Перч подошел к проекту не просто как профессионал и человек дела, он вложил в работу всю свою душу. Благодаря его профессионализму некоторые из наиболее хрупких или нечитанных документов сегодня стали намного более доступны в цифровом формате, нежели в оригинале.

Кроме необходимости просмотреть архив, который находится в достаточно беспорядочном состоянии, нам потребовалось также произвести его индексацию, дабы облегчить последующую исследовательскую работу. Архивные материалы написаны на целом ряде языков, в том числе английском, французском, итальянском, армянском, османском и турецком, написанным армянским алфавитом. Потому для перевода и каталогизации этой коллекции, насчитывающей свыше 100,000 документов, было необходимо привлечь множество лиц с различными языковыми навыками. Это было бы невозможно без надежных партнеров в лице частных лиц и организаций. Неоценимую поддержку нам оказали Назар и Артемис Назаряны, Гарри и Сюзан Туфаяны, Саркис и Руфь Бедевьяны, Акоп и Сильвия Багдадлыаны, Саро и Хильда Артуныяны, Андраник Багдасарян, Ануш Матевосян и друг из Нью-Йорка, пожелавший остаться неизвестным. Довести проект до конца нам помогли также Фонд Галуста Гульбенкяна и особенно доктор Размик Паносян, который придал новое лицо Отделу армянских общин Фонда, Фонд Дадурян, фонд Жирайра Нишаняна, Армянский Всеобщий благотворительный союз (AGBU); организация «Рыцари и дочери Вартана» и Национальная ассоциация арменоведения и исследований (NAASR).

Я хотел бы также выразить личную благодарность всем тем, кто помог мне в подготовке этой книги, а их было немало. В первую очередь благодарю Омера Тюркоглу. Омер не только самым тщательным образом транслитерировал османские документы, приведенные в этой книге, в том числе мемуары Наима-эфенди, он также взял на себя редакцию чужих переводов и сделал ряд конструктивных предложений по содержанию книги. Лишь благодаря его содействию книга приобрела свой окончательный вид. Ани Дегирменчиоглу, Севан Дерменджян, Назлы Темир Бейлерян и Табита Топарлак перевели армянские тексты на турецкий

язык, чтобы я смог с ними ознакомиться. Перевод этих армяноязычных материалов на английский язык был сделан Арамом Аркуном. Мои студенты-докторанты, Анна Алексанян, Эмре Чан Даглыоглу, Бурчин Герчек и Умит Курт (сейчас уже доктор Курт), не только работали над каталогизацией архива, но и внимательно прочитали всю работу на предмет ошибок и сделали ряд ценных замечаний. К этому списку я хотел бы также добавить Робера Копташа, который тщательно вычитал текст и выступил со своими замечаниями, и Марка Мамиконяна, директора по вопросам образования в NAASR, с которым я беспрерывно обсуждал сложности и вопросы, связанные с настоящей работой. Среди всех тех, перед кем я в долгу, я должен упомянуть своего давнего друга и партнера Пола Бессемера, который перевел все мои книги и многие из моих статей. Вы сейчас держите эту книгу в руках благодаря его искусному переводу. Еще двое переводчиков, Белинда Купер и Дженнифер Манукян, помогли мне перевести исходные тексты, приведенные в приложении, на английский. Всем этим людям я бесконечно признателен. Джордж Ширинян взял на себя труднейшую задачу по редактуре всего текста и его подготовке к публикации.

И, наконец, я хотел бы поблагодарить сотрудников Турецкого республиканского архива в Анкаре. Благодаря современным технологиям, этот архив связан электронно с Османским архивом Стамбула. По этой причине я мог воспользоваться Османским архивом Стамбула из Анкары. Сотрудники архива в Анкаре очень помогли мне во всем; кроме создания благоприятной рабочей атмосферы, они также содействовали моему доступу к необходимым документам. Когда я спросил, как их зовут, чтобы упомянуть их в работе, ответом мне было: «Имена приходят и уходят, профессор, выразите лучше благодарность учреждению», и это был важный символ того, с каким энтузиазмом они работают.

Разумеется, вся ответственность за любые упущения и неточности в этой книге лежит целиком и полностью на мне.

Примечания

1. Эта история цитируется по Hannah Arendt, *Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought* (New York: Penguin Books, 2006), стр. 536.

2. Там же, стр. 535.

3. Там же.

4. Эта известная цитата приписывается американскому сенатору Даниэлю Патрику Мойнихэну (1927–2003), https://en.wikipedia.org/wiki/Daniel_Patrick_Moynihan, и, возможно, была повторена вслед за американским государственным деятелем Бернардом Барухом (1870–1965): «Я всегда утверждал, что любой человек имеет право на неверное мнение. Но права на неверные факты не имеет никто». *Baruch: The Public Years* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1960), стр. 376.

5. Примеры того, как реалии, основанные на фактах были успешно трансформированы в «одно мнение среди прочих» касательно геноцида армян: Marc Mamigonian, «Academic Denial of the Armenian Genocide in American Scholarship: Denialism as Manufactured Controversy», *Genocide Studies International*, 9, no. 1 (весна 2015), стр. 61–82. Наиболее недавние обсуждения политики отрицания Геноцида армян: Jennifer M. Dixon, «Rhetorical Adaptation and Resistance to International Norms», *Perspectives on Politics*, 15, no. 1 (2017): стр. 83–99; Richard G. Hovannisian, «Denial of the Armenian Genocide 100 Years Later: The New Practitioners and Their Trade», *Genocide Studies International*, 9, no. 2 (2015), стр. 228–247; и Taner Akçam, *The Young Turks' Crime Against Humanity* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012), стр. 273–449.

6. Michel-Rolph Trouillot, *Silencing the Past: Power and the Production of History* (Boston: Beacon Press, 1995), стр. 26. Нумерация четырех моментов добавлена автором.

7. Как показывает телеграмма Махмута Камил-паши, среди простого населения наблюдалось несогласие с тем, как правительство обращается с армянами. По этому вопросу см. George N. Shirinian, «Turks Who Saved Armenians: Righteous Muslims during the Armenian Genocide», *Genocide Studies International*, 9, no. 2 (2015), стр. 208–227, и Burçin Gerçek, *Akıntıya Karşı: Ermeni Soykırımında Emirlerle karşı Gelenler, Kurtaranlar, Direnenler* (Istanbul: İletişim, 2016).

8. Yusuf Sarıнай, «What Happened on April 24, 1915, the Circular of April 24, 1915 and the Arrest of Armenian Committee Members in Istanbul», *International Journal of Turkish Studies*, 14, nos. 1&2 (Осень 2008), стр. 75–101, 80. Критический обзор этой статьи см. Ara Sarafian, «What Happened on 24 April 1915? The Ayash Prisoners», URL: <http://www.gomidas.org/submissions/show/5> (доступ 22 April 2013).

9. Григор Зограб (1861–1915) был яркой личностью и выдающимся армянским интеллектуалом: адвокат, инженер, архитектор и писатель. Он также неоднократно избирался депутатом от Стамбула в Османскую палату депутатов – в 1908, 1912 и 1914 гг. Подробности о его жизни и смерти см. Nesim Ovadya İzrail, 1915 Bir.lüm Yolculuğu Krikor Zohrab (Istanbul: Pencere Yayınları, 2013).

10. Смерть Зограба стала достоянием гласности, когда напавший на него признался, что размоzzжил ему голову камнем. Ahmet Refik Altınay, *İki Komite İki Kital* (Istanbul: Bedir Yayınları, 1999), стр. 51–52.

11. Архив Григора Гергеряна, Османские документы, 13 – Григор Зограб, документ 03 [От автора: архивная нумерация в этой работе носит временный характер и в конечном итоге будет изменена. Мы рекомендуем исследователям воспользоваться онлайн-каталогом, который мы использовали для нахождения статей и других документов].

12. Там же, документ 04.

13. Там же, документ 02.

14. Ali Fuat Erden, *Birinci Dünya Savaşı'ında Suriye Hatıraları* (Istanbul: TİŞ Bankası Kültür Yayınları, 2006), стр. 226.

15. Дополнительную информацию из различных воспоминаний, связанных с убийством Зограба, его арестом, судом и казнью его убийц, см. Nesim Ovadya İzrail, 1915 Bir.lüm Yolculuğu, стр. 355–384.

16. Там же, стр. 363–364.

17. «Дашнакцутюн» – армянское название Армянской революционной федерации, одной из важнейших армянских политических организаций, основанных в 1890 г. в Тифлисе. В 1918 г. она сформировала первое правительство Армянской республики.

18. BOA.DH.ŞFR., 53/211, Шифрограмма Министра внутренних дел Талаата в провинцию Анкары от 3 июня 1915 г.

19. BOA.DH.ŞFR., 54/132, Шифрограмма Министра внутренних дел Талаата в провинцию Анкары от 24 июня 1915 г.

20. Ресслер, консул Германии в Алеппо, сообщил телеграммой от 29 июня 1915 г., что Агнуни и его попутчики все еще находятся в Алеппо. Реймонд Геворгян утверждает, что убийство было осуществлено бандой Хаджи Телала, см. R. Kévorkian, *Armenian Genocide A Complete History* (London: I.B. Tauris, 2011), стр. 524.

21. BOA.DH.EUM., 5. ŞB. 26/23 Конфиденциальная записка от Министра внутренних дел Талаата-бея Министру иностранных дел Халилу-бею, 19 июля 1915 г. BOA.DH.ŞFR., 52/266, Cipher cable from Interior Minister Talat to the Province of Kastamonu, 8 May 1915.

23. BOA.DH.ŞFR., 54-A/183, Шифрограмма Министра внутренних дел Талаата в провинцию Кастамону, 29 июля 1915 г.

24. Grigoris Balakian, *Armenian Golgotha* (New York: Alfred A. Knopf, 2009 г.), стр. 301–304.

25. Yusuf Sarıнай, «What Happened on April 24, 1915», стр. 97.

26. Genelkurmay Başkanlığı, Arşiv Belgeleriyle Ermeni Faaliyetleri, 1914–1918, Том 1 (Ankara: Genelkurmay Basımevi, 2005), стр. 131.

27. Подробности о законе от 26 сентября и Процедуре от 8 ноября 1915 г. Taner Akçam and Umit Kurt, *Spirit of the Laws: The Plunder of Wealth in the Armenian Genocide*, translated by Aram Arkun (New York: Berghahn Books, 2015), стр. 24–29.

28. BOA.DH.EUM.VRK., 15/71-2, Muamele-i Umumiye-i Sevkiye Hakkında Talimatname (Регулирующий указ об общем проведении депортаций).

29. Подробную информацию об Османских архивах и уничтожении документов см. Taner Akçam, *The Young Turks' Crime Against Humanity*, стр. 9–20.

30. Подробную информацию о послевоенных судах над иттихадистами см. Vahakn N. Dadrian and Taner Akçam, *Judgment at Istanbul: The Armenian Genocide Trials* (New York: Berghahn Books, 2011).

31. Публицист Арам Антонян (1875–1952) был одним из выдающихся представителей армянской интеллигенции. Его арестовали 24 апреля 1915 г. наряду с другими представителями армянской интеллигенции, и он чудом избежал их судьбы, сломав ногу в ходе депортации. Депортационные годы он таким образом провел в концентрационном лагере в Мескене и городе Алеппо, где и познакомился с Наимом-эфенди. Начиная с 1928 г. и вплоть до самой смерти в 1952 г., он был директором Библиотеки Порос Нубар в Париже. Более подробную информацию об Антоняне см. Rita Soulahian Kuyumjian (ed.), *Exile, Trauma and Death: On the Road to Chankiri with Komitas Vartabed* (London: Gomidas Institute and Tekeyan Cultural Association, 2010).

32. Эфенди и бей – принятые в Османской империи обращения, схожие со словами «господин» или «сэр» и определявшие статус человека в обществе. Эфенди занимает более низкую ступень по сравнению с беем. В Османских документах Наима называют эфенди.

33. Aram Andonian, *Documents officiels concernant les massacres Arméniens* (Paris: Imprimerie H. Turabian 227, Boulevard Raspail, 1920); Andonian, *The Memoirs of Naim Bey, Turkish Official Documents relating to the Deportations and Massacres of Armenians*, compiled by Aram Andonian with an introduction by Viscount Gladstone (London: Hodder and Stoughton, 1920); Aram Andonian, *Medz Vojirë, [The Great Crime]* (Boston: Bahag Printing House, 1921). Английское издание довольно проблематично и его не следует использовать как источник. Французское же, будучи точным переводом с армянского оригинала, опускает некоторые главы. В настоящей книге используется лишь армянский текст.

34. Şinasi Orel ve Süreyya Yuca, *Ermenilerce Talat Paşa'ya Atfedilen Telgrafların Gerçek Yüzü* (Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1983); Şinasi Orel and Süreyya Yuca, *The Talat Pasha Telegrams, Historical Fact or Armenian Fiction?* (Nicosia: K. Rustem&Brother, 1986).

35. «Les explications de Bernard Lewis», *Le Monde*, 1 января 1994.

36. Guenter Lewy, *the Armenian Massacres in Ottoman Turkey: A Disputed Genocide* (Salt Lake City: University of Utah Press, 2004).

37. Там же, стр. 206.

38. Там же.

39. Там же, стр. 73, 206.

40. Там же, стр. 65.

41. https://www.tbmm.gov.tr/develop/owa/tbmm_basin_aciklamalari_sd.aciklama?p1=30684 (Дата доступа: 14 April 2017). Разумеется, важным здесь является не сам факт награждения Турецким правительством (оно раздает множество наград с различными целями), а причина этого награждения.

42. Arnold Toynbee and James Bryce, *The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, Documents presented to Viscount Grey of Fallodon, Secretary of State for Foreign Affairs By Viscount Bryce. Uncensored edition* (Princeton and London: Gomidas Institute, 2005). Более подробно о «синдроме иерархии», которому подвержены многие критические историки, см. Taner Akçam, «The Relationship between Historians and Archival Records: A Critique of Single Source Scholarship on the Armenian Genocide», *Journal of the Society for Armenian Studies*, 19, no. 2 (2010), стр. 43–92.

43. Marc Nichanian, «The Truth of the Facts About the New Revisionism», in *Remembrance and Denial: The Case of the Armenian Genocide*, edited by Richard G. Hovannisian (Detroit: Wayne State University Press, 1999), стр. 257.

44. Вся информация о жизни отца Григора Гергеряна была получена нами от доктора Эдмунда Гергеряна.

45. Нусрет был осужден, приговорен к смерти и казнен в августе 1920 г. Более подробно о суде над Куртом Мустафа-пашой, см. Vahakn N. Dadrian and Taner Akçam, *Judgment at Istanbul*, стр. 305–306.

46. Короткую записку Григора Гергеряна о передаче его документов можно найти в Архиве Григора Гергеряна, 03 «19-Zaven Yeghiayan».

47. Автор этих строк в течение многих лет неоднократно пытался получить разрешение на работу в этих архивах, и всегда безрезультатно. Наш запрос на получение оригинальных материалов в Иерусалиме, копии которых хранятся в архиве Гергеряна, остался без ответа.

48. Takvim-i Vekayi, no. 3540, 5 May 1919. Полный текст обвинительного заключения см. Vahakn N. Dadrian and Taner Akçam, Judgment at Istanbul, стр. 179–190.

49. Более подробную информацию о деятельности Ба-хазеттина Шакира и Особой организации см. Taner Akçam, A Shameful Act: The Armenian Genocide and the Question of Turkish Responsibility (New York: Metropolitan, 2006), стр. 149–205. Упоминаемые телеграммы: BOA.DH.ŞFR., 441/80; 442/31, and 498/67.

50. Vahakn N. Dadrian and Taner Akçam, Judgment at Istanbul, стр. 180–181.

51. Показания на основном суде над иттихадистами см. там же, стр. 184, судебный вердикт по Мамуретулазизскому делу см. там же, стр. 207–212.

52. Yeni Gazete, 3 августа 1919 г.

53. Alemdar, 11 января 1920 г.

54. Мы называем текст, обнаруженный в архивах, используя определение А. Антоняна Natirat [Мемуары]. Все ссылки на турецкий текст далее будут носить название Natirat.

Введение

Когда Тигран Бояджян опубликовал одну из первых работ, посвященных геноциду армян, он назвал свою книгу «Дело о забытом геноциде» [1]. С тех пор прошло несколько десятилетий, и этой теме были посвящены сотни публикаций на различных языках. Сегодня можно утверждать, что геноцид армян занял принадлежащее ему по праву важное место в сфере исследований геноцидов. «Забытым геноцидом» он больше не является.

Недавние публикации в этой области показывают, что несмотря на упорное отрицание геноцида армян правительствами Турции, проживающие на своей исторической родине армяне систематически уничтожались властями Османской Турции. Будучи одним из древнейших христианских народов региона, армяне почти два тысячелетия жили в качестве христианского меньшинства, окруженного мусульманским большинством, и были лишены базовых социальных, экономических и политических прав в империи, управление которой подчинялось исламскому праву. Во второй половине 19 века армяне стали стремиться к большей социальной справедливости и политическом равенству, но столкнулись с нарастающим преследованием со стороны османской власти.

Символично, что Берлинский конгресс 1878 г. считается началом длительного процесса уничтожения, который, что не менее символично, закончился созданием Советской Армении в 1921 г. и Турецкой республики в 1923 г. Можно сказать, что весь период

1878–1923 гг. сопровождался непрерывным геноцидным процессом и был отмечен тремя примерами особо массовых зверств против армянского населения. Масштабная резня, особенно в 1894–1896 гг., в годы правления султана Абдул-Гамида (известная под названием Гамидовской резни), унесла, по самым осторожным оценкам, около ста тысяч человеческих жизней [2]. Резня в 1909 г. в Адане привела к разрушению города и смерти около 20 000 армян. Затем произошел геноцид 1915–1918 годов, когда все армянское население было изгнано со своей исторической родины. Из около двух миллионов армян, проживающих в Анатолии в 1914 г., сегодня осталась очень небольшая община в Стамбуле (40–60 тыс. чел.).

Геноцид не только стоил армянам жизни, но и оставил на них бремя доказательства того, что их действительно уничтожили – вследствие последовательного отрицания правительствами Турции. Как мы уже упоминали в предисловии к настоящему изданию, телеграммы Талаата-паши играют важнейшую роль в предоставлении этого «доказательства». Эти депеши, изданные Арамом Антоняном вместе с воспоминаниями османского чиновника Наима, содержали приказы уничтожить армянский народ. Показать подлинность этих телеграмм и воспоминаний Наима означает вытащить последний кирпич из стены отрицания.

Наим-эфенди и его мемуары

Наим работал секретарем в Канцелярии по депортациям (Sevkiyat Müdürlüğü) Алеппского отделения дирекции Министерства внутренних дел по делам расселения племен и иммигрантов (İş kan-ı Aşair ve Muhacirîn Müdüriyeti) [3]. Текст, который здесь и далее называется «воспоминаниями», не является книгой мемуаров в классическом смысле. Это сбор-

ник рукописных копий 52 османских документов [4] с поясняющими пометками, собственноручно написанными самим Наимом. Большинство документов в этой коллекции приписываются иттихадистскому триумvirату и Министру внутренних дел Талаату-паше, и в некоторых из них содержатся его приказы по истреблению армянского населения. Кроме того, Наим записал то, что он сам знал о темах и событиях, упомянутых в телеграммах. Необходимо отметить, что очень важная часть этих «мемуаров» никогда ранее не издавалась и выходит в свет лишь сейчас (см. Приложение А.1).

Первым эти воспоминания публике представил армянский журналист и интеллектуал Арам Антонян, который, наряду с другими выдающимися деятелями армянской общины Стамбула, был арестован 24 апреля 1915 г. и лишь благодаря курьезной случайности смог избежать тюремного заключения (и прискорбной участи многих своих товарищей) [5]. После взятия Алеппо англичанами в ноябре 1918 г. Антонян, который на тот момент находился там, купил оригинальные записи у самого Наима, оставшегося в городе после взятия. Антонян купил не только рукописные копии документов (здесь и далее именуемые «воспоминаниями»), но и около 24 оригиналов османских документов [6].

Рассмотрим, что это были за 24 оригинальных документа. Рукописные копии 16 из них были включены в мемуары Наима. Шесть из 24 были связаны с судьбой депутата-армянина Григора Зограба и не упоминались в воспоминаниях вообще. Еще два из 24 документов, не упомянутых в воспоминаниях, – это письма, написанные членом Центрального комитета партии «Единение и прогресс» Бахаэттином Шакиром, Антонян воспроизвел фотографии 14 из 24 документов в своей книге на армянском языке, включая письма Шакира [7]. Семь из 24 документов были зашифрованными телеграммами, использующими двух- и трехзначный метод шифрования. В своей книге Антонян представил

пять фотокопий этих семи зашифрованных телеграмм. 12 из 24 документов – это телеграммы за подписью губернатора Алеппо Мустафы Абдулхалика. Антонян опубликовал в своей книге фотографии семи из них.

В своих частных записях Антонян рассказывает о конкретных встречах с Наимом, в ходе которых он покупал документы. Согласно его записям, Антонян встретился с Наимом в известном алеппском отеле Барон (принадлежащем братьям Мазлумян) 6, 10 и 14 ноября 1918 г., и именно тогда он купил и получил в свое пользование документы, отдельными пакетами. 14 ноября Наим пришел выразить благодарность за полученные деньги и сообщил Антоняну, что может предоставить еще копии документов. Антонян отказался, сказав бывшему османскому чиновнику, что деньги он получит, лишь если предоставит оригиналы.

«Наим лично явился в отель, чтобы поблагодарить (меня). Он вновь хотел моего ходатайства перед Б. (т.е., Онником Мазлумяном, владельцем отеля Барон – прим. автора) для оплаты документов, которые он обещал принести. Я сказал ему, что этого делать не стану (т.е. платить), если это будут лишь (рукописные) копии. Если б он принес оригиналы – другое дело... (см. рис. 1)».

В конце концов, Наим действительно принес и оригиналы.

На основе воспоминаний Наима и проданных им документов, Антонян написал в 1919 г. книгу на армянском языке, опубликованную лишь после английского и французского издания. [8] Наибольшая значимость работы в том, что она содержит депеши, приписываемые Талаату-паше. В них министр внутренних дел Османской империи отдавал приказания, связанные с истреблением армян. Достаточно лишь нескольких примеров: в депеше от 22 сентября 1915 г. Талаат-паша отдает приказ: «Права армян на турецкой земле, такие

как право на жизнь и труд, были уничтожены, и никого не следует щадить, даже младенцев в колыбелях. Правительство целиком берет на себя ответственность за это и заявляет, что “в некоторых провинциях уже были приняты эффективные меры” в соответствии с этим приказом» [9].

В другой шифрограмме, отправленной губернатору Алеппо 29 сентября 1915 г., говорится:

«Ранее сообщалось, что правительство, приказом Джемийета (Комитет Иттихада), постановило уничтожить всех армян в Турции. Те, кто препятствует этому указу и решению, не могут оставаться в официальных структурах страны. Будь то женщина, ребенок или немощный, какими бы трагическими ни были методы уничтожения, с существованием этих людей надлежит покончить, невзирая на укоры совести» [10].

В похожем ключе написана и другая телеграмма, на сей раз не имеющая даты:

«Хотя намерение уничтожить подданных (империи), которые на протяжении столетий стремились подорвать крепкие основы государства и являлись угрозой для правительства, имелось давно, ранее не существовало (подходящих) условий (для этого), и исполнение этой священной цели было невозможно. Поскольку все препятствия (на пути к этому) сейчас устранены, и настало время спасти страну от этого враждебного элемента, необходимо приложить все сознательные усилия и не поддаваться чувству жалости и сострадания, чтобы вычеркнуть из Турции само слово “армянин”, положив окончательный конец их существованию» [11].

Еще одна телеграмма, от 16 октября 1915 г., гласит:

«Поскольку общая преступность и правонарушения, совершаемые местным населением в отношении

известных (депортированных) лиц в ходе их перемещения помогут достижению правительством своих целей [12], расследовать эти преступления нет нужды. Соответствующие рекомендации направлены районам (Дер-) Зор и Урфа» [13].

В еще одной депеше, адресованной администрации Алеппо, от 14 декабря 1915 г. говорится:

«В первую очередь надлежит попытаться истребить духовенство. Было бы величайшей ошибкой позволить им беспрепятственно перемещаться и селиться в опасных регионах, подобных Сирии и Иерусалиму. Наиболее подходящим местом размещения этих лиц, которые в силу характера склонны к заговорам против правительства, является то, где их возможно истребить...» [14].

Совершенно очевидно, что книга, содержащая эти и похожие документы, представляет серьезную проблему для официальной версии турецкой истории, которой придерживается Республика Турция. Этим и объясняется публикация Турецкого исторического общества под авторством Шинасы Орела и Сюрейи Юджи. Авторы ставят под сомнение само существование османского чиновника по имени Наим и утверждают, что как его воспоминания, так и сопутствующие документы были сфабрикованы самим Антоняном [15].

Эти утверждения авторы основывают на следующих постулатах: 1) маловероятно, что человек по имени Наим-эфенди действительно существовал; 2) несуществующий человек не может писать мемуаров, а, следовательно, этих воспоминаний существовать не может; 3) телеграммы, приписываемые Талаату-паше, были сфабрикованы. Таким образом, они пришли к заключению, что и воспоминания, и документы – по сути, армянские подделки, скорее всего, сфабрикованные самим Антоняном. После издания этой работы все документы в этих воспоминаниях стали привычно име-

новаться «поддельными телеграммами, приписываемыми Талаату-паше». Однако, как мы покажем далее, заключение Орела и Юджи неверно по всем пунктам. Османский бюрократ Наим-эфенди действительно существовал, равно как и им написанные воспоминания, имеющиеся в нашем распоряжении. Мы также можем показать, что все, рассказанное Наимом в воспоминаниях, имело место быть и подтверждается соответствующими документами из Османских архивов.

Кроме того, мы докажем, что все приведенные Орелом и Юджей аргументы касательно подлинности телеграмм Талаата-паши либо не соответствуют истине, либо спекулятивны, и, в конечном итоге, неверны.

Примечания

1. Dickran H. Boyajian, *Armenia: The Case for a Forgotten Genocide* (Westwood, NJ: Educational Book Crafters, 1972).

2. В годы правления Абдул-Гамида резня происходила постоянно. Обширную библиографию по этой теме см. George N. Shirinian, «The Armenian Massacres of 1894–1897: A Bibliography», *Armenian Review*, 47, номера 1–2 (2001), стр. 113–164.

3. В тексте встречаются разные наименования Канцелярии: «Канцелярия по депортациям», «Дирекция по делам расселения племен и иммигрантов» «Дирекция по делам иммигрантов», и пр., поскольку разные люди называют этот орган по-разному. Основная контора этого учреждения размещалась в Стамбуле, а в Алеппо действовало отделение.

4. Номер 52 был присвоен самим Григором Гергеряном, который, в 1965 г. опубликовал на эту тему статью под псевдонимом «Krieger» «Aram Andoniani Hradaragadz Turk Bashdonagan Vaverakreru Vaveraganutyuni». (Правда об официальных турецких (sic) документах, изданных Арамом Антоняном) *Zartonk Gazetesi* (изд.), 1915–1965 *Hushamadyan Medz Yegherni* [Книга памяти о Великой катастрофе], (Beirut: Atlas, 1965), 238–239. В 1986 г. Ваагн Дадрян отредактиро-

вал и исправил несколько неточностей в списке Гергеряна и подготовил список из 52 документов со своими пометками. Vahakn N. Dadrian, «The Naim-Andonian Documents on the World War I Destruction of Ottoman Armenians: The Anatomy of a Genocide», *International Journal of Middle Eastern Studies*, 18, no. 3 (August 1986), стр. 311–360, 316–317. Следует отметить, что некоторые цитаты из Наима «документами» можно называть с натяжкой. Некоторые описания, которые и Гергерян, и Дадриан считают «документами», на самом деле являются пересказом информации Наимом и его воспоминаниями о событиях, а не копиями реальных документов. Не вдаваясь в эти подробности, мы воспользовались номером 52.

5. Арам Антонян написал воспоминания о своем аресте 24 апреля и последующей одиссее в течение нескольких лет депортаций и войны. См. A Rita Soulahian Kuyumjian (ed.), *Exile, Trauma and Death*.

6. Нам неизвестно точное число документов, проданных Наимом Антоняну. Гергерян утверждал, что Наим предоставил и отдельные оригинальные депеши, связанные с убийством армянского парламентария Григора Зограба, с учетом которых общее число документов составило бы 21. Krieger, «Aram Andoniani Hradaragadz Turk Başdonagan Vaverakregu», стр. 236. Однако документов, посвященных Зограбу, в архиве Гергеряна всего шесть. Сколько из них были предоставлены Наимом, а сколько были приобретены по другим каналам, нам неизвестно. Мы используем число 24, оно представляется нам более точным.

7. В настоящем труде мы не обсуждаем подлинность двух писем Шакира, поскольку к воспоминаниям Наима они отношения не имеют. Однако они подлинны, не только потому, что их содержание подтверждается информацией, собранной в исследованиях по теме Геноцида армян, но и потому, что имеющаяся подпись Шакира – подлинная. Шакир также был публицистом одной из иттихадистских газет, *Şurayl Ümmet* (1902–1910), и использовал эту подпись под своими колонками. Мы сравнили подпись Шакира под письмами и в газете. Вне всякого сомнения, они идентичны.

8. См. примечание 33 Предисловия.

9. Naim Efendi, *Natirat* [Мемуары], [15]. Номера страниц взяты из оригинального документа, и соответствуют опубликованному здесь тексту.

10. Aram Andonian, Medz Vojirë, стр. 208, 210. Есть фотография этого документа, на которой видны лишь цифры (стр.217). Расшифрованная версия была опубликована Антоняном в Воспоминаниях Наима. К сожалению, в имеющейся у нас версии, эта часть текста пропущена.

11. Hatirat [20].

12. Термин eşhası malume используется в официальных османских телеграммах для обозначения армян.

13. Hatirat [07].

14. Hatirat [14].

15. Şinasi Orel ve Süreyya Yuca, Ermenilerce Talat Paşa'ya Atfedilen Telgrafların Gerçek Yüzü (Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1983). Ни Орел, ни Юджа не были учеными, Орел – известный дипломат. Никаких других работ они не опубликовали. Сомнительно, что труд, рассматривающий целый ряд крайне сложных технических вопросов довольно подробным и профессиональным образом, был написан двумя авторами, которые ни до, ни после подобных работ не писали. Поэтому мы сочли необходимым изучить тему более подробно, и вот что нам удалось обнаружить: как мы и подозревали, книгу написали не они, она была подготовлена к публикации целой группой исследователей под руководством Министерства иностранных дел Турции. В издании ключевую роль сыграл представитель Министерства Камуран Гюрюн, автор широко известной работы «Армянское досье» в защиту «официальной версии» истории. Изначально этот труд должен был быть издан без указания авторов как правительственный отчет, но в дальнейшем он был опубликован за авторством Орела и Юджи, двух членов указанной группы авторов.

Этот труд был назван Министерством иностранных дел одним из важнейших исследований, посвященных армянскому вопросу, и если учесть то воздействие, которое он оказал на исследования геноцида армян в течение вот уже скольких десятилетий, уместность этой официальной оценки очевидна.

История и подлинность личности Наима-эфенди и его воспоминаний

Как до нас дошел текст

До сих пор было принято считать, что опубликованные Антоняном воспоминания Наима-эфенди и приложенные к ним документы были полной версией, но как стало ясно из имеющихся у нас бумаг, опубликованный Антоняном текст был лишь частью того, что предоставил Наим-эфенди [1].

Оригинальный же текст был обнаружен священником Григором Гергеряном, который нашел оригинал мемуаров и некоторые другие документы в ходе своего посещения Библиотеки Погос Нубар в Париже в 1950 г. и сфотографировал их [2]. Как следует из его описания, воспоминания состояли из трех отдельных черновиков, включающих в себя, соответственно, 16, 12 и семь страниц, скрепленных вместе кнопкой [3]. Помимо воспоминаний Наима-эфенди, Гергерян утверждает, что в библиотеке хранятся и «три доселе непубликовавшихся официальных документа, касающихся гибели Зограба» [4]. В настоящее время в библиотеке хранятся лишь два документа, связанных с гибелью Зограба, ни воспоминаний Наима-эфенди, ни оригиналов, прилагаемых к ним депеш там нет, и местонахождение этих бумаг неизвестно [5].

Что касается тех фрагментов, которые опубликовал Антонян, он не сохранил порядок, в котором были написаны воспоминания: те абзацы, которые

он счел наиболее важными, были размещены внутри написанного им самим текста так, как это ему показалось нужным для повествования. Временами, вместо того, чтобы с точностью передать слова Наима, он их обобщал вкратце. В нескольких редких случаях, Наиму приписывались некоторые предложения, которых в самих мемуарах не было, но это в основном были небольшие вставки, призванные пояснить повествование, к примеру, в конце документов подписи раскрыты именами.

Таким образом, можно констатировать, что опубликованное Антоняном не совсем является воспоминаниями Наима, скорее, это были крупные фрагменты из них, которые Антонян счел важными. Тем не менее, в самом начале книги он отмечает, что представляет комментарии и пометки: «Невозможно публиковать мемуары Наима-бея без некоторого анализа. В некоторых разделах разъяснения просто необходимы, поскольку события и личности, которые он упоминает или на которые намекает, малоизвестны в Европе» [6].

Поскольку в армянском издании Антоняна прямые цитаты из воспоминаний Наима выделены иным шрифтом, было очень легко сравнить опубликованные там фрагменты с имеющимся у нас текстом. При сравнении двух вариантов мы обратили внимание не столько на то обстоятельство, что значительную часть воспоминаний Антонян не опубликовал, сколько на тот факт, что в армянском издании было гораздо больше выдержек из воспоминаний, чем в оригинале книги. Эти выдержки представлены в Приложении А.

Понятно нежелание Антоняна опубликовать значительную часть воспоминаний, он не считал это нужным. Однако остается неизвестной судьба тех частей воспоминаний, которые Антонян использовал, но которые Григор Гергерян не обнаружил. Прежде чем обратиться к этому вопросу, было бы полезно рассмотреть

еще одно обстоятельство, связанное с воспоминаниями. Как упоминалось выше, имеются фотографии 18 из оригинальных 52 документов, вошедших в воспоминания. Из этих 18 семь – шифрограммы, содержащие лишь цифры, а не слова. В армянском издании Антонян опубликовал репродукции 14 из этих 18 документов. В имеющемся в нашем распоряжении тексте представлены рукописные копии 32 документов, из которых лишь семь представлены фотокопиями.

Когда мы сравниваем рукописные копии с факсимиле документов, становится очевидно, что они одинаковы и слово в слово повторяют друг друга [7]. Это раскрывает очень важный факт: Наим не записывал эти документы по памяти, он переписывал оригиналы. Если бы запись велась по памяти, очевидно, что некоторые слова и предложения отличались бы.

Тот факт, что фотографии документов и описания, найденные в опубликованных мемуарах, идентичны, нивелирует один из основных аргументов Орела и Юджи о сфабрикованности документов. Они сравнили английский и французский перевод копий документов с опубликованными фотографиями османских текстов и нашли серьезные расхождения – как между переводами, так и между переводами и османскими текстами. Эти расхождения стали основой для их аргументации о поддельности мемуаров. «В поддельных документах обнаружено значительные расхождения с французскими и английскими изданиями книги Антоняна, настолько значительные, что их нельзя считать погрешностями переводов или фактическими неточностями [издателей]» [8]. В свете вышесказанного, вопрос можно считать разрешенным. Тексты в рукописных копиях и фотографиях идентичны.

Где сейчас воспоминания и оригиналы документов?

Итак, что же стало с воспоминаниями и документами, опубликованными Арамом Антоняном, которыми мы больше не обладаем? Ответ на этот вопрос можно найти в двух письмах, опубликованных в приложениях. Одно из них, датированное 6 октября 1925 г., написано Араму Антоняну доктором Аветисом Наккашяном (см. Приложение Б) [9], второе же написано 28 июля 1937 г. Антоняном госпоже Мари Терзян в Женеве (см. Приложение В).

Соответствующие сведения в этих двух письмах можно обобщить следующим образом: в 1920 г. Антонян привез воспоминания и документы в Лондон для английского издания. В дальнейшем он выбрал из них некоторые – «те оригиналы, которые уже были воспроизведены на цинковых пластинах». Остальные он оставил в Лондоне «для печати». В августе 1920 г. Аветис Наккашян, работавший в те годы врачом в Стамбуле, обратился к Антоняну через армянского Патриарха Завена за содействием судебному разбирательству в военном трибунале Стамбула против Абдулахада Нури [Тенгиршенка] по обвинению в военных преступлениях [10]. Абдулахад Нури служил директором по депортациям в Отделе расселения Канцелярии расселения племен и иммигрантов в Алеппо в годы войны [11].

Наим в это же время работал секретарем в той же дирекции и близко знал Абдулахада Нури. В своих воспоминаниях Наим предоставляет много информации и документов об этом человеке.

Доктор Аветис Наккашян слышал множество историй об Абдулахаде Нури от выживших после депортаций и расселившихся вокруг Алеппо армян. Он знал, что выжившие ищут его повсюду, чтоб отдать в руки правосудия. Доктор Наккашян совершенно слу-

чайню вышел на него в Стамбуле и добился его ареста. В этот период, в августе 1920 г. в руки к нему попала книга Антоняна, где он впервые прочел о «переписке Талаата и Абдулахада Нури». Он решил попросить у Антоняна, при посредничестве армянского Патриарха Завена, опубликованные им документы, связанные с Абдулахадом Нури.

Антонян поведал об этом в письме, написанном им в 1937 г. некоей госпоже Терзян:

«Я получил письмо ... на этот счет и немедленно отписал Армянскому бюро в Лондоне, чтобы они выслали все имеющиеся у них оригиналы в Патриархию, что и было сделано. Одновременно я послал многословное эссе, написанное Наим-беем карандашом касательно Абдулахада Нури-бея и обличающее его кровожадного начальника, и имеющиеся у меня оригиналы, где упоминался Абдулахад Нури».

Из стамбульской прессы того времени мы узнали, что против Абдулахада Нури был начат судебный процесс, и эти документы были использованы в этом процессе. В выпуске от 19 сентября 1919 г., армянская ежедневная газета Joghovurti Тзаун («Глас народа»), опубликовала репортаж, согласно которому «в первом трибунале состоялся суд против печально известной кровопийцы Абдулахада Нури». Как следует из статьи, «На стороне обвинения выступил доктор Наккашян и [представил] ужасающие документы о хорошо известной убийце». Некоторые документы, присланные Антоняном, были также включены в дело[12].

Суд над Абдулахадом Нури прервался без достижения вердикта, и подсудимому удалось избежать заключения и скрыться в Анатолии. В своем письме доктор Наккашян подробно рассказывает о том, почему так внезапно закончился суд над Абдулахадом Нури: «Однажды, во время разбирательства, из Анкары прибыл незнакомый священник. “Я отец Тачат, – сказал он, –

мою поездку оплатило правительство страны в Анкаре, чтобы освободить Абдулахада Нури”. Он предупредил: “Этот зверь – брат министра иностранных дел Юсуфа Кемаля. Вы хотите повесить тут этого пса, но если это произойдет, они там вырежут две-три тысячи армян. Умоляю вас, отпустите этого человека» [13].

В своем письме доктор Наккашян так же пишет: «Пока мы пытались найти решение и организовать нашу деятельность, кабинет Ферида-паши был распущен, и его место заняло правительство, симпатизирующее националистам», добавив, что изменился и судейский состав Военного трибунала, а Главный судья Курт Мустафа-паша, который изначально отдал приказ об аресте Абдулахада Нури, сам был заключен под стражу. Этот рассказ подтверждается и ежедневной прессой. Правительство Ферида ушло в отставку 17 октября 1920 г. [14], а Курт Мустафа-паша был арестован менее чем через месяц, 15 ноября 1920 г. [15] По словам доктора Наккашяна, его даже ненадолго задержали за то, что он выступил инициатором этого судебного разбирательства.

В письме к Мари Терзян, датированном 28 июля 1937 г., Антонян ответил на ее вопрос о том, что произошло с воспоминаниями и документами, которые он выслал в Стамбул: «Что касается высланных в Патриархию документов – из Лондона или лично мною, – и которые были присовокуплены к делу против Абдулахада Нури, они, разумеется, там и остались. Что с ними стало дальше, я так и не узнал». Судьба этих документов до сих пор неизвестна, но они должны были быть заархивированы вместе с упомянутым судебным делом, есть все основания полагать, что, если они не были уничтожены, подобно другим судебным делам этого периода, они должны храниться либо в Османских архивах премьер-министра в Стамбуле, либо в Военном архиве Анкары, известном под аббревиатурой ATASE (Архивы Генерального штаба Турции, военной истории и стратегических исследований) [16].

Некоторые из оставшихся (т.е., невысланных) документов исчезли или были утеряны в ходе суда над Согомоном Тейлеряном в Берлине. Тейлерян был арестован и предстал перед судом за убийство Талаата-паши, скрывавшегося после войны в Берлине, в марте 1921 г. Адвокаты, представлявшие Тейлеряна, попросили содействия у Антоняна. Последний согласился отправиться в Берлин с некоторыми имеющимися у него документами. По словам, Антоняна, «два письма и телеграммы [написанные Бахаэттином Шакиром] были присовокуплены к делу Тейлеряна» [17].

Здесь необходимо сделать ряд пояснений. Документы, привезенные Антоняном в Берлин, в само дело в качестве улик включены не были, поскольку не имели прямого отношения к предмету судебного разбирательства. Более того, суд не мог вызвать Антоняна свидетелем, несмотря на его приезд в Берлин. По мнению суда, ответственность Талаата-паши за депортации и последовавшие события обсуждать не было нужды, поскольку, с точки зрения процесса, было достаточно того факта, что Тейлерян считал Талаата-пашу лично ответственным за уничтожение армян [18].

Тот факт, что эти документы не использовались в суде над Тейлеряном, использовался Орелом и Юджи как доказательство их сфабрикованности [19]. Этот аргумент неверен. Берлинский суд не собирался обсуждать ни документы, ни роль Талаата-паши (и турецкого правительства в целом) в истреблении армян. Если бы такое обсуждение действительно имело место, суд бы подтвердил, что документы были подлинными и встал бы вопрос о роли Германии в геноциде. В свете Версальского договора и его жестких условий, а также в условиях царящей в стране социальной и экономической нестабильности, эта тема была потенциально взрывоопасна, и правительство Германии стремилось от нее отмежеваться.

Именно поэтому Вальтеру Ресслеру, служившему консулом в Алеппо во время геноцида, не было позволено выступить в суде [20]. В своем письме министру иностранных дел Германии Ресслер сообщил своему начальству, дескать, если ему позволят выступить, он будет вынужден заявить, что документы Антоняна подлинные и что Талаат-паша (и Османское правительство) нес прямую ответственность за резню (и прочие военные преступления).

Процитируем же самого Ресллера:

«Если Министерство иностранных дел Германии позволит мне выступить свидетелем на процессе против убийцы Талаата-паши, с меня необходимо будет снять статус секретности, и я буду вынужден ответить на все вопросы судей, будучи под присягой. Я не смогу избежать выражения своей убежденности в том, что Талаат-паша является, по сути, одним из тех турецких государственных деятелей, которые стремились к истреблению армян и планомерно осуществляли это. Все смягчающие обстоятельства, которые я мог бы представить касательно исключительной опасности армянского вопроса для Турции как потенциального орудия для раздробления страны в пользу России, померкнут перед тем основным впечатлением, которое произведет мое свидетельство. Предполагаю, что суд представит мне документы, которые были изданы армянином Арамом Антоняном, и в которых содержатся приказы Талаата-паши о депортации и истреблении. Мне придется заявить, что документы, по всей вероятности, подлинные. Мне также придется заявить, что прибывший из Константинополя в Алеппо комиссар по депортации сказал мне: “Вы не понимаете, чего мы хотим: мы хотим Армению без армян”» [21].

После своего возвращения в Париж, Антонян сделал несколько попыток вернуть себе оставшиеся в Берлине

документы, но безуспешно. К сожалению, этих документов, которые должны были бы сохраниться в указанном судебном деле, сегодня нигде нет. Как следует из рассказов самого Антоняна, часть мемуаров Наима и сопутствующих документов должна по сей день быть в библиотеке Погос Нубар в Париже. Как упоминалось выше, прибыв в библиотеку в 1950 г., отец Гергеряна нашел скрепленные вместе рукописные записи и ряд документов, которые незамедлительно сфотографировал. Однако ни Ив Тернон, ни Ваагн Дадрян, посетившие библиотеку в 1970-х и 1980-х годах, никаких оригиналов этих документов так и не нашли. Их судьба неясна. Единственный след оригиналов как воспоминаний, так и документов – это сделанные Гергеряном фотографии, которые мы и публикуем в настоящем издании.

Оспоренная подлинность текста

В своей книге 1983 г. Орел и Юджа поставили под сомнение сам факт существования чиновника по имени Наим-эфенди и заявили, что приписываемые ему воспоминания и сопутствующие документы были сфабрикованы редактором и издателем Арамом Антоняном. Хотя Ваагн Дадрян и попытался доказать их подлинность в своей статье от 1986 года [22], после работы Орела и Юджи всеобщее отношение к текстам Наима-Антоняна было скептическим не только в академических кругах, но и среди широкой общественности. Их все чаще стали называть не документами Наима-эфенди, а документами Антоняна, подразумевая, что именно он является их автором. Помимо общего нежелания использовать эти источники в научной работе, их поддельность стала одним из основных аргументов в защиту официальной турецкой позиции в политических дебатах. Постоянно упоминается также их «сфабрикованность армянскими кругами». Так стало

возможным говорить сегодня о том, что широкая общественность признала воспоминания Наима-эфенди и сопутствующие документы поддельными.

Примечательно, что после работы Орела и Юджи, опубликованной более 30 лет назад, не было ни одного нового исследования на эту тему. Те авторы, которые придерживались официальной версии событий и выступали с трудами на эту тему, такие как Камуран Гюрюн [23], Тюрккая Атайов [24], Гюнтер Леви [25], Максим Гоэн [26], всего лишь повторяли заключения Орела и Юджи. Даже те ученые этого периода, которые не обращались к теме напрямую, в основном отталкивались от сфальсифицированности документов Антоняна и даже в открытую это отмечали. Эрик Цюрхер [27], Бернард Льюис [28], Эндрю Манго [29], Норман Стоун [30] и Майкл Гантер [31] – вот некоторые из десятков примеров, которые можно привести.

Как упоминалось выше, критически настроенные историки предпочитали не касаться темы Наима-эфенди в своих работах и не использовать ни воспоминания, ни связанные с ними документы, дистанцируясь от этой темы, и в случае обнаружения схожих документов предпочитали использовать последние, либо ограничивались утверждениями, что тема требует дальнейшего изучения и обсуждения [32]. Говоря откровенно, таким был и мой подход в начале этого исследования. Я был полностью готов к тому, что рассматриваемые документы могли действительно оказаться фальшивыми [33]. В дальнейшем в работе я отмечал, что «не буду вдаваться в подробности этой темы», но когда обнаружил документы со схожим содержанием, я исполнился решимости использовать и те документы, которые были изданы Антоняном [34]. Таким образом, в дальнейшей работе я пошел дальше и решил, что к этому вопросу необходимо вновь обратиться [35].

Три основных аргумента, ставящие под сомнение воспоминания Наима-эфенди

Орел и Юджа обосновали свои утверждения о том, что воспоминания и документы были сфабрикованы Антоняном, тремя основными аргументами: 1) маловероятно, что человек по имени Наим-эфенди существовал; 2) неясно, были ли воспоминания Наима-эфенди подлинными; 3) опубликованные документы содержат множество неточностей, в частности, в подписях и датах, а значит, это подделки, сфабрикованные армянским журналистом Арамом Антоняном. Авторы подкрепляют эти аргументы исследованиями, которые они провели в Османских архивах. По их словам, они исследовали «Османские альманахи... сборники имперских законов и указов, первую частную османскую газету, а также своды законов», но ни разу не встретили имя «Наим-эфенди» [36]. По этой причине, «невозможно однозначно сказать, существовал ли в действительности Наим-эфенди». Орел и Юджа рассматривают три версии: «а) Наим-бей – вымышленный персонаж; б) Наим-бей – придуманное имя; с) Наим-бей – реально существующий человек», но «единственное, о чем можно с уверенностью сказать сегодня, это то, что если человек по имени Наим-бей существовал, он в любом случае был незначительным чиновником...[и] никак не мог бы иметь доступ к документам, которые были совершенно секретны и крайне важны» [37].

Поскольку они не верили в существование такого человека, Орел и Юджа не признавали Наима-эфенди автором приписываемых ему мемуаров. В своей работе, обращаясь к опубликованным Антоняном мемуарам, они всегда подчеркивали свое неверие, используя слова «мемуары» и «воспоминания» в кавычках [38]. Для них и мемуары, и сопутствующие документы – не

более, чем сочинение Антоняна [39], они утверждают, что «Антонян небрежно отредактировал поддельные документы» и что «Антонян поспешно набросал так называемые документы» [40]. Авторы признают, что целью их работы является показать, как именно Антонян сфабриковал документы и утверждают, что своей работой они «уничтожили в корне ту систему, которая была создана Антоняном для распространения фальшивых документов» [41].

По словам Орела и Юджи, «армянские круги» совершили «преступление... собрав эти поддельные документы» [42].

Вероятно, строже всего документы оценил Камуран Гюрюн:

«Если хоть одно предложение в документе, выдаваемом за подлинный, сфабриковано, вся книга становится [всего лишь] свидетельством фальсификации международного масштаба... Хотелось бы мне знать: эти фальшивые документы, изготовленные «аморальным» Наимом-беем и прошедшие экспертизу армянской организации, были ли они куплены как фальшивки? Мы никогда не узнаем. Однако стоит иметь в виду, что этот человек по имени Наим-бей вероятно существовал лишь в чьем-то воображении, а подделки сфабриковал сам Антонян» [43].

Существовал ли чиновник по имени Наим-эфенди?

Прежде всего, необходимо ответить на самый важный вопрос, касающийся подлинности мемуаров и сопутствующих документов: существовал ли османский чиновник по имени Наим-эфенди. На этот вопрос можно уверенно ответить утвердительно. Османский чиновник Наим-эфенди существовал, и это можно установить

целым рядом различных источников. Прежде всего, это документы, изданные Военным архивом Генерального штаба Турции (ATASE)[44]. Второй важный источник – это три отдельных османских документа, в которых встречается имя Наима-эфенди. Один из них опубликован Антоняном; два других – документы, касающиеся гибели парламентария Григора Зограба, оригиналы которых все еще хранятся в библиотеке Погос Нубар в Париже [45]. На основании этих документов можно с уверенностью утверждать, что человек по имени Наим-эфенди работал в Канцелярии по депортациям как в лагере Мескене, так и в Алеппо.

Османские документы, опубликованные ATASE, подробно рассказывают о расследовании в отношении тех военных и гражданских чиновников, которые брали у армян взятки в лагере беженцев в Мескене и окрестностях летом 1916 г. Причиной расследований стали рапорты о том, что чиновники канцелярии по депортациям взамен на взятки позволяли армянам, обреченным на депортацию из Алеппо в Дер-Зор, заручиться документами и бежать в другие места [46].

Список османских чиновников, в отношении которых началось расследование, возглавлял подполковник Галип. Подполковник Галип был назначен командиром Канцелярии организации снабжения (армии), и его задачей была депортация армян, сосредоточенных большими группами на берегах реки Евфрат (в том числе, в лагере Мескене), что считалось опасным для военного транспорта, наряду с дальнейшим их расселением на востоке в Дер-Зоре. В связи с этим ему также было поручено выделить из армян ремесленников и привлечь их к работе на османскую армию [47]. Однако вместо этого подполковник Галип и его окружение брали взятки у сотен армян в обмен на специальные выездные документы, и в дальнейшем позволяли им беспрепятственно бежать в Алеппо вместо Дер-зора.

Губернатор Алеппо Мустафа Абдулхалик был разъярен происходящим в Мескене и довел свое недовольство до внимания Стамбула посредством ряда депеш [48].

«Часть армян, которые должны были быть депортированы отсюда [т.е. Алеппо] в Дер-Зор, бежали и вернулись [сюда] при попустительстве чиновников по депортациям и охраны и их злоупотребления отсутствием документов. Таким образом, депортации стали порочным замкнутым кругом».

По мнению губернатора, «чиновники и охрана воспользовались случаем и злоупотребили своей властью» и для «предотвращения злоупотреблений» он временно «приостановил депортации в Дер-Зор до тех пор, пока это станет возможно осуществить организованно и как следует». Губернатор также пожаловался на создание в Мескене сиротского приюта для армянских детей [49].

Похожие жалобы были представлены и Салихом Зеки, главой местной администрации Дер-Зора касательно того, что происходило на пути из Алеппо в Дер-Зор. В телеграмме от 19 июля 1916 г. он сообщил своему начальству в столице, что из семи человек, признанных «вредными элементами» и высланных алеппской полицией в Дер-Зор в сопровождении жандармов, прибыл лишь один. Оставшимся шести позволили бежать где-то в пути. Аналогичным образом из каравана, в котором было 72 армянина, депортированных из Алеппо в Дер-Зор, на место назначения прибыли лишь трое. Практически всему каравану жандармы позволили бежать, не добравшись до Дер-Зора. Зеки просил, чтобы о поведении жандармов доложили властям Алеппо и другим компетентным органам [50].

Получив эти жалобы от губернатора Алеппо и управляющего Дер-Зором, Талаат выслал губернатору телеграмму 19 июля, запросив список «всех тех чиновников, которые были замечены в злоупотреблениях

при депортации армян, для принятия против них надлежащих мер», и приказал, чтобы были уволены «те, кого провинциальные [власти имеют] право уволить» [51]. В ответ губернатор Мустафа Абдулхалик упомянул, что «депортированные в [Дер-] Зор караваны под охраной рассыпаются на пути [туда]» и потребовал провести полное расследование по фактам бегства, а виновных передать Военному трибуналу.

Губернатор просил как можно скорее отправить на место Хакки-бея, который был назначен надзирать за процессом депортаций, как только они будут возобновлены [52]. В телеграмме от 4 августа 1916 г. Талаат сообщил властям Алеппо, что «Хакки-бей выехал 15 днями ранее» [53]. Решение начать расследование по заявлению губернатора было принято 8 августа. Хакки-бей, начавший свою деятельность в Алеппо на посту «заместителя директора канцелярии по депортациям» должен был отправиться в лагерь Мескене и приготовить рапорт [54]. Со временем Хакки-бею было поручено и возобновить депортации/расселение в Дер-Зоре [55].

Рапорт по результатам расследования случаев коррупции и злоупотреблений был завершен 5-6 октября 1916 г., и в течение следующего месяца начались записи свидетельств упомянутых в нем лиц. [56]. В ходе допросов, 14–15 ноября 1916 г., были записаны и показания некоего Наима-эфенди. В этих черновых показаниях его личные данные были записаны следующим образом: «Наим-эфенди, сын Хуссейна Нури, 26 лет от роду, из Силифке, ранее ответственный за высылку в Мескене, ныне ответственный за муниципальные зернохранилища» [57].

В своих показаниях Наим-эфенди отметил, что подполковник Галип встретился с чиновниками по депортациям в лагере Мескене «однажды после его прибытия из Жарабулуса (Джераблуса) в Мескене в качестве командира, ответственного за департамент

организации снабжения» и показал им «одну из двух телеграмм написанных [и отправленных] Военным министерством....В этих депешах [Военный министр] говорит о необходимости использовать [умения] армян определенных профессий, разместившихся близ Евфрата, и защитить сирот». Вследствие этих указаний подполковник Галип запросил имена «всех [армян] определенных профессий, а также [имена] возниц в депортационном центре» и добавил, что «необходимо составить списки всех детей, оставшихся без родителей или опекунов» [58].

Как следует из нескольких османских документов, имеющихся в нашем распоряжении, подполковник Галип рассказал Наиму-эфенди правду. Талаат-паша направил телеграмму районному управляющему Дер-Зора¹ 7 августа 1916 г., где упомянул о решении использовать навыки армянских ремесленников. Тем не менее Министр внутренних дел также отметил, что местный комендант лагеря [т.е. подполковник Галип] не мог просто принимать произвольных решений о том, каких ремесленников надлежит отбирать [59]. В еще одной телеграмме, от 29 июля 1916 г., Талаат заявил, что присутствие большого числа армян в бассейне Евфрата представляет угрозу военному транспорту, и запросил их депортацию. Возницы и повозки следовало изыскать среди самих армян, которые бы и занялись перевозкой [60]. Иными словами, затронутые Талаатом-пашой в этих телеграммах вопросы являлись темой исследования.

В своих показаниях Наим заявил, что почти все армяне зарегистрировались как имеющие профессию, но сам он лично в этих событиях не участвовал. Он даже утверждал, что предупреждал подполковника Галипа:

¹ Здесь и далее мы сохраняем турецкое написание названия сирийского города Дейр-эз-Зор (Дайр-эз-Заур) – прим. ред.

«Это неправильно. Возвращение тех, кого подвергли всеобщей депортации, находится в ведомстве Министерства внутренних дел. Мы не должны этого делать». Несмотря на это, он попытался защитить подполковника Галипа, добавив: «Я никогда не слышал о том, чтоб это изменение [места назначения депортации] делалось бы в обмен на деньги».

Наим-эфенди отрицал, что попустительствовал предоставлению документов армянам для бегства в Алеппо: «Случаев бегства в мое время [службы] не было. Депортации были отложены на какой-то срок, и депортационные канцелярии [в Мескене] были временно закрыты. В этот период времени несколько армян бежали и вернулись в Алеппо. Как им это удалось? Деньгами или иным способом? Информацией об этом я не располагаю» [61]. Отрицание Наимом-эфенди какого-либо участия или осведомленности, даже по слухам, о том, что происходило – понятная позиция, поскольку он сам был одним из тех чиновников, кто позволял армянам бежать в Алеппо в обмен на взятки, и взимаемая мзда за эти услуги была немалой.

По воспоминаниям многих армян, которым удалось выжить в лагере Мескене, подполковник Галип и его подчиненные брали крупные взятки как при отборе армянских ремесленников, так и при отборе возниц. К примеру, Григор Анкут, который был в этот период в Мескене, пишет:

«Галип-бей был назначен командующим организацией снабжения на пути из Мескены в Дер-Зор. Он начал свою миссию с того, что решил отобрать ремесленников и рабочих из армянских депортационных караванов, поскольку таким образом он мог получить значительные взятки. Поскольку все [армянские] умы боялись ужасов и жестокостей Дер-Зора, все предлагали Галипу деньги и даже состязались между собой за возможность дать взятку, чтобы остаться с семьей в Хамам или в военных лагерях: за дозволе-

ние остаться с каждой семьи взымалось около пяти османских лир» [62].

Все это показывает, что предоставленные Антоняном и Наимом сведения о событиях в Мескене летом 1916 г. были правдивы. Время, когда Наим начал обсуждать с Антоняном бегство группы состоятельных армян в Алеппо, соответствует указанным датам.

Османские документы, в которых упоминается имя Наима-эфенди

Как уже отмечалось, мы имеем в своем распоряжении три османских документа с упоминанием имени Наима-эфенди. Два из них связаны с убийством выдающегося армянского мыслителя и парламентария Григора Зограба. [63]. Оригиналы этих документов по сей день хранятся в библиотеке Погос Нубар в Париже. Однако они не упоминаются ни в воспоминаниях Наима, ни в книге, опубликованной Антоняном [64]. Хронологически, первый документ был написан 11 ноября 1915 г. и является письмом от губернатора Алеппо Мустафы Абдулхалика заместителю директора Канцелярии по депортации Абдулахад Нури. В примечании, приложенном к письму самим Нури, он пишет: «Наим-эфенди, сын мой, пойдя к Эюбу-бею, это необходимо где-то зарегистрировать. Изучи вопрос детально. Кроме того, запиши на бумаге [все, что обнаружишь]» [65].

Второй документ – это телеграмма от 17 ноября 1915 г., направленная Министром внутренних дел Талаатом-пашой губернатору Алеппо. В ней Талаат пишет губернатору Алеппо, что получены сообщения о гибели Григора Зограба, присутствие которого в Стамбуле считалось нежелательным и который был

выслан в регион под конвоем шестой армии, – «в результате несчастного случая». Там же Талаат сообщает, что расследование дела было произведено «районным управляющим Урфы и Командиром по организации снабжения в Евфрате». Поскольку «командиру по организации снабжения в Алеппо были направлены соответствующие запросы, губернатору Алеппо было поручено назначить чиновника для расследования дела [66]. Губернатор Мустафа Абдулхалик, который получил телеграмму, передал информацию и приложил соответствующую записку для Абдулахада Нури, датированную 19 ноября: «Я вчера поговорил с [ним]. Думаю, что эти бумаги находятся у командующего корпусом Шевки-паши. Поищи их там». В тот же день Абдулахад Нури обратился к Наиму-эфенди и попросил его изучить ситуацию. 22 ноября он добавил записку, что документов с запросами «у Шевки-паши не было», а 24 ноября добавил еще одну записку: «Заархивируй это, Наим-эфенди» [67].

Третий документ – это сообщение, посланное Талаатом-пашой 1 декабря 1915 г., рукописная копия которого имеется в мемуарах Наима. Есть факсимиле этой телеграммы, которое использовано во всех трех изданиях книги Антоняна [68]. В телеграмме Талаат-паша отмечает, что американским консульствам в разных районах стало известно о том, как именно проходили депортации армян. На основе полученного от американского посольства в Стамбуле меморандума, напрямую рекомендованного американским правительством, он заключил, что это осведомительство осуществляется тайно, и попросил принять особые меры с тем, чтобы в ходе депортаций армян близ крупных и малых городов и других населенных пунктов ничто не привлекало внимание. Задачей Талаата было убедить присутствующих в тех регионах иностранцев, что депортации имеют целью исключительно переселение. Для достижения этого и для решения политических

задач было необходимо временное применение гуманитарных мер, а обычная практика убийств должна была осуществляться в соответствующих местах.

Кроме того, Талаат приказал найти, арестовать и судить тех, кто поставляет информацию американским консулам. 3, 4, и 5 декабря губернатор Мустафа Абдулхалик и Абдулахад Нури сделали пометки в конце этих документов, в частности, касательно того, как надлежит найти информаторов американских консульств. Эти пометки заканчиваются предложением: «Напишите Наиму-эфенди... ему уже написали» [69].

Все эти документы предоставляют неопровержимые доказательства того, что османский чиновник по имени Наим-эфенди существовал.

Места, где был расквартирован Наим-эфенди, и его отношения с Антоняном

К сожалению, у нас очень мало информации о личной и профессиональной жизни Наима-эфенди. Единственным реальным источником являются его собственные записи и упомянутый выше документ, опубликованный Канцелярией турецкого Генерального штаба. В опубликованных Антоняном мемуарах (т.е. тех, оригиналами которых мы не располагаем), Наим отмечает, что перед своим назначением в Канцелярию по депортациям, он был секретарем Табачной монополии в Рас-уль-Айне [70]. Он также утверждает, что был назначен в Алеппо за несколько дней до прибытия Абудлахада Нури и был представлен ему: «Я прибыл в Алеппо. Судьба распорядилась так, что меня назначили в канцелярию главным секретарем Абудлахада Нури-бея, прибывшего лишь тремя-четырьмя днями ранее на пост помощника генерального директора по депортациям» [71].

Точная дата прибытия Абудлахада Нури на эту должность нам неизвестна. Шукрю-бей [72], который ранее был назначен на должность Директора по делам племен и иммигрантов (Канцелярия по депортациям) Алеппо, писал в своей депеше от 8 октября 1915 г., что ему нужен человек для работы в Дирекции по депортации. По его словам, было «необходимо, чтоб сюда направили человека, который бы либо помогал губернатору [Алеппо], либо получил бы должности и статус, необходимые для высылки [депортированных] и надзора [за депортациями], в роли помощника Губернатора» [73].

В депеше от 13 октября 1915 г. Министр внутренних дел Талаат спросил мнения Шукрю-бея «о назначении Абдулахада Нури-бея генеральным директором» [74]. Таким образом, точная дата его назначения неизвестна, но исходя из существующих документов, можно с некоторой уверенностью предположить, что он, должно быть, заступил на новую должность в начале ноября.

Нури выехал из Стамбула в Алеппо 1 ноября 1915 г. с новым губернатором провинции, Мустафой Абдулхаликом. Двумя днями ранее, 30 октября, Министр внутренних дел Талаат направил Шукрю-бею телеграмму, сообщая, что «губернатор Алеппо и Абдулахад Нури-бей отправляются в понедельник» [75]. Еще одна телеграмма, на этот раз отправленная из Алеппо 7 ноября, сообщала, что новый губернатор прибыл этим вечером [76]. В свете этой информации можно умозаключить, что Наим приступил к своим обязанностям тремя или четырьмя днями позже.

В своих воспоминаниях Наим рассказывает, что в дальнейшем он был направлен в лагерь в Мескене, чтобы там работать с дальнейшими депортациями. Не упоминая конкретной даты, он пишет, что после того, как его «послали в Мескену как чиновника по депортациям», он «пробыл там два месяца» [77]. Как следует из допросов лета 1916 г., опубликованных Военными

архивами Турции (ATASE), подполковник Галип вызвал его на допрос в начале мая, а значит, в это время Наим был в Мескене [78]. В Мескену его направили, поскольку депортации из лагеря и окрестностей производились беспорядочно. В том разделе воспоминаний, оригиналами которого мы не располагаем, он отмечает, что «перед отъездом меня вызвал к себе Эюб-бей»:

«Наим-эфенди, – сказал он, – ни от кого из командированных в Мескену чиновников по депортациям проку не было. Вы оказались на этом посту, вы знаете, какие поступили указания. Сделайте так, чтоб эти люди (армяне) в живых не остались: при необходимости убивайте своими руками. Убивать их – это удовольствие» [79].

В ноябре 1915 г., в то время, когда собирались показания в ходе расследования по делу подполковника Галипа, Наим больше не был чиновником по делам депортаций, он служил на муниципальном зернохранилище в Алеппо. Чем было вызвано его новое назначение и когда его работа завершилась, мы не знаем. Что касается его перевода со старой должности, он утверждает, что его повысили, поскольку депортации так и не были закончены. Опять же, в мемуарах опубликованных Антоняном, он заявляет: «Там я пробыл два месяца. Мне лишь раз довелось осуществить депортацию. Группа, которую я выслал, не превышала числом тридцати человек». Антонян согласен в целом с этим высказыванием и отзывается о нем схожим образом: «Поскольку в нем не было жестокости, Наим-бей для этой задачи не годился. Он провел несколько депортаций в Дер-Зор для вида, но довольно быстро они в нем разуверились и отозвали его...поскольку лагерь он так и не опустошил» [80].

Упомянутая телеграмма от губернатора Алеппо Мустафы Абдулхалика (11 июля 1916) и проведенные расследования показывают, что все, сказанное Наимом

о неорганизованности депортаций из Мескены, было правдой. Консул Германии в Алеппо, Ресслер, также предоставил схожую информацию в своем рапорте, написанном о книге Антоняна для суда над Тейлеряном в Берлине:

«Многие конкретные события, с которыми я знаком, описаны совершенно точно; другие, с которыми я не был знаком, полностью объясняют явления, свидетелем которым я был, но объяснить тогда не мог. Так, к примеру, было с тем обстоятельством, что в какой-то момент времени из Мескены в Алеппо вернулись многочисленные армяне. Автор убедительно объясняет это на странице 13 тем, что Наим-бей, подобно Хуссейну-бею, мудиру [управляющему] Мескены, не выполнил полученные ужасные указания» [81].

Слова Наима подкрепляет и рассказ Хакки-бея, заместителя директора по депортациям Алеппо. Хакки-бей, направленный из Алеппо в Мескене 8 августа 1916 г. для рассмотрения жалоб, возникших относительно депортаций и связанной с ними коррупции, и для подготовки рапорта, дал показания в рамках расследования над подполковником Галипом сотоварищи. В них он отметил следующее:

«Мне было поручено расследовать многочисленные жалобы, направленные губернатору [Алеппо] Главной канцелярией депортаций в Мескене, о том, что депортации из Мескены не продвигались [запланированными темпами]. Расследование этого вопроса началось незамедлительно, как только я приехал в Мескену и начал работать с Главной канцелярией депортаций. Было установлено, что депортации [оттуда] проводились очень беспорядочно, [и] сообщалось, что платились взятки на рынке и возницам...что под предлогом того, что они ремесленники, многих армян так и не депортировали [далее]» [82].

Из рассказа Хакки-бея можно заключить, что Наим был уволен в связи с полученными взятками и остановившимися депортациями из Мескены. Пишет об этом и Антонян в своих записях о лагерях вокруг Алеппо (правда, в изданную книгу он эти записи не включил), упоминая, что Наима допросили, поскольку он позволил многим армянским семьям бежать и брал взятки. Однако на допросе Наим не выдал Антоняна и других армян и не назвал ни одного имени, хотя его об этом и спрашивали.

«Наим Сефа-бей был вызван из Мескены в Алеппо на очную ставку с этими семьями [бежавшими из лагеря]. Его спросили, знает ли он их, встречал ли в бытность свою в Мескене. Наим-бей поклялся (в этих допросах он часто использовал слово “vallahı” – “Богом [клянусь] – настаивая, что видит их впервые в жизни. Несмотря на это, Наим-бея вскоре заставили уйти с этой должности» [83].

Привело ли последующее расследование к отстранению Наима от должности и было ли оно связано с подполковником Галипом и его приближенными, мы, вероятно, так никогда доподлинно не узнаем. Из документов Генерального штаба следует, что на момент расследования в отношении Галипа Наим на своей былой должности уже не работал. Он был в этот период в Алеппо и являлся свидетелем по этому делу. По этой причине вполне возможно, что от должности он был отстранен из-за другого расследования. Телеграмма, направленная Талаатом-пашой районному управляющему Урфы Фетиху-бею 5 июля 1916 г., показывает, что расследования и увольнения чиновников с должностей продолжались все лето. В своей депеше Талаат упоминает о расследовании, «которое проводится по случаям злоупотребления [служебным положением] и взяточничества в отношении расселения и обеспечения депортированных», и сообщает районным властям,

что некоторые чиновники «были уволены со своих должностей...в регионе Ракка после того, как [эти] расследования выявили необходимость этой меры» [84].

Из соответствующей переписки на этот счет можно заключить, что расследования случаев коррупции и безобразий в Ракке начались уже в марте того года [85]. Как упоминалось выше, Министр внутренних дел Талаат направил телеграмму в Алеппо 19 июля 1916 г. с требованием уволить тех чиновников, которые злоупотребляли своим положением из корысти [86]. Из всей корреспонденции же становится ясно, что в течение весны и лета 1916 г. многим армянам удалось бежать из тех мест, куда их депортировали, благодаря взяткам, и что эти явления расследовались. Возможно, что вызов Наима в Алеппо и увольнение – часть того же процесса.

В своих заметках из Мескене Антонян подробно рассказывает о встрече с Наимом и последствиях. Мы не знаем, в каком месяце Антонян прибыл в Мескену. Автор не указывает даты. В биографии Антоняна, написанной Ритой Куюмджян, отмечается, что это было «вероятно [в] феврале 1916 г.» [87]. Вот что пишет сам Антонян: «После моего прибытия в Мескену приехали еще двое, назначенные туда чиновниками». Один из них был Наим-эфенди. По словам Антоняна, Наим был человеком, «который заработал себе особенную репутацию среди депортированных... Он пил, играл, и поскольку постоянно был на мели, любил [брать] взятки. Его положение позволяло ему... информировать депортированных, что для тех семей, которые были готовы к финансовым жертвам, бегство в Алеппо было не невозможно. Таким образом, благодаря ему, многие состоятельные семьи, в основном из Аданы и Коньи, смогли покинуть Мескену и перебраться в Алеппо» [88].

Антонян оставался в лагере пять месяцев. Из Мескены в Алеппо он перебрался в конце июня 1916 г. [89]. Григор Анкут, который записал свои воспоминания о

проведенном в Мескене времени, отмечает, что после получения от Антоняна письма 9 июня он прибыл в Мескену и встретил его там [90]. Будучи в Мескене, Антонян жил в одной палатке с Бояджянами, семьей из Коньи, и даже иногда представлялся их фамилией [91]. Вероятно, он и вел переговоры с Наимом в течение мая относительно выезда 16 богатых армянских семей в Алеппо [92].

В своих личных записях о Мескене Антонян рассказывает о знакомстве с Наимом и о том, что произошло дальше:

«[Наим] пришел на обед в палатку одной из семей из Аданы, и когда наступило время пить кофе, он напрямик и без экивоков сказал им, что все армяне, которые выедут на юг [в Дер-Зор] будут убиты, и что лучшим решением было бы обождать в лагере и найти возможность перебраться в Алеппо. По его мнению, этот план был вполне осуществим» [93].

Ни эти семьи, ни сам Антонян Наиму не доверяли, но другого выхода у них не было [94]. В конечном итоге Наим подготовил план бегства и попросил Антоняна встретиться в Алеппо с возницей по имени Нахлы. Антонян подробно рассказывает и о пути, по которому они последовали, и о том, чего им приходилось остерегаться. Спустя четыре-пять дней пути Антонян прибыл в Алеппо и нашел возницу. Побег закончился благополучно:

«Позднее, несколько членов этих семей были арестованы в Алеппо по обвинению в побеге из Мескены. Арестовали и меня, но сразу же отпустили, благодаря справке, которую для меня организовали друзья. Остальным устроили очную ставку с Наимом-беем, который вернулся в Алеппо, но поклялся всем святым, что никогда их не видел в Мескене. Это облегчило их освобождение. Арестовали и возницу Нахлы, но тот яростно все отрицал, как умеют только арабы. Его

продержали в тюрьме несколько месяцев, но он никого не выдал» [95].

Отношения между Антоняном и Наимом продолжались и дальше. Наим не шантажировал армянские семьи, которым он помог бежать; он просил у них денег, когда был на мели, при посредничестве Антоняна. По словам последнего, «суммы Наим-бей просил незначительные» [96]. В результате, между Антоняном и Наимом сложились доверительные отношения, которые и привели к покупке Антоняном упомянутых воспоминаний Наима и сопутствующих документов в ноябре 1918 г.

И наконец, необходимо отметить, что сведения, публикуемые Антоняном, соотносятся с информацией в следственных документах, опубликованных Генштабом Турции не только по части коррупции и бегства армянских депортированных в Алеппо. Так, например, в ходе следствия, подполковник Галип сотоварищи подробно рассказали об убийстве армянской семьи по фамилии Софьян и о продаже их имущества на рынке. Об этом подробно рассказывают в своих записях того времени и Антонян, и Григор Амкунт [97]. То обстоятельство, что информация таким образом соотносится во всех рассказах, имеет большое значение.

Личность и характер Наима-эфенди

Арам Антонян описывает Наима в крайне выигрышном свете как в опубликованной им книге, так и в пространном письме, написанном им 10 июня 1921 г. адвокату Согомона Тейлеряна в ходе суда над последним за убийство Талаата-паши (см. Приложение Д). В книге он описывает его как «голос совести». В обоих случаях он сознательно лжет, отрицая, что Наим-эфенди получал от депортированных взятки, будь то во время бегства из Мескены или в их бытность в Алеппо. Вот что об этом можно прочитать в книге.

«Когда мы вновь были арестованы в Алеппо под [нашими] фальшивыми именами, правительству, тем не менее не удалось доказать, что мы незаконно бежали из Мескены. Показания Наима-бея были бы крайне важны в этом деле, но он нас не выдал и ничего в обмен на молчание не попросил. При этом, он мог заполучить все что угодно у этих богатых семей, поскольку [они знали]: если их еще раз вышлют, это станет смертным приговором, которого избежать будет невозможно» [98].

Аналогичным образом, в своем письме к адвокатам Тейлеряна Антонян описывает Наима-эфенди как «очень порядочного и безобидного человека». Но, как мы видим, в своих записках от 1918 г. Антонян описывает его как человека, пристрастного к выпивке и азартным играм, который часто просит денег у спасшихся бегством в Алеппо армян.

Годы спустя, в своем письме к Мари Терзян (от 26 июля 1937 г.), Антонян признает, что образ Наима-эфенди, каким он его обрисовал в книге и в письме к адвокатам Тейлеряна, был намеренно искажен. Вот что он рассказывает Терзян:

«Я пишу это строго конфиденциально, с одним-единственным намерением – удовлетворить ваше любопытство. В своей книге я обрисовал совершенно иной портрет Наима-бея, и установление чистой правды не может быть напрасным. Наим-бей был совершенно аморальным человеком».

Антонян признается Терзян и в следующем:

«В записке, которую я направил адвокатам Тейлеряна в Берлине, копию которой вы найдете приложенным к этому письму, вы найдете описание обстоятельств того, как именно нам удалось заполучить документы, воспроизведенные в моей книге. Эта записка не полна. Есть темы, которые я не мог

не раскрыть ни в книге, ни адвокатам Тейлеряна, чтобы не скомпрометировать Наима-бея, который был не совсем безгрешен» [99].

Почему Антонян скрывал свое истинное отношение к Наиму? Мы можем заключить из упомянутого выше письма, что основной заботой автора было не то, что Наим – коррумпированный чиновник, пьяница и игрок, или насколько можно доверять полученной от такого человека информации. По словам Антоняна, «он [Наим] не был исключением среди административного персонала алеппского муниципалитета, там попадались такие мошенники, рядом с которыми Наим-бей – сущий ангел» [100].

Здесь Антонян, в сущности, прав. Упомянутый выше рапорт, направленный майором Азми в Стамбул 20 июня 1916 г., касающийся отеля Барон в Алеппо (где скрывался и Антонян), рассказывает следующее об османских чиновниках в Алеппо:

«Будьте уверены, за исключением губернатора, все остальные в Алеппо берут большие деньги. Просто примите это за данность. Воруют все и делают это так, как будто нет ничего более естественного – от тех, кому оказано высокое доверие, до тех, кого нам не удалось встретить. Нет необходимости даже называть имена» [101].

Речь шла не только о взяточничестве, пьянство и азартные игры были точно так же обычны среди чиновников. Талаат-паша, слышавший множество слухов об отеле Барон, послал 22 июля 1916 года губернатору Алеппо телеграмму следующего содержания:

«Имеются сведения, что иностранный подданный армянского происхождения по имени Барон, который владеет одноименным отелем в Алеппо, использует это заведение не столько для предоставления крова путешественникам, сколько как игорный притон,

и что упомянутый господин часто развлекает высокопоставленных чиновников, которые собираются там со всех уголков, выдает [им] большие суммы [в виде] кредитов, равных их карточным долгам; этим и другими методами он оказывает влияние на некоторых чиновников местной администрации и добивается своих целей».

Далее Талаат запрашивает список имен тех чиновников, которые оказались под влиянием владельца отеля вследствие пристрастия к выпивке и азартным играм [102]. В ответ на запрос министра внутренних дел, губернатор Алеппо Мустафа Абдулхалик подтверждает, что «сообщения о Бароне правдивы» и добавляет:

«Барон известен тем, что умеет заручиться поддержкой высокопоставленных лиц и умеет оказать влияние на нижние чины. Для поддержки и контроля он прибегает к любым мерам: он играет в азартные игры в своем отеле и привлекает к ним высокопоставленных чиновников... Всякий чиновник, который не может сопротивляться женщинам и азартным играм в конечном итоге становится другом Барона» [103].

Если же Антоняна не смущало то, что Наим был взяточником, пьяницей и игроком, тогда почему он решил скрыть это? Для понимания этого обратимся к тому, что пишет Антонян о личности Наима:

«Одним словом, это была противоречивая натура, в нем уживалось и хорошее, и плохое. Наим-бей был совершенно аморальным человеком. У него были пороки, которые его вынуждали продавать многое, но не все. Разница огромная. Я не забыл, что за все время нашего знакомства он ни разу не обманул меня. Как видите, мы смогли воспользоваться хорошим, не заботясь о плохом. Я часто думаю о нем, и испытываемое к нему сочувствие не уменьшается со временем. Это потому

что я не раз подставлялся в моих отношениях с ним (что было рискованно, но вполне в духе моей авантюрной натуры), и он ни разу меня не предал» [104].

По этой причине Антонян и доверял Наиму: «В конечном итоге, он был хорошим человеком. Несмотря на пороки, в которые он погрузился, он внушал доверие более всего. На него всегда можно было положиться» [105]. Из записей Антоныяна становится ясно, что основной его дилеммой было не пьянство или взяточничество Наима. Дело было, скорее, в том, что «Наим стал информатором в наших руках и предал свою страну». То, что он был пропойцей и игроком, и именно эти пороки и толкнули его на предательство [106]. Антонян полагал, что любая информация, предоставляемая человеком, сознательно предавшим свою страну, не могла быть достоверной, и потому он долго скрывал свое истинное мнение о Наиме.

Именно склонность к алкоголизму и азартным играм и попытка Антоныяна это скрыть стали основой для аргумента Орела и Юджи о том, что предоставленные им документы не могут считаться достоверными. Их примеру последовали многие другие исследователи, использовавшие пороки Наима в качестве самого главного доказательства поддельности документов. Орел и Юджа так объяснили поведение Антоныяна:

«Первый ответ, который приходит на ум, это то, что личность Наима-эфенди вызывает сомнения касательно его “воспоминаний” и документов, которые он продал, и подрывает их убедительность. Антонян наверняка знал, что вряд ли кто-то серьезно отнесется к воспоминаниям беспринципного пьяницы и игрока» [107].

Конечно, вопрос достоверности информации, содержащейся в мемуарах коррумпированного выпивохи или предоставленных им документах, может считаться спорным и быть темой различных спекуляций. Следуя

логике авторов, можно также утверждать, что во всем Алеппо на тот момент не нашлось ни одного чиновника, который мог бы предоставить достоверную информацию. До болезненного очевидно, что воспоминания и документы, полученные от человека с такими качествами, могут быть подлинными с тем же успехом, как и поддельными. Аналогичным образом, необязательно придерживаться принципа «все или ничего», вполне возможно, что часть упомянутых материалов – подлинники, а часть – подделка. По счастью, у нас есть и другие методы, которыми можно доказать подлинность документов, кроме личности самого Наима-эфенди.

Примечания

1. Одна из причин, по которым эта уверенность укоренилась, в том, что упомянутая статья Григора Гергеряна 1965 г. на армянском языке не получила должного внимания ученых. В этой статье Гергерян прямо пишет, что «Арам Антонян не представил полных мемуаров Наима Сефа-эфенди ни в одном из изданий своей книги: ни в армянском оригинале, ни во французском или английском переводах. Часть этих воспоминаний хранится в трех тетрадях в библиотеке Нубарян. Там же можно найти и множество ранее не переведенных и неизданных подробностей». Гергерян далее выразил «надежду, что [эти фрагменты] будут изданы». Krieger, «Aram Andoniani Hradaragadz...», стр. 236. Спустя 50 лет после написания этих строк его надежда, наконец, сбывается.

2. В частном письме Гергеряна Ваагну Дадрияну от 24 августа 1984 г. читаем следующее: «По крайней мере [еще] в 1950 году в библиотеке Нубарян было три тетради документов, переписанных Наимом [Эфенди], я их сфотографировал в их исходном виде». (Это письмо в настоящее время находится в моей частной коллекции.).

3. Krieger, «Aram Andoniani Hradaragadz...», стр. 236.

4. Там же.

5. По словам Реймона Геворгяна, который был директором библиотеки Погос Нубар в Париже с 1986 по 2013 гг.,

воспоминания Наима и некоторые оригинальные фотографии документов исчезли в период между визитом Гергеряна в 1950 г. и визитом Ива Тернона в 1975 г. Ни Тернон, ни Ваагн Дадрян, который посетил библиотеку в начале 1980-х гг. не смогли увидеть оригиналы материалов. Их судьба остается загадкой для Реймона Геворгяна.

6. Aram Andonian, Medz Vojirë, стр. 15.

7. Копии документов содержат некоторые ошибки. Так, к примеру, есть расхождение дат между оригиналом документа (за номером 803) и сделанной Наимом копией. На оригинале стоит дата 25 декабря 1915 г.; в воспоминаниях она указана как 25 января 1917 г.

8. Orel and Yuca, Talat Paşa'ya Atfedilen, стр.130. В ходе своих сравнений авторы выступают с такими комментариями, как «это довольно близко к турецкому тексту» (стр. 31); «...несмотря на нюансы, соответствие есть» (стр. 33); «они выглядят похоже» (стр. 51); и «в целом соответствуют друг другу» (р. 65); «некоторые нюансы и расхождения более чем заметны» (стр. 42) и что были сделаны «дополнения» (стр. 42). Таким образом, они выражают сомнение в подлинности воспоминаний и приходят к выводу, что указанные различия не могут считаться лишь «неточностями перевода или расшифровки» (стр. 130).

9. Доктор Аветис Наккашян (1868–1943) был представителем армянской интеллигенции Стамбула, его арестовали 24 апреля 1915 г. 23 июля того же года он был освобожден и прослужил в османской армии до конца войны в чине капитана. За успешную службу награжден высшей медалью. После перемирия он вернулся в Стамбул, но вскоре, в 1922 году, вновь его покинул, отправившись в начале в Египет, а потом, в 1924 году, в США. Наккашян собрал и издал на армянском языке свои записи о том периоде, когда он был заключенным в Айяше (Ayashi Pandu, Boston: Hairenik, 1925), а на следующий год издал все воспоминания (Zuart Patmutiwnner, New York: n. p., 1926). Через 14 лет они будут изданы в английском переводе под названием «A Man Who Found a Country» (New York: Thomas Y. Crowell Company, 1940). Эту работу можно найти онлайн: <http://avedis.telf.com/>.

10. Абдулахад Нури [Тенгиршенк]-бей (? – 1927), был старшим братом Юсуфа Кемала [Тенгиршенк], который в период между 1920 и 1933 гг. занимал посты министра экономики,

иностранных дел и юстиции. В 1915–1916 годах Абдулахад Нури был директором Канцелярии по депортациям (Sevkiyat Mûdürü) в Алеппо. Во время перемирия он прибыл в Стамбул, где был арестован оккупационными силами. В заключении ему позволили бежать из тюремной больницы, после чего в 1921 г. он перебрался в Анатолию и присоединился к националистическим силам. В 1922 году, после того, как националистические силы вошли в Стамбул, Нури вернулся к своей довоенной должности в Администрации перевозок и морского транспорта. Подробности о Нури и его жизни см. Cevdet Yakupoğlu, «Bir Sürgün Kahramanı Abdülahad Nuri Bey: Hayatı, Eserleri ve Selçuklu-Beylikler Tarihi Üzerine Çalışmaları», Ankara Üniversitesi Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi, 21 (2007): стр. 169–189.

11. Абдулахад Нури был назначен заместителем директора филиала, скорее всего, в октябре 1915 г., заменив на этом посту Шукрю-бея. В османских документах начала года его называют «заместителем директора» и лишь позднее – «директором». Есть факты, доказывающие, что это повышение по службе произошло в конце ноября. В этом месяце ответственность за пересылку депортированных в Алеппо перешла от Канцелярии по депортациям к администрации губернатора Алеппо (BOA.DH.ŞFR., 58/56 и 66). В телеграмме от 13 ноября, посланной директором по депортациям Шукрю-беем министру внутренних дел Талаату-паше, сообщается, что он передал свои полномочия губернатору Алеппо (BOA.DH.ŞFR., 497/43). В присланном пятью днями позже ответе (18 ноября 1915 года), Талаат просит Шукрю-бея как можно скорее выехать в Стамбул, чтоб занять новую должность, «поскольку вопрос депортаций [уже] передан губернатору Алеппо» (BOA.DH.ŞFR., 58/60). Однако из другой депеши, датированной 21 ноября 1915 г., мы узнаем, что к этому времени Шукрю-бей из Алеппо еще не выехал (BOA.DH.ŞFR., 498/62). Когда Шукрю наконец вернулся в Стамбул, его на посту заменил Абдулахад Нури.

12. Joghovurti Tzayn, 19 сентября 1919 г. Одним из важных аспектов суда стали свидетельские показания главы районной администрации Килиса (каймакама) Ихсана-бея. В своем рассказе бывший чиновник сделал следующее заявление: «Согласно официальным указам, семьи солдат, протестантов, католиков, а также инвалиды были освобождены [от депортаций] ... и этим лицам было разрешено ... оставаться

вместе со своими семьями». В ответ губернатор Алеппо направил в Стамбул письмо с просьбой отстранить Ихсана-бея от должности. Затем Ихсан-бей приехал в Алеппо и встретился с Абдулахадом Нури. Во время встречи Нури сказал ему: «Я получил это указание непосредственно от Талаата-бея. Целью депортаций является искоренение [армян]. Благополучие страны этого требует». Показания Ихсана-бея важны, поскольку аналогичное письменное свидетельство его авторства было использовано в обвинительном заключении послевоенных судов над лидерами партии «Единение и прогресс» (Takvimi Vekayi, no. 3540, 5 мая 1919 г.). В армянской мемуаристике о том времени часто отмечается, что Ихсан-бей спас жизни многим армянам. Так, к примеру, Абраам Касапьян рассказывает, что Ихсан спас 33 его родственников от смерти: Apraham Kasapyan, Kaç Kişisiniz Boğos Efendi, Bir Ermeninin Hatıra Defteri (Istanbul: Aras Yayıncılık, 2015), стр. 24–31.

13. Орел и Юджа применяют аргумент, что в те месяцы, когда происходили описываемые события, Юсуф Кемал Тенгиршенк в Министерстве иностранных дел не служил, а значит, сведения Антоняна сфабрикованы (Orel and Yuca, Ermenilerce Talat Paşa'ya Atfedilen, стр. 20–21). Это неверно по двум причинам. Во-первых, Антонян прямой связи с событиями не имел. Он просто передал написанное доктором Наккашьяном. Орел и Юджа обвиняют Антоняна по ошибке, поскольку не знали о существовании этого письма. Во-вторых, предоставляемая ими информация о Юсуфе Кемале Тенгиршенке неверна. Последний, может, и не был министром иностранных дел в эти месяцы, но он был членом правительственного комитета, выполнявшего функции Министерства иностранных дел, и часто выезжал за рубеж в качестве главы внешнеполитического ведомства. Тенгиршенк был одним из 15 членов Исполнительного комитета, избранного 25 апреля 1920 г. и одним из восьми членов первого временного правительства, избранного в тот же день (первое официальное турецкое правительство националистов в Анкаре). Будучи членом Исполнительного комитета, он исполнял функции министра экономики. Он также был членом официальной делегации в Москве в июне 1920 г. и продолжал встречаться с большевиками от лица националистского правительства Анкары до 19 мая 1921 г., когда был назначен министром иностранных дел. В ходе инцидента с Абдулахадом Нури он постоянно ездил

на встречи в роли, подобной роли министру иностранных дел. Так, к примеру, несмотря на то, что он не был министром иностранных дел, Тенгиршенк был одним из тех, кто подписал Московский договор от имени правительства Турции 16 марта 1921 г. (Подробности о Тенгиршенке см.: Ömer Akdağ, «Milli Mücadele Şahsiyetlerinden Yusuf Kemal Bey (TENGİRR ŞENK)» Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, Cilt XIV, no. 40, март 1998 г.; <http://www.atam.gov.tr/dergi/sayi-40/milli-mucadelesahsiyetlerinden-yusuf-kemal-bey-tengirsenk> (Дата доступа: 14 февраля 2016 г.).

14. Tarık Zafer Tunaya, Türkiye’de Siyasal Partiler Cilt 2, Mütareke Dönemi, 1918–1922 (Istanbul: İİ etişim, 2015), стр. 61.

15. Информацию об аресте Курта Мустафа-паши см. Vakit gazetesi, no. 1056 от 16 ноября 1920 г. Курт [«Курд»] Мустафа-паша, известный так же под именем Немрута Мустафа-паши, был председательствующим судьей в Первом военном трибунале Стамбула (Divan-i Harb-i Örfi), где слушались некоторые дела против чиновников от партии «Единение и прогресс» в 1919–1921 г. Будучи на этом посту, Мустафа-паша был арестован в октябре 1920 г. по обвинению в намеренном использовании сфабрикованных документов в процессе против Нусрета, главы районной администрации Байбурта (каймакама) и губернатора (мутасаррифа) провинциального района Урфы, для вынесения смертного приговора (Нусрет был осужден, приговорен к смерти и казнен в августе 1920 г.). В результате этого обвинения Мустафа-паша был осужден и заключен в тюрьму, однако в дальнейшем получил помилование султана. Из опасения повторного ареста после захвата Стамбула националистическими силами в 1922 г. он бежал в Каир. Судебное дело против Мустафа-паши см. Dadrian and Akçam, Judgment at Istanbul, стр. 305–306.

16. Для объяснения того, как перевозились архивные материалы армии, как они продавались и даже сжигались, см. Gültekin Yıldız, «Osmanlı Evrakını Önce Yaktılar sonra Depolara Karattılar», Derin Tarih (июнь 2014), стр. 112–119.

17. См. Приложение В, письмо Антоняна Мари Терзян.

18. О том, как именно рассматривалась эта тема на суде, см. Tessa Hofmann (ed.), Der Völkermord an den Armeniern vor Gericht, Der Prozess Talaat Pascha (Göttingen: Gesellschaft für bedrohte Völker, 1980), стр. 68–69, 86.

19. Orel and Yuca, *Ermenilerce Talat Paşa'ya*, стр. 17–19.

20. Человек, который обратился к берлинскому суду с просьбой позволить Ресслеру дать показания, был не кто иной, как протестантский миссионер и востоковед Иоганнес Лепсиус. Лепсиус ранее послал Ресслеру экземпляр книги Антоняна и спросил его мнение на предмет подлинности содержащихся в ней документов. Ресслер ответил Лепсиусу, представив свое мнение в подробном письме, заручившись обещанием, что оно опубликовано не будет (см. Приложение Г).

21. [http://www.armenocide.net/armenocide/armgende.nsf/\\$\\$AllDocsen/1921-05-30-DE-001?OpenDocument](http://www.armenocide.net/armenocide/armgende.nsf/$$AllDocsen/1921-05-30-DE-001?OpenDocument) (Дата доступа 15 February 2016).

22. Vahakn N. Dadrian, «The Naim-Andonian Documents on the World War I...».

23. Kamuran Gürün, *The Armenian File, The Myth of Innocence Exposed* (Nicosia, Cyprus: K. Rustem & Brother, 1985), стр. 237–239.

24. Türkkaya Ataöv, *Talat Paşa'ya atfedilen Andonian «Belgeleri» Sahtedir* (Ankara: Siyasal Bilgiler Fakültesi Yayını, 1984).

25. Guenther Lewy, *The Armenian Massacres in Ottoman Turkey, A Disputed Genocide* (Salt Lake City: University of Utah Press, 2005), стр. 63–73.

26. Maxime Gauin, «Aram Andonian's 'Memoirs of Naim Bey' and the Contemporary Attempts to Defend their 'Authenticity'», *Review of Armenian Studies*, 23 (2011): стр. 233–293.

27. «Турецкая сторона... демонстрирует, что официальные архивы османского правительства не содержат известных документов, демонстрирующих участие правительства в резне. Армянская сторона старается доказать, что такое участие было, но некоторые из предъявляемых ею документов (так называемые бумаги Антоняна) оказались поддельными». Erik-Jan Zürcher, *Turkey: A Modern History* (London: I. B. Tauris, 2004), стр. 115–116.

28. «Есть несколько известных исторических фальсификаций... Это так называемые «Протоколы Сионских мудрецов», телеграммы Талаата-паши и аналогичные приказы». Bernard Lewis, *From Babel to Dragomans: Interpreting the Middle East* (New York: Oxford University Press, 2004), стр. 388–389.

29. «...цитаты, которые телеграммы сомнительным образом приписывают османскому министру внутренних дел военной поры, Талаату-паше...» Andrew Mango, «Turks and Kurds», *Middle Eastern Studies* 30 (1994), стр. 985.

30. «Есть поддельные свидетельства. В 1920 г. журналистом по имени Антонян британцам были переданы некоторые документы. Она [sic] утверждает, что ему их передал османский чиновник по имени Наим. Документы были изданы книгой (на английском и французском языках), и если принимать их за чистую монету, они шокируют: в них Талаат-паша в качестве Министра внутренних дел приказывает губернаторам уничтожить армян, не забыть уничтожить детей в приютах, но делать это все секретно. Но документы совершенно очевидным образом сфабрикованы, в них элементарные ошибки в датах и подписях». Norman Stone, «There Is No Armenian Genocide», *JTW News* (21 октября 2006), URL: <http://historynewsnetwork.org/article/31085> (дата доступа: 23 января 2016).

31. «Леви рассматривает материалы, которые многие из тех, кто поддерживает обвинения армян, считают наиболее ярким свидетельством преднамеренного геноцида, и показывает, насколько «сомнительна их подлинность». В число этих сомнительных документов входят ... телеграммы Наима-бея «предположительно высланные министром внутренних дел Талаатом-пашой, приказывающие уничтожить армян и опубликованные незначительным военным цензором того времени Арамом Антоняном». Michael Gunter, Review Article, *International Journal of Middle East Studies*, 38, no. 4 (2006): 598–599; «...печально известные подделки, сфабрикованные после Первой мировой войны Арамом Антоняном». Michael Gunter, Review Article, *International Journal of Middle East Studies*, 21, no. 3 (август, 1989), стр. 422.

32. Хилмар Кайзер был первым ученым, выразившим мнение, что документы Антоняна необходимо заново рассмотреть. Н. Kaiser, «The Baghdad Railway and the Armenian Genocide 1915–1916: A Case Study of German Resistance and Complicity», опубликовано в Richard Hovannisian (ed.), *Remembrance and Denial* (Detroit: Wayne State University Press, 1998), 108, no. 78.

33. «По сути, под огромным давлением при попытке найти и опубликовать компрометирующие документы находились люди, издавшие документы, подлинность которых

позднее оспаривалась». Taner Akçam, *Türk Ulusal Kimliği ve Ermeni Sorunu* (Istanbul: İletişim Yayınları, 1992), стр. 118–119.

34. Taner Akçam, *İn san Hakları ve Ermeni Sorunu* [Права человека и армянский вопрос] (Ankara: Im ge Yayınevi, 1999), стр. 33.

35. Taner Akçam, *The Young Turks' Crime against Humanity: The Armenian Genocide and Ethnic Cleansing in the Ottoman Empire* (Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2012): xix.

36. Orel and Yuca, *Ermenilerce Talat Paşa'ya Atfedilen...*, стр. 23–24. Вот османские оригиналы названий тех источников, которые, как утверждается, они исследовали: *Salname*; *İf ade-i Seniye Defterleri*; *Ruzname-i Ceride-i Havadisler* и *Düstur*.

37. Там же.

38. Примеры см. там же, стр.1, 8, 11, 24, 25.

39. Там же, стр. 26, 76.

40. Там же, стр. 75, 60.

41. Там же, стр. 48, 81.

42. Там же, стр. 130. Авторы отмечают: «В криминологии есть известный термин, «идеальное преступление». Он очень верен. Всякое преступление должно оставлять за собой следы, улики. Совершая преступление, представив эти сфабрикованные документы – а попытка запятнать [честь] целого народа это преступление, – они оставили множество улик и на этом доказательстве своей вины были пойманы».

43. Kamuran Gürün, *Ermeni Dosyası*, 333 «...otantik diye iddia edilen vesikaların cümlesi de sahte olunca, kitabın tamamı milletlerarası bir sahtekarlık vesikası haline d.nüşmüş bulunmaktadır... Acaba bu sahte vesikalar 'ahlaksız' bir Naim Bey tarafından hazırlanıp da Ermeni.rgütünce tetkik edilip, sahici sanılarak satın mı alındı?). Bunu hiç öğrenemeyeceğiz. Ne var ki Naim Bey diye bir insanın sadece hayalde yaşatılmış olması, bu sahte vesikaların Andonian tarafından tanzim edilmiş olması da düşünülebilecek bir husustur». Следует отметить, что этот фрагмент в английском переводе книги отсутствует.

44. Genelkurmay Başkanlığı, *Arşiv Belgeleriyle Ermeni Faaliyetleri (1914–1918), Cilt VII (1914–1915)* (Ankara: Genelkurmay Basımevi, 2007).

45. К этому списку мы должны, несомненно, добавить воспоминания Наима-эфенди, и хотя имя Наима напрямую не упоминается, рассказы Григора Анкута и Симона Онбачяна из Бандырма в лагере Мескены, где работал и Арам Антонян, должны быть добавлены к списку важнейших исторических источников того времени. Свидетельства этих лиц см. Raymond Kévorkian, *L'extermination des déportés Arméniens ottomans dans les camps de concentration de Syrie-Mésopotamie, La deuxième phase du génocide (1915–1916)*, Tome II, 1988; электронную версию этого источника см. URL: <http://www.imprescriptible.fr/rhac/tome2/>. Нумерацию страниц мы использовали по турецкому переводу этой книги: Raymond Kévorkian, *Soykırımın İlk İnci Safhası, Sürgüne Gönderilen Osmanlı Ermenilerinin Suriye-Mezopotamya Toplama Kamplarında İm ha Edilmeleri* (Istanbul: Belge Yayınları, 2011), стр. 233–235, 243–245, 274–278.

46. Аспект взяточничества и мародерства армянского имущества в ходе истреблений требует особого внимания. Одной из причин такого масштаба взяточничества и мародерства является отсутствие идеологической поддержки масс в отношении политики истребления. Лидеры партии «Единение и прогресс» осознавали нехватку идеологии и пытались манипулировать жадностью чиновников и широких масс, чтобы заручиться их участием в геноцидальном процессе. Когда же взяточничество и мародерство стали мешать осуществлению геноцидального плана, они начали расследование и даже собрали военный трибунал и наказали ряд лиц. В целом, вся политика была направлена на ограничение корыстолюбия рамками геноцидального процесса. И расследование в и вокруг Мескены и Алеппо, о котором здесь повествуется, прекрасный пример этой дилеммы.

47. Утверждение, что армяне представляли угрозу военному транспорту, было не более чем предлогом. Реальной причиной переселения армян в Дер-Зор было их истребление. См. Akçam, *Young Turks' Crime Against Humanity*, стр. 264–285; Kévorkian, *The Armenian Genocide*, стр. 625–699. Геворкян называет события в Сирии осенью 1915 г. и 1916 г. «вторым этапом» геноцида.

48. Мустафа Абдулхалик [Ренда] приходился Талаату-паше свояком. В апреле 1915 г. его назначили вместо Мажара губернатором Битлиса, далее – губернатором Алеппо (1915–1916), откуда он и высылал выживших армян пешком

в Месопотамию. После войны его арестовали британцы и выслали на Мальту, откуда в конце концов освободили без суда. В дальнейшем он служил в республиканских правительствах на должностях министров обороны, финансов и образования, был Президентом Национального парламента Турции, а после смерти Ататюрка на день стал президентом республики.

49. Genelkurmay Başkanlığı, Arşiv Belgeleriyle Ermeni Faaliyetleri (1914–1918), Cilt VIII (Ankara: Genelkurmay Basımevi, 2007), стр. 115.

50. BOA.DH.ŞFR., 525/106, шифрограмма от 19 июля 1916 г. от губернатора Дер-Зор Зеки Министерству внутренних дел Османской империи.

51. BOA.DH.ŞFR., 66/24, шифрограмма от 19 июля 1916 г. от Министра внутренних дел Талаата провинции Алеппо.

52. BOA.DH.ŞFR., 526/60, шифрограмма от 26 июля 1916 г., от губернатора [Алеппо] Мустафа Абдухалика Министерству внутренних дел. Ту же телеграмму см.: Genelkurmay Başkanlığı, Arşiv Belgeleriyle Ermeni Faaliyetleri (1914–1918) Cilt VII, 145.

53. BOA.DH.ŞFR., 66/136, шифрограмма от 4 августа 1916 г., от Министра внутренних дел Талаата провинции Алеппо.

54. Там же, стр.70. Проведение расследования было поручено Хакки-бею и полковнику (Албаю) Нури, инспектор Евфратского района. Один из их рапортов по этой теме см. BOA.DH.EUM.KLU., 16/28-1, рапорт заместителя директора по высылке и депортация Хакки и инспектора Евфратского района полковника (Миралай) Нури, от 20 сентября, 1916 г.

55. BOA.DH.ŞFR., 73/8, шифрограмма от 14 февраля 1917 г., от Министра внутренних дел Талаата провинции Алеппо.

56. Показания некоторых подозреваемых были собраны ранее, но, тем не менее эти лица были вынуждены дать показания во второй раз в ноябре.

57. Genelkurmay Başkanlığı, Arşiv Belgeleriyle, Cilt VII, стр. 95.

58. Там же. Из показаний как подполковника Галипа, так и Черкеза Хуссейна-эфенди, чиновника, ответственного за депортации в Мескене, который числился в свидетелях, следует, что период, описываемый Наимом-эфенди, приходился на май 1916 г. Так, к примеру, в своих показаниях, Черкез Хусейн-эфенди отмечает, что кандидат в офицеры резерва Ахмет (Yedek Subay adayı), который был приписан

к подполковнику Галипу, прибыл в его распоряжение в «начале мая 1916 года». См. там же, стр. 75, 89.

59. BOA.DH.ŞFR., 66/159, шифрограмма от 7 августа 1916 г., от генеральной дирекции по безопасности Министерства внутренних дел районному губернатору [Дер-] Зор. Полный текст телеграммы гласит: «Канцелярия Генерального штаба сообщает в ответ, что командование Шестой армией было проинформировано о необходимости отбора ремесленников и мастеров из числа армян не просто по воле начальника лагеря, и гражданские, и военные отделения должны действовать слаженно [в этом вопросе]».

60. BOA.DH.ŞFR., 66/94, шифрограмма, датированная 29 июля 1916 г., от генеральной дирекции по безопасности Министерства внутренних дел районному губернатору [Дер-] Зора: «Сообщается, что предприняты необходимые меры по размещению и расселению армян в соответствующих местах, поскольку их скопление в бассейне Евфрата и вдоль военных [снабженческих и транспортных] путей опасно для военного транспорта. Высшее командование сообщило командованию Шестой армии, что из остающихся лиц приказано сформировать трудовые батальоны, и что нехватка повозок должна восполниться посредством армян, а возницами должны быть только мусульмане».

61. Genelkurmay Başkanlığı, Arşiv Belgeleriyle, Cilt VII, стр. 95–96.

62. Bandırmalı Simon Onbaşıyan [Онбашиян] сообщает аналогичные сведения. Raymond Kévorkian, *Soykırımın İkinci Safhası*, стр. 274–278. Дальнейшую информацию об убийстве Григора Зограба см. в Предисловии к настоящей книге, а также: Haigazn K. Kazarian, «The Murder of 6 Armenian Members of the Ottoman Parliament», *Armenian Review* 22 (зима 1970 г.): стр. 26–33; Nesim Ovadya *Iz rail, 1915 Bir. lüm Yolculuğu–Krikor Zohrab*.

64. Как нам известно, все прочие документы, переданные Наимом и упомянутые в книге Антоняна, исчезли. Почему исчезли опубликованные документы, а неопубликованные, наоборот, сохранились? Может ли это быть совпадением? Четкого ответа на этот вопрос нет.

65. Bibliothèque Nubar, Fonds Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide: «Déportations et massacres: Zohrab, Vartkès et divers».

66. Там же.

67. Там же.

68. Aram Andonian, *Medz Vojirë*, стр. 136; во французском издании – стр. 6; в английском издании – стр. 5. Полный текст представлен ниже в разделе «Американские консульства и сделанные на дорогах фотографии». Так же см. Приложение А.2

69. Там же, и Приложение А.1

70. Там же, стр. 20 и приложение 1-Б. Рас-уль-Айн, или Сари Каны, в Сирии, расположен напротив турецкой границы в Джейланпинаре и к северо-западу от Хассаке, в юрисдикцию которого он сейчас и входит. Режи, по-турецки Reji, – наименование табачной монополии в Османской империи.

71. Там же, стр. 21, и приложение 1-Б.

72. Шукрю [Кайя] (1883–1959) был иттихадистским функционером, который возглавлял дирекцию по делам племен и расселения иммигрантов при Министерстве внутренних дел Османской империи (*Iskan-i Aşair ve Muhaciran Muduriyeti*) в начале войны и в ходе депортаций. Он был направлен в Алеппо летом 1915 (август–сентябрь) для прямой координации деятельности по депортациям и расселению. Абдулахад Нури [Тенгишпенк] был назначен его помощником. Он стал одним из бывших чиновников, арестованных британскими оккупационными войсками и интернированных на Мальту, но в конечном итоге был освобожден и вступил в ряды националистического движения в Анатолии. В разное время он занимал посты Министров сельского хозяйства, иностранных и внутренних дел на раннем этапе республики (1924–1928).

73. BOA.DH.ŞFR., 429/90, шифрограмма, датированная 8 октября 1915 г., от директора по делам мигрантов и беженцев (*Muhacirin*) в Алеппо Шукрю-бея министру внутренних дел Талаату.

74. BOA.DH.ŞFR., 56/385, шифрограмма, датированная 13 октября 1915 г., от Министра внутренних дел Талаата директору по делам иммигрантов и расселению Алеппо Шукрю-бею.

75. BOA.DH.ŞFR., 57/191, шифрограмма, датированная 30 октября 1915 г., от министра внутренних дел Талаата Шукрю-бею.

76. BOA.DH.ŞFR. 496/53, шифрограмма, датированная 7 ноября 1915 г., от генерального директора по вопросам

безопасности (эмниети) Исмаила Джанполата Министерству внутренних дел.

77. Aram Andonian, Medz Vojirë, стр.102.

78. Genelkurmay Başkanlığı, Arşiv Belgeleriyle, Cilt VII, стр. 95.

79. Aram Andonian, Medz Vojirë, стр. 102; Приложение 1-В.

80. Там же, стр. 7, 105.

81. См. Приложение Г.

82. Genelkurmay Başkanlığı, Arşiv Belgeleriyle, стр. 99.

83. Raymond Kévorkian, Soykırımın İlk inci Safhası, стр. 235. Как отмечалось выше, Антонян прямо заявляет – и в изданных работах, и в неизданных записках – что Наима от должности отстранили. Однако В. Н. Дадрян утверждает, что это ошибка, и дело обстояло не так. V.N. Dadrian, «The Naim-Andonian Documents on the World War I...», стр. 346.

84. BOA.DH.EUM.6.Şb. 8/24-01, шифрограмма, датированная 5 июля 1916 г. от Министра внутренних дел Талаата районному управляющему Урфы.

85. BOA.DH.EUM.6.Şb. 8/24. Всю корреспонденцию можно найти в этом досье.

86. BOA.DH.ŞFR., 66/24, шифрограмма, датированная 16 июля 1916 г., от Министра внутренних дел Талаата провинциальному губернатору Алеппо.

87. Rita Soulahian Kuyumjian, The Survivor: Biography of Aram Andonian (London: Gomidas Institute, 2010), стр. 19.

88. Kévorkian, Soykırımın İlk inci Safhası, стр. 234.

89. Kuyumjian, The Survivor, сноски 26, 86.

90. Kévorkian, Soykırımın İlk inci Safhası, стр. 269.

91. Там же, стр. 241.

92. В то время как Антонян договаривался с Наимом-эфенди, Салих Зеки, который был назначен районным управляющим Дер-Зора, находился в окрестностях Алеппо и Мескене. Салих Зеки был назначен 26 апреля 1916 г., и его назначение было утверждено тремя днями позже (BOA.BEO., 4410-330741-01-01, письменное сообщение из Канцелярии Великого визиря). Таким образом, вполне вероятно, что описанные здесь события произошли во второй половине мая или начале июня. Аналогичным образом, в рапорте на тему отеля Барон в Алеппо,

высланном майором Азми в Стамбул 20 июня 1916 г., он сообщает, что приехал в этот отель в начале июня (BOA.DH.EUM. 2. Şube, 26/9, Рапорт майора Азми из Алеппо от 20 июня 1916 г.). Выживший в событиях армянин, М. Агазарян, который вел дневник в месяцы своего пребывания в Дер-Зоре, называет в своих записях дату прибытия Салиха Зеки в Дер-Зор. М. Aghazaryan, Aksoragani Husher [Воспоминания ссыльного] (Adana: Hay Tzayn Matbaası, 1919), стр. 13.

93. Kévorkian, Soykırımın İlk İnci Safhası, стр. 269.

94. Семьи изначально были готовы подкупить самого районного управляющего Дер-Зора Салиха Зеки, чтобы отправиться в Дер-Зор. Зеки согласился и принял взятку, но предложил семьям отправиться туда не в его сопровождении, а до его прибытия. Эти планы нарушило знакомство Антоняна с Салихом Зеки. Зная Антоняна с юности, Зеки рассказал ему о резне и предупредил: «Постарайся [здесь] в Дер-Зоре не показываться». Антонян рассказал об этом семьям и уговорил их выбрать Алеппо путем подкупа Наима. Подробности встречи Антоняна и Салиха Зеки см. там же, стр. 239–245.

95. Письмо Антоняна Мари Терзян (см. Приложение В).

96. Там же.

97. Genelkurmay Başkanlığı, Arşiv Belgeleriyle, Cilt VII, стр. 69–140; Kévorkian, Soykırımın İlk İnci Safhası, стр. 257–260, 267–268.

98. Aram Andonian, Medz Vojirë, стр. 8.

99. Письмо Антоняна Мари Терзян (см. Приложение В).

100. Там же.

101. BOA.DH.EUM 2. Şube, 26/9, Рапорт майора Азми из Алеппо, датированный 20 июня 1916 г.

102. BOA.DH.ŞFR., 66/56, шифрограмма, датированная 22 июля 1916 г., от Министра внутренних дел Талаата губернатору Алеппо.

103. BOA.DH.EUM., 2.Şb. 26/9-7, шифрограмма, датированная 26 июля 1916 г., от губернатора Алеппо Мустафы Абдулхалика Министерству внутренних дел.

104. Письмо Антоняна Мари Терзян (см. Приложение В).

105. Там же.

106. Там же.

107. Orel and Yuca, Talat Paşa'ya Atfedilen, стр.8, 9.

Даже если мемуары являются подлинными, могут ли документы все же быть поддельными?

Подытожим сказанное до сих пор: аргумент о том, что приписываемые Талаату-паше телеграммы, в сущности, являются подделками, основан, прежде всего, на постулате, что чиновника по имени Наим-эфенди не существовало. И поскольку такого чиновника не существовало, написать эти мемуары, равно как и передать их Антоняну, он не мог. Таким образом, воспоминания полностью написаны самим Антоняном. В позднеосманский период действительно существовал чиновник по имени Наим, и существующие воспоминания написаны им самим. Антонян их не фабриковал и не видоизменял. Однако он принял решение опубликовать лишь часть полученных документов.

С другой стороны, если сказанное правда, остается все еще один важный вопрос: возможно ли, что Наим сам сфабриковал свои мемуары и сопутствующие документы? Зная прекрасно, что армяне неустанно ищут документальные подтверждения резни, возможно ли, что Наим, испытывающий постоянную нехватку денег, просто написал их «на заказ», ради денег?

Орел и Юджа подытожили свой тезис о поддельности предоставленных Наимом документов в 12 пунктах [1]. Из них восемь напрямую связаны с темой подлинности, а именно: 1) подписи на документах поддельны; 2–3) в датах на документах имеются серьезные ошибки;

4) даты и номера на документах не имеют никакого отношения к реальности; 5) шифрованные телеграммы, состоявшие из групп цифр не имели никакого отношения к реальным криптографическим методам; 6) знаки «бисмиллях» на документах поддельны; 7) некоторые объяснения и описания в документах не используются в османской версии; 8) бумага, используемая для этих документов не такая, какую использовали османские чиновники. Каждый из этих аргументов, безусловно, важен и заслуживает отдельного внимания, но наиболее весомыми нам представляются пункты 4 и 5.

Регистрационный журнал шифровального отдела Министерства внутренних дел

Что касается приведенного выше четвертого пункта, а именно, несовпадения дат и номеров документов Наима с существующими в Османском архиве, Орел и Юджа предлагают вниманию читателей несколько страниц из регистрационного журнала входящих и исходящих сообщений Министерства внутренних дел, где записывались шифрограммы, направленные Министерством внутренних дел в Алеппо [2]. Даты и номера этих документов, записанных на страницах регистрационного журнала, отличаются от тех, которые фигурируют у Наима. Иными словами, последние не записаны в регистрационном журнале. На этом основании авторы заключают, что документы Наима – поддельные.

Здесь примечательно то обстоятельство, что упомянутые регистрационные журналы в архивах для исследователей недоступны. Таким образом, мы имеем странную ситуацию, когда журналы от исследователей сокрыты, но содержащиеся в этих «тайных» журналах номера и даты некоторых документов используются в качестве исторического доказательства. Очевидно,

что если исследователям не предоставляется доступ к упомянутым регистрационным журналам, утверждения Орела и Юджи недоказуемы и становятся намного менее убедительными. Те, кто основывают свои аргументы на регистрационном журнале Министерства внутренних дел Османской империи, изначально должны обеспечить доступность этого источника для всех ученых.

Еще одним примечательным обстоятельством в этой теме является то, что телеграммы в Алеппо направлялись не только из Министерства внутренних дел. Множество источников подтверждает, что Министр внутренних дел Талаат, ранее занимавший пост в почтовых службах, имел частную телеграфную линию у себя дома и пользовался ею как личным почтовым отделением. Он переписывался с провинциями и получал от них сообщения о происходящем по этой линии. Так, в своих мемуарах тогдашний министр иностранных дел Халил Ментеше пишет:

«Однажды утром я пришел в дом в Еребатане, где жил [Талаат] ... Он выглядел неестественно. Его угольно-черные глаза были сильно налиты кровью. «Боже, Талаат, что произошло? Ты выглядишь очень плохо», – сказал я. “Не спрашивай”, – ответил он. “Я получил несколько депеш от [губернатора Эрзерума] Таксина об армянах, и они меня взвинтили. Я не мог заснуть всю ночь» [3].

Посол США Генри Моргентау рассказывает аналогичную историю. Однажды, когда он пришел в дом к Министру внутренних дел попросить о помощи, Талаат сказал:

«“Я помогу вам”, – и “повернувшись к столу, запустил телеграфный аппарат”, – вспоминает Моргентау. “Я никогда не забуду этой картины: огромный турок сидел в серой пижаме и красной феске и усердно

стучал телеграфом, его молодая жена наблюдала за ним из маленького окна, и комната была залита полуполуденным солнцем.

... Новость, которую Талаат получил в этот момент по телеграфу практически свела к нулю все мои усилия. После долгого стука, в течение которого лицо Талаата растеряло все признаки добродушия и стало почти диким...» [4].

По словам Моргентау, за те два часа, что он пробыл у Талаата, их разговор постоянно прерывался поступающими телеграммами [5].

Нет необходимости полагаться только на свидетельства посторонних. Рассказ жены Талаата Хайриеханым также подтверждает увиденное Ментеше и Моргентау. В своем интервью 1982 г. она подтвердила, что в их доме действительно был «телеграфный аппарат», которым пользовался Талаат. Когда ее об этом спросили, она ответила: «Конечно, он им пользовался. Рассылал всем [провинциальным] губернаторам приказы [посредством телеграфа]» [6]. Какую систему нумерации использовал Талаат для рассылаемых из дома телеграмм? Скорее всего, мы никогда не сможем ответить на этот вопрос, но таким образом подтверждается вероятность того, что нумерация документов Наима вполне оправдана.

Шифрограммы и техника кодирования

Что касается подлинности телеграмм Наима, самый важный аргумент Орела и Юджи заключается в том, что кодировочная система в этих телеграммах, состоящая из одних цифр, неверна. Наим предоставил Антоняну семь шифрованных телеграмм. В хронологическом порядке: 1) 29 сентября 1915 г. [трехзначный код]; 2) 9 декабря 1915 г. [двузначный код] [7]; 3) 26 декабря 1915 г. [двузначный код]; 4) 20 марта 1916 г.

[трехзначный код]; 5) 20 марта 1916 г. [двузначный код]; 6) 23 января 1917 г. [двузначный код]; (7)? марта, 1917 г. [двузначный код] [8].

Орел и Юджа утверждают, что все эти шифрограммы, как в двузначном, так и в трехзначном коде, были написаны Антоняном, а не Наимом. Документы, которые «Антонян выдает за шифрованные телеграммы, состоящие из групп цифр, в надежде, что это прибавит им достоверности, на деле не имеют ничего общего с существующими в то время криптографическими методами» [9]. Авторы выдвигают два важных аргумента в поддержку этого утверждения. Во-первых, отмечают они, все кодировочные системы использовались лишь в течение короткого периода времени. По их словам, этот период никогда не превышал шести месяцев, поскольку было немыслимо «использовать систему кодирования в военное время без изменений» [10]. Однако авторы не предоставляют никаких данных о том, когда эти периоды начинались и заканчивались [11]. Самым важным свидетельством того, что Наим (или Антонян) не были знакомы с кодировочными техниками того времени является почти шестимесячный разрыв между шифрованными документами, написанными одним ключом. В качестве доказательства авторы приводят даты двух трехзначных документов Наима (29 сентября 1915 г. и 20 марта 1916 г.). По мнению авторов, это невозможно, и, следовательно, документы являются подделкой.

Второй аргумент Орела и Юджи в том, что в любой данный период шифрограммы кодировались лишь одной группой цифр. Иными словами, в один и тот же период не могли использоваться две различные цифровые группы. К примеру, авторы утверждают, что с 26 августа по 11 декабря 1915 г. шифрование производилось пятизначными группами цифр, и ничем больше. По словам авторов, четырехзначные группы начали использоваться лишь с марта 1916 г. Авторы

не называют, однако, конкретного дня. По этой логике, любое телеграфное сообщение в данный период, закодированное иными группами цифр, автоматически является поддельным.

Так, к примеру, поскольку пятизначные группы были принятой кодировочной системой между 26 августа и 11 декабря, две телеграммы, представленные Наимом и приходящиеся на этот период (трехзначная от 29 сентября 1915 г. и двузначная от 9 декабря того же года), очевидным образом поддельны. Таким образом, Орел и Юджа обосновывают свой тезис о поддельности телеграмм, предоставленных Наимом Антоняну, утверждением, что лишь одна группа цифр использовалась в качестве шифровального метода в течение определенного и не превышающего шесть месяцев периода времени.

Эти утверждения совершенно неверны и не имеют никакой материальной основы. Однако рассмотрим тезис авторов подробнее, он поможет нам лучше понять наш предмет и изложить наши собственные соображения касательно шифрограмм, найденных в Османских архивах [12].

Некоторые наблюдения о шифровальной системе

Мы рассмотрели большую часть десятков тысяч шифрованных телеграмм, разосланных между вступлением Османской империи в Первую мировую войну в октябре 1914 г. до марта 1918 г. Любопытно, что у Министерства внутренних дел был свой собственный шифровальный метод, которым не пользовались прочие министерства и департаменты. Министерство внутренних дел свой шифровальный метод другим министерствам и не предоставляло. Так, например, в телеграмме, высланной Министерством губернатору

Алеппо 3 декабря 1914 г., содержится предупреждение губернатору Джелалу-бею, который предоставил командиру Четвертой армии Джемалу-паше (в Сирии) шифровальные ключи для Дер-Зора. Губернатора предостерегли, что Министерство внутренних дел не разрешает передавать шифровальные ключи кому бы то ни было [13]. Аналогичный приказ был выслан в 1918 г., когда Министерство вновь потребовало не разглашать его методов, заявляя «что передача [шифровальных] ключей, принадлежащих Министерству [внутренних дел] командующим [армии], не допустима» [14]. Разумеется, в определенных ситуациях, прочим министерствам и институтам дозволялось переписываться шифром Министерства внутренних дел. Так, телеграмма от 10 марта 1918 г., высланная османскому консулу в Сулеймание Махмуту-бею, гласит: «Поскольку [шифровальный] ключ Министерства был аннулирован, вам надлежит продолжать корреспонденции ключом Министерства внутренних дел».

В свою очередь, Министерство внутренних дел использовало различные шифровальные методы для того, чтобы местные гражданские чиновники могли переписываться с другими институтами, в частности с армией и Министерством обороны. Так, к примеру, 6 декабря 1914 г. всем провинциям было разослано сообщение, согласно которому дозволялось «производить секретную переписку между Министерством обороны и гражданскими чиновниками посредством шифровальных методов, [обычно] выделенных для переписки командиров» [16]. В тех же случаях, в которых не использовался ни один из существующих шифровальных методов, создавались специальные кодировочные ключи лишь для этого типа коммуникации. К примеру, в циркуляре от 11 мая 1915 г. говорится, что «Министерством внутренних дел был подготовлен и осуществлен новый кодировочный ключ исключительно для сообщения между провинциями/районами

и Военным министерством» и рекомендуется «писать шифрограммы Военному министерству и Канцелярии общего снабжения при помощи этого ключа». В нем также напоминает, что в сообщениях такого рода «[шифровальный] ключ Министерства внутренних дел использоваться не должен» [17].

В ряде случаев один из шифровальных методов, используемых Министерством внутренних дел, был предназначен специально для переписки между командующими армией в различных регионах и местными чиновниками. Примером этому служит рапорт Министерства внутренних дел в марте 1916 г., в котором отмечается, что «шифровальный код шестого типа предоставляется [командующему третьей армии Вегипу-паше] для переписки с различными провинциями и районами» [18]. Аналогичная ситуация встретила нас и за 1918 г. 9 октября 1918 г. всем провинциям был разослан циркуляр с рекомендацией «частично использовать шифровальный ключ шестого типа в переписке с Министерством снабжения и обеспечения» [19].

Таким образом, мы можем заключить из существующих документов, что для функционеров, которые в рамках служебных обязанностей ездили в провинции или за рубеж, разрабатывались специальные шифровальные методы. Примерами этого являются специальные шифровальные методы, используемые для Сулеймана Аскери, посетившего Багдад в качестве чиновника Особой организации (Teşkilat-ı Mahsusa) [20] и для Халила Ментеше [21], который был командирован в Германию по государственным делам во время войны. Аналогичные сведения можно почерпнуть и из некоторых мемуаров. Один из наиболее известных османских чиновников, А. Фаик Хуршит Гюндай, рассказывает, что когда он работал в Багдаде, ему было известно, что Энвер-паша (один из членов триумвирата) выслал особый шифровальный ключ одному из видных арабских политиков для особой переписки [22].

Даже внутри Министерства внутренних дел использовались различные шифровальные методы. Так, шифр, используемый провинциями и районами в переписке между собой, отличался от того, который использовался для коммуникации со Стамбулом. 9 марта 1915 г. Министерство внутренних дел выслало телеграмму в Измит и Ментеше со следующими разъяснениями:

«Шифровальные ключи, которые высылались ранее и используются в настоящее время, предназначены исключительно для вашей коммуникации с окрестными районами и подрайонами. Тот же [шифровальный] ключ, который высылается вам сейчас, предназначен для сообщения между Блистательной Портой с провинциями и входящими в них районами. Таким образом, при переписке с районами вам надлежит пользоваться другим ключом. Этот вопрос необходимо разъяснить» [23].

В целом Министерство внутренних дел использует два типа шифрования. Первый метод был основан на различных группах цифр; второй метод состоял из комбинации букв и назывался *huruf-1 mukatta* (подстановка букв). Из документов, которыми мы в настоящее время обладаем, становится ясно, что второй метод использовался в основном для переписки со Стамбулом и провинциями, в которые входило много районов. Поскольку метод подстановки букв легко поддавался расшифровке, всем провинциям и провинциальным районам 25 апреля 1915 г. был направлен указ, требующий впредь воздерживаться от его применения. «Поскольку стало известно, что некоторые регионы сообщаются с окрестными районами посредством буквенного шифровального кода, [этот метод] не следует более применять для сохранения секретности [переписки], поскольку его очень легко раскрыть» [24]. В другом циркуляре от 2 августа 1915 г. предписывается сжечь все коды, связанные с этим шифровальным методом. «Прошу вас

сжечь все шифровальные тетради, которые содержат метод Huruf-u Mukatta [подстановка букв], используемый для коммуникации провинциальных районов с правительством, и доложить нам об исполнении» [25].

Что касается шифрования методом цифровых групп, в описываемый период использовались методы от дву- до пятизначных форматов. Хотя в ходе наших архивных изысканий мы встречали неоднократное упоминание шести, семи, восьми и даже девяти типов шифровальных систем, ни одной телеграммы, написанной такими группами, мы не нашли. Важным примером этого является Меморандум канцелярии Особого секретариата от 10 апреля 1915 г., с указаниями: «поскольку провинциальный район Нигде и подрайон Эскишехир становятся независимым провинциальным районом, их управляющим надлежит выслать одну-две копии шестого, седьмого и восьмого типа шифровальных кодов для использования исключительно в переписке с провинциями и районами» [26].

В другой депеше, высланной Министерству внутренних дел из Эрзерума 6 сентября, говорится: «Сообщаем вам, что прибыла тетрадь седьмого шифровального ключа» [27]. Девятый тип упоминается в шифрограмме, высланной Министерству внутренних дел из Дер-Зора 28 июля 1918 г., в которой говорится: «Посредством расследования было установлено, что [сообщение] было написано от имени Канцелярии по расселению иммигрантов при использовании девятого шифровального метода» [28].

Как отмечается выше, в своих поисках мы встречали лишь документы, зашифрованные группами от двух до пяти знаков, и нам ни разу не попались шести-, семи-, восьми- и девятизначные группы. Возможным объяснением этому может быть тот факт, что под методами шесть, семь, восемь и девять подразумеваются не различные группы цифр, а иная система нумерации внутри каждой цифровой группы, вероятнее всего,

среди четырех- и пятизначных групп. И действительно, каждая цифровая группа имеет различные системы нумерации, а именно – несколько различных шифровальных комбинаций. Как будет показано ниже, имеется как минимум девять различных шифровальных комбинаций для, скажем, четырехзначной группы [29]. Еще одним примером является Генеральный директор по делам иммигрантов; его канцелярия использовала двузначный код и как минимум 15 различных шифровальных методов. Таким образом, есть основания утверждать, что цифровые группы шесть, семь, восемь и девять относились не к количеству цифр в группе при кодировке телеграммы, а, скорее, к тому, как надлежит расшифровывать документы внутри определенной цифровой группы [30].

Мы также заметили, что, невзирая на шифрование определенной цифровой группой, каждая телеграмма в своем зачине имеет обозначение того, какой системой ее следует декодировать. Так, к примеру, в телеграмме, закодированной при помощи пятизначной группы, высланной в Стамбул 25 декабря 1915 г., губернатор Алеппо предоставляет следующие указания: «Номер пять. Сегодня я передаю юго-западную и южную части провинции... [код, который я буду высылать в дальнейшем] должен был декодирован при помощи шестого типа шифрования» [31]. Очевидно, что губернатор зашифровал телеграмму в пятизначном коде и сообщил Стамбулу, что он будет продолжать высылать пятизначные телеграммы, но читать их необходимо в соответствии с шестым кодом! По этой причине мы часто находим фразы «номер два, три, четыре, пять, шесть, семь или девять» в начале документов, а сами документы зашифрованы четырех- или пятизначным шифром. Еще один пример касается документов с двузначным шифром: в начале некоторых из них мы видим фразу «[зашифровано] шифровальным кодом [Канцелярии по расселению] иммигрантов номер 15» [32].

Наше последнее наблюдение о шифровальных методах заключается в том, что различные канцелярии и департаменты Министерства внутренних дел использовали различные цифровые группы для кодирования. Так, большинство переданных Наимом Антоняну телеграмм были написаны двузначной группой. И это неудивительно, поскольку двузначный метод шифрования использовался Дирекцией по расселению племен и иммигрантов (которую так же часто называли Дирекцией по депортациям) и Комиссией по покинутому имуществу, как показано выше. Этот факт свидетельствует в пользу подлинности документов Наима.

Во многих случаях шифрование этой цифровой группой упоминается наряду с названием соответствующей канцелярии. Две телеграфические депеши, высланные в Стамбул 2 сентября и 21 ноября 1915 г. Шукрю-беем, директором Канцелярии по расселению иммигрантов (в бытность его в Алеппо) содержат указание «расшифровать кодом Канцелярии по расселению иммигрантов» [33]. Похожую пометку можно найти в телеграмме из Трапезунда: «[закодировано] шифром номер 15 [Канцелярии расселения] иммигрантов» [34]. Эти две телеграммы также зашифрованы двузначным кодом.

Со временем распределение цифровых групп по канцеляриям могло меняться. Так, есть основания полагать, что с сентября 1916 г. двузначный шифр стал использоваться и в переписке между Министерством внутренних дел и армией [35].

Иногда некоторым департаментам предписывалось не использовать шифры других ведомств. Так, к примеру, циркуляром, разосланным Комиссиям покинутого имущества, адресатам был велено не использовать «[кодировочный] ключ» Министерства в своей письменной коммуникации, и что взамен «переписку следует вести с использованием существующего ключа канцелярии [по расселению] иммигрантов» [36]. Шифры, выде-

ленные исключительно комиссиям, высыпались и доставлялись в провинции отдельно. Пример этому – телеграмма, высланная «председателю Комиссии по покинутому имуществу» в Нигде 22 сентября 1915 г., в которой упоминается, что «кодировочный ключ следует почтой» [37].

В тех местах и случаях, когда шифровальные ключи адресатов не достигали, местным чиновникам было позволено использовать кодировочный ключ местных властей: «Поскольку председателям комиссий покинутого имущества еще не были высланы кодировочные ключи, необходимо использовать шифровальный ключ Министерства». Провинциальные правительства были оповещены об этой ситуации специальным приказом, согласно которому они должны были предоставить указанным комиссиям свои шифры: «Провинциям телеграммой было предписано, что они должны предоставить указанный шифр [ключ] председателям Комиссий покинутого имущества» [38].

Были и специальные кодировочные системы, отклонявшиеся от случаев, которые мы описывали выше. Шифрованная телеграмма, высланная из Берлина Министром финансов Джавитом-беем 27 мая 1915 г. – прекрасный пример этого. Телеграмма была зашифрована пятизначной группой. В ее начале нет упоминания о том, какой цифровой группой надлежит расшифровывать. Чиновник в Стамбуле расшифровал ее при помощи четырехзначного ключа. А именно, он взял первые четыре цифры первой пятизначной группы и расшифровал их. Затем он взял пятую цифру, прибавил к ней первые три цифры второй пятизначной группы и расшифровал. Таким образом, во второй пятизначной группе осталось две цифры. Эти две цифры были соединены с третьей пятизначной группой и так далее [39]. (см. рис. 1). Более подробно эту тему можно раскрыть, лишь опубликовав «Тетради шифровальных ключей» (*Şifre Miftahı Defteri*), в которых содержатся

Рис. 1. DH.ŞFR., 472/111-1, шифрованная телеграмма министра финансов Джавита из Берлина

шифровальные ключи ко всем цифровым группам. К сожалению, эти тетради военных лет остаются недоступными для ученых.

К вопросу периода, когда использовались шифровальные методы

На этом фоне мы уже готовы более подробно рассмотреть основную претензию Орела и Юджи по теме кодировочных цифровых групп. Они утверждают, что «в 1331–1332 [1915–1916] годах использовались шифры из дву-, четырех- и пятизначных групп, а трехзначные шифры не использовались». [40]. Однако, как мы неоднократно убедимся в дальнейшем, их утверждение относительно трехзначного кодирования ошибочно. В течение 1915 г. трехзначная цифровая группа использовалась, хоть и редко.

Однако отложим пока эту тему и сосредоточим внимание на другом вопросе. Как показано выше, Орел и Юджа утверждают, что переданные Наимом Антоняну телеграммы – фальшивые, поскольку использованные в них шифровальные методы действовали лишь на срок менее шести месяцев. В ходе наших исследований в Османских архивах мы не нашли ни одного документа, подтверждающего это правило. Не нашли мы и информации о том, в какой период были действительны определенные цифровые группы. Из регистрационного журнала шифровальных ключей от 1914 г., который мы имеем в нашем распоряжении, нам стало известно, что методы шифрования пересматривались ежегодно.

На первой странице журнала имеются заголовки: «кодировочные ключи, выделенные для переписки со всеми провинциями» и «кодировочные ключи, выделенные для Блистательной Порты». Имеются также инструкции: «Все провинциальные губернаторы и прочие высокоуважаемые чиновники должны с особым

вниманием отнестись к хранению регистрационных журналов кодировочных ключей, дабы последние не попали в неблагонадежные руки». Здесь же приводится и разъяснение цифровых кодов, которыми был зашифрован сам регистрационный журнал [41].

Из дат, по которым различным провинциальным администрациям рассылались шифровальные ключи, можно легко определить, как один код заменялся другим в течение года, однако, выявить закономерность в типе изменений или в том, как они делались, затруднительно. Из некоторых телеграмм можно заключить, что они пересматривались или изменялись ежегодно, как видно из приведенных выше примеров, или по крайней мере были переименованы. Так, например, телеграмма, высланная в провинцию Ван 4 мая 1915 г., гласит: «Поскольку доклада о том, был ли получен новый шифровальный код, высланный 28 февраля [1] 330, не поступило, было непонятно [соответствует ли настоящий] ключ текущему или следующему году» [42]. Однако по причинам, которые мы далее подробно рассмотрим, довольно трудно сделать окончательный вывод о предмете, основываясь лишь на этой информации и датах в документах, даже если налицо определенные неоспоримые факты, как смена кодировочных ключей в марте, в начале османского года.

Из шифрованных телеграмм, высланных между ноябрем 1914 г. и мартом 1918 г., можно заключить, что кодировка при помощи дву-, четырех- и пятизначных групп цифр постоянно использовалась в это время и что использование этих методов не ограничивалось указанным периодом. Однако временами наблюдалось изменение частоты, с которой они использовались, особенно в случае четырех- и пятизначных групп. В начале этого периода (ноябрь 1914 г.) наиболее часто использовалась пятизначная группа. Второй по частоте использования была четырехзначная группа. И лишь изредка мы наблюдали шифрограммы в дву- и

трехзначном ключе. В середине января 1915 г., число четырехзначных шифров сильно возросло, и к февралю эта группа стала использоваться наиболее часто.

В июне наблюдается увеличение частоты использования пятизначной группы, и к июлю она вновь стала основным методом кодировки. Эта ситуация продолжалась до февраля 1916 г. В марте и апреле вновь наметился рост четырехзначного кодирования, и к маю 1916 г. этот метод вновь стал самым распространенным. С этого времени и до конца марта 1918г. (выбранный нами конец архивного расследования) четырехзначная группа оставалась основным методом кодирования. Таким образом, четырех- и пятизначные методы кодирования постоянно использовались в этот промежуток времени, менялось лишь пропорциональная частота их применения. Но и эти изменения происходили не внезапно, а постепенно, в течение недель или месяцев, и никаких ограничений на их использование в эти временные периоды не накладывалось.

Основной причиной того, что четырех- и пятизначные методы использовались одновременно, при изменении частоты использования, были задержки и отсутствие единства в высылке и получении новых кодировочных ключей. Этому есть множество примеров.

Так, из циркуляра, высланного всем провинциальным правительствам 16 декабря 1914 г., становится известно, что задолго до декабря был выслан новый кодировочный ключ для коммуникации между провинциями. В сообщении также содержалась настоятельная рекомендация главам местных администраций «быть крайне осторожными в хранении новых кодировочных ключей» [43] и запрашивалось подтверждение того, что все кодировочные тетради были получены всеми регионами. В течение декабря-января продолжались запросы о том, кто и когда получит тетради шифровальных ключей. Так, в телеграмме, высланной губернатору Багдада, Сулейману Назифу, 29 декабря 1915 г.,

содержалась просьба «взять у Решит-бея имеющийся у него новый шифровальный ключ и переписываться с ним при его помощи; старый ключ ни в коем случае не следует использовать» [44]. В нескольких различных телеграммах, высланных 4 января 1915 г. в провинции Болу, Анкара и Диярбекир, говорится, что высланные тетради с кодировочными ключами либо не достигли места назначения, либо не были получены у нарочного, с настоятельной рекомендацией забрать их как можно скорее [45].

Похожая ситуация сложилась в марте 1915 г., когда была выслана тетрадь с новым шифровальным ключом, специально предназначенным для переписки между провинциальными администрациями и их районами. Телеграмма от 31 марта в провинции Конья, Адана и Анталя заверила адресатов, что шифровальные тетради уже в пути [46]. Сообщается, что «новый шифровальный ключ для переписки между провинцией-районами» для Сивас, Мамуретулазиза (Элазыг), Битлиса, Вана и Кайсери был выслан 7 апреля 1915 г., и представителям местных администраций предписывалось доложить по получении ключа [47]. Ключи для провинции Алеппо и подведомственных ей районов были высланы при этом лишь 17 апреля [48]. Ключ, предназначенный для Кутахьи, не очень отдаленного от Стамбула района, был получен лишь 28 апреля 1915 г. [49]. Еще одна телеграмма от 1 мая 1915 г. запрашивала целый ряд провинций и районов, получены ли шифровальные ключи [50]; тот же вопрос был задан провинциям Ван и Битлис в сообщении от 26 мая 1915 г. [51]. К 2 июня тетради с ключами еще не прибыли в Диярбекир, Сиверек, Дер-Зор, Багдад и Басру [52]. Новые шифровальные ключи начали рассылаться 8 июля.

Вероятно, наиболее интересный пример этой ситуации – обнаруженный нами документ о том, когда были высланы шестой, седьмой и восьмой кодировочные

ключи. Согласно списку Министерства внутренних дел, они рассылались в достаточно продолжительный промежуток времени между 11 марта и 21 августа 1916 г. Первым местом, куда выслали тетрадь, был город Бурса. Ключ был выслан туда 11 марта 1915 г., следующим был Балыкесыр, двумя днями спустя. Вот как происходила высылка ключей в другие провинциальные и районные центры: Эдирне (20 марта), Айдин (12 апреля), Урфа (15 апреля); Дер-Зор [шестой и седьмой виды шифра] (12 мая), [восьмой тип] (31 мая); Трапезунд (3 июня); Кастамону (8 июля); Хиджаз и Йемен (21 августа) [54].

В ходе исследовательской работы в архиве было обнаружено еще одно немаловажное обстоятельство: несмотря на изменения типа шифровального ключа для каждой группы, эти различные цифровые комбинации также использовались вперемешку. Так, например, мы обнаружили как минимум шесть различных кодировочных систем, относящихся к шифрованию двузначными группами (отметим, что Генеральный директор по делам иммигрантов имел в своем распоряжении 15 различных цифровых групп). Большинство документов, обнаруженных нами в Османских архивах, были зашифрованы пятнадцатым методом шифрования (цифровые комбинации за номером 15). Мы нашли около 100 документов, зашифрованных таким образом. Эта цифровая группа использовалась в ходе всего рассматриваемого периода, без временных ограничений. Так, к примеру, телеграмма из Эскишехира, датированная 3 сентября 1915 г. (DH.ŞFR., 486/138), и телеграмма из Самсуна, датированная 6 июля 1916 г. (DH.ŞFR., 524/105), были обе зашифрованы одной цифровой группой. При этом временной промежуток между ними превышает 10 месяцев. В тот же период времени использовались и другие цифровые группы, относящиеся к двузначному коду.

Интересный пример можно привести и в случае с четырехзначной системой шифрования. Как уже упоминалось, существовало как минимум 9 различных цифровых комбинаций для четырехзначной группы. В рассматриваемый промежуток времени параллельно использовались различные цифровые группы. Так, к примеру, телеграмма, высланная из Анкары 6 июля 1915 г. (DH.ŞFR., 478/110), была зашифрована четырехзначной группой, с применением пятой нумерационной системы. Еще одна телеграмма, зашифрованная той же группой и в той же системе, была выслана 7 сентября 1916 г. (DH.ŞFR., 531/46). Как видим, временной разрыв между ними превышает 13 месяцев. При этом в тот же отрезок времени мы наблюдаем целый ряд телеграмм, зашифрованных четырехзначным кодом в различных цифровых системах.

Вследствие беспорядочности и нерегулярности в предоставлении новых кодов, в архивах имеется множество документов, в которых рекомендуется «переписываться при помощи старого кода до тех пор, пока не будет выслан новый ключ, находящийся в разработке» [55]. В некоторых ситуациях, вследствие задержек, провинциальным властям предписывается даже переписываться друг с другом, выбирая цифровую группу по собственному усмотрению.

В приказе, посланном в Бурсу 30 ноября 1914 г. (исходя из его текста, мы можем предположить, что он был разослан и другим региональным властям) говорится, что «указаний вернуть старые шифровальные ключи не поступало. Губернаторы провинций и главы районов могут переписываться с подведомственными административными районами/подрайонами при помощи удобного им шифра» [56]. Из того, что нам удалось увидеть в этих документах, говорить о систематическом процессе здесь затруднительно. На деле нормой был хаос.

Приводимые доказательства сфальсифицированности телеграмм Наима-эфенди

Внимательно рассмотрев информацию, содержащуюся в отдельных шифрограммах, хранящихся в османских архивах, мы можем рассмотреть и утверждения Орела и Юджи касательно цифровых групп в телеграммах Наима, а именно, то, что, по их словам, они не соответствуют практике Министерства внутренних дел османской поры, и, следовательно, являются подделками.

Две телеграммы, зашифрованные трехзначным методом, фотографии которых были опубликованы Антоном, датированы 29 сентября 1915 г. и 20 марта 1916 г. Авторы утверждают, что временной разрыв между этими двумя документами слишком долг, чтобы соответствовать действительности:

«[Исходя] из этой ситуации мы понимаем, что шифровальный код использовался сроком до шести месяцев; однако столь длительное использование одного и того же шифра в течение столь долгого срока без изменений невозможно в условиях военного времени» [57].

Это заявление, которое основано на длительности промежутка между двумя телеграммами, является серьезной ошибкой. В османских архивах есть телеграммы, зашифрованные трехзначным методом с интервалом много большим, чем между указанными двумя депешами. Вот лишь несколько примеров: телеграмма от главы районной администрации Дерсима (Мутасарифа) Сабита от 8 апреля 1914 г. (DH.ŞFR., 423/27), и еще одна от губернатора Вана Джевдета от 5 ноября 1914 г. (DH.ŞFR., 451/134) с временным промежутком в семь месяцев. По логике Орела и

Юджи, как минимум одна из этих депеш должна быть поддельной.

Здесь можно, конечно, возразить, что первая телеграмма была написана до вступления Османской империи в Первую мировую войну, а правило шести месяцев начало действовать лишь после этого, однако есть и другие примеры. Если взять за первую дату 5 ноября 1914 г., которым была датирована депеша Джевдета, губернатора Вана (DH.ŞFR., 451/134), то далее 17 апреля 1915 г. была послана телеграмма, зашифрованная трехзначным методом, от имени главы района Несеф Сами (DH.ŞFR., 467/114), а затем, 7 декабря 1915 г. – еще одна трехзначная шифрограмма, написанная Фуатом, Инспектором гражданской службы провинции Хюдавендыгар (Бурса) (DH.ŞFR., 500/53). Промежуток между депешами губернатора Джевдета и инспектора Фуата составляет 13 месяцев, а между апрельской телеграммой Сами и декабрьской Фуата – восемь месяцев, что опять же опровергает утверждение упомянутых авторов.

Тезис авторов о «невозможности» использования той же самой цифровой группы в течение шести месяцев, конечно же, относится не только к трехзначному методу, но и к дву-, четырех- и пятизначному. Так, например, если найти две двузначные шифрограммы, относящиеся к тому же временному промежутку, что и трехзначные, представленные Наимом, следуя логике Орела и Юджи, они будут поддельными. Однако, как мы показали выше, не только те же цифровые группы, но и различные комбинаторные группы для каждого метода применялись в этот период времени без ограничений.

Приведем еще один пример. Между шифрограммой, отосланной 28 сентября 1915 г. из Алеппо директором по расселению иммигрантов Шукрю (DH.ŞFR., 491/24), и шифрограммой Комиссии по ликвидации покинутого имущества от 26 марта 1916 г. прошло шесть месяцев. Можно ли назвать это очередным «подлогом»? Далее

распространяться на эту тему не имеет смысла. Как мы отметили ранее, в османских архивах хранятся буквально десятки тысяч телеграмм, зашифрованных дву-, трех-, и особенно, четырех- и пятизначными способами, разосланными в течение всей войны, без каких-либо временных ограничений. Орел и Юджа рассматривают вопрос сфальсифицированности предоставленной Наимом депешки от 29 сентября 1915 г., зашифрованной трехзначным методом, и под другим углом:

«Нет связи между реальной шифровальной системой, используемой на 16 сентября 1331[29 сентября 1915 г.], день, в который была предположительно выслана поддельная телеграмма, и системой, используемой Антоняном, поскольку в этот отрезок времени использовалась пятизначная группа, а не трехзначная» [58].

В доказательство этого утверждения, авторы опубликовали две зашифрованные телеграммы, высланные Талаатом 26 августа и 11 декабря 1915 г. Обращаясь к телеграмме от 29 сентября 1915 г., предоставленной Наимом, они заявляют: «Поддельность телеграмм Антоняна очевидна, поскольку они подпадают под период времени, когда использовались двужначные телеграммы». [59].

Не говоря уже о неуместности самих двух выбранных дат, утверждение авторов, что был единый период для каждого шифровального метода на основе двух телеграмм – не более чем фантазия. Такого правила нет, и утверждать обратное – придуманная авторами фикция, не имеющая оснований в эмпирической реальности. Кроме того, османские архивы изобилуют сотнями депеш, высланными в упомянутый период времени, зашифрованными в дву-, трех-, четырех- и пятизначных системах. Если принять аргумент Орела и Юджи за факт, придется заключить, что большинство этих телеграмм являются подделками. Приведем лишь

один пример: телеграмма, высланная уже упомянутым инспектором Гражданской службы Фуатом из Бурсы 7 декабря 1915 г. («Прибыл в Бурсу. Послезавтра направлюсь в Гемлык»), зашифрованная трехзначным методом, будет считаться поддельной [60] (см. рис. 2).

Это утверждение верно и для двузначных шифрограмм. Канцелярия директора по расселению иммигрантов в Алеппо, Шукрю-бея, выслала 12 октября 1915 г. телеграмму о высылке армян, прибывающих в Алеппо в ходе депортаций [61], а затем еще одну о недопущении сосредоточения беженцев на железнодорожных станциях и в прочих общественных местах и начале их высылки [62] (см. рис 3). Если следовать аргументам Орела и Юджи, оба этих документа, равно как и десятки аналогичных им, должны считаться поддельными [63].

Можно привести сотни примеров телеграмм, зашифрованных четырехзначным методом в период между 26 августа и 11 декабря 1915 г. Приведем в подтверждение несколько примеров на каждый месяц между августом и декабрем: документы от 29 августа 1915 г. из Диярбекира (DH.ŞFR., 486/25); от 30 августа 1915 г. из Урфы (DH.Ş FR., 486/4); от 3 сентября 1915 г. из Йемена (DH. ŞFR., 487/51); от 30 сентября 1915 г. из Аданы Adana (DH.ŞFR., 491/97); от 19 октября 1915 г. из Сиваса (DH.ŞFR., 494/25); от 30 октября из Коньи (DH.ŞFR., 495/33); от 2 ноября 1915 г. из Сиваса (DH. ŞFR., 495/85), от 16 и 23 ноября 1915 г. из Кайсери (DH.ŞFR., 497/82; 498/63); от 2 декабря 1915 г. из Мосула (DH.ŞFR., 499/77).

Орел и Юджа утверждают, что в этот период использовалась лишь пятизначная группа, и таким образом, сотни документов в четырехзначном шифре должны считаться поддельными. Вкратце на это можно ответить следующее: заявление Орела и Юджи относительно документа от 29 сентября 1915 г., предоставленного Наимом, о том, что «нет связи между реальной шифровальной системой и системой, используемой Антоня-

ном, поскольку в этот отрезок времени использовалась пятизначная группа» попросту неверно. Следовательно, вывод, что «поддельность телеграмм Антоняна очевидна» [64], проистекающий из этого аргумента, безоснователен [65].

Авторы высказываются схожим образом и по поводу телеграммы Наима от 20 марта 1916 г., зашифрованной трехзначным методом: «в этот период времени использовалась четырехзначная система цифровых групп», и добавляют, что это доказывается документами, обнаруженными в архивах Генерального штаба, шкаф 139, папка 1762, досье 187. А Антонян, не имея возможности знать, какая шифровальная система использовалась на тот момент, написал поддельную телеграмму – или заказал ее написание – с использованием трехзначной цифровой группы [66].

Это странный подход. Довольно проблематично цитировать источник, недоступный другим, и легитимность которого, следовательно, установить невозможно, для того, чтобы доказать недостоверность других документов. Орел и Юджа претендуют на безусловное принятие их аргументов, не предоставляя источников, это недопустимо. Кроме того, их утверждение, что в марте 1916 г. действовала четырехзначная система – не более чем фантазия. Мы составили список всех документов, датированных мартом этого года, в османских архивах. На период 1–31 марта 1916 г. приходится 216 шифрограмм, и их подавляющее большинство закодировано не четырех-, а пятизначным методом. Среди этих документов есть и четыре примера двузначного метода шифрования [67]. Однако намного важнее то обстоятельство, что в архивах имеется как минимум 10 телеграмм, высланных 20 марта, в тот же день, которым датирован документ, предоставленный Наимом. Из этих десяти четыре зашифрованы пятизначной группой, а шесть – четырехзначной [68]. Как это соотносится с заявлением авторов, что шифровальные

Рис. 2. DH.ŞFR., 500/53, зашифрованная телеграмма
от инспектора Гражданской службы Фуата

методы относятся к определенным периодам времени? Следует ли считать все дву- и пятизначные шифрограмма подделками? (См. рис. 4 и 5).

Хотелось бы также добавить, что поскольку все цифровые группы, от дву- до пятизначных широко использовались для шифрограмм внутреннего пользования, телеграммы, зашифрованные разными цифровыми группами, часто рассылались и прибывали в тот же день. Одного этого достаточно, чтобы доказать, насколько безосновательны аргументы Орела и Юджи. Вот лишь несколько из десятков примеров, приходящихся на каждый год рассматриваемого периода:

– 26 декабря 1914 года: телеграммы, зашифрованные трехзначным методом (450/86), четырехзначным методом (450/69) и пятизначным методом (450/71);

– 18 и 20 марта 1915 года: (провинция Ван) телеграмма, зашифрованная трехзначным методом (DH. ŞFR., 464/16); (провинции Измит и Мугла) телеграмма, зашифрованная четырехзначным методом (DH. ŞFR., 464/25 ve /27); (провинция Сивас) телеграмма, зашифрованная пятизначным методом (DH.ŞFR., 464/40);

– 6 мая 1916 года: (провинция Мараш) телеграмма, зашифрованная пятизначным методом (518/79); (провинциальный район Джанык) телеграмма, зашифрованная двузначным методом (DH.ŞFR., 518/90); (провинция Кастамону) телеграмма, зашифрованная четырехзначным методом (518/94).

Все эти примеры недвусмысленно подтверждают одну истину: все аргументы Орела и Юджи касательно шифровальных методов и практики Османской империи в годы войны не соответствуют действительности, а, следовательно, не могут служить доказательством или опровержением подлинности телеграмм, предоставленных Наимом. Как показывают архивные изыскания, предоставленные Наимом, документы соответствуют шифровальной практике Османской империи в годы войны.

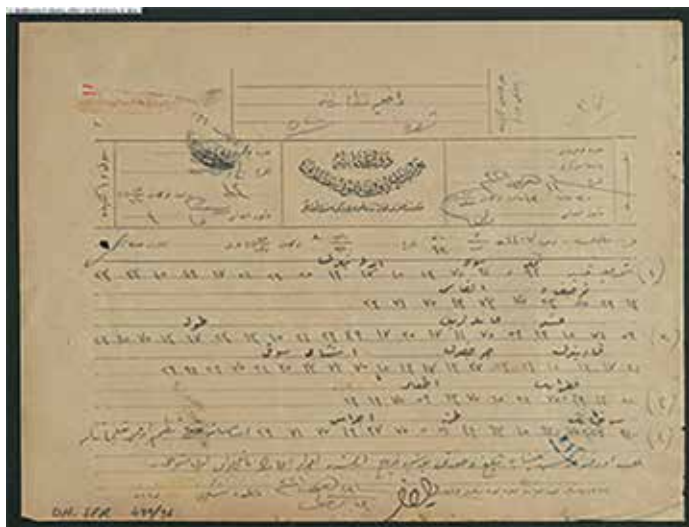

Рис 3. DH.ŞFR., 490/96, зашифрованная телеграмма
от директора по расселению иммигрантов Шукрю,
12 октября 1915 г.

К вопросу использования линованной бумаги

Еще одним аргументом Орела и Юджи в пользу сфальсифицированности стала бумага, на которой были написаны предоставленные Наимом документы. Они утверждают, что использование линованной бумаги подтверждает подлог:

«Один из этих “документов” написан на бумаге с маркировкой номер 76, однако не имеет никаких других официальных знаков. Такой лист бумаги, больше похожей на ту, которую использовали на уроках чистописания во французских школах, не мог использоваться для официальной переписки в османских канцеляриях» [69].

Фотография этой телеграммы, направленной директором Канцелярии депортаций Абдулахадом Нури Министерству внутренних дел 20 марта 1916 г. и зашифрованной двузначной цифровой группой, была опубликована Антоняном в армянской и французской версии книги. Наим расшифровывает этот документ в своих мемуарах следующим образом: «Из полученной доселе информации следует, что в окрестностях Баба и Мескены от разных причин умерло 35 000 человек, на депортационной станции Алеппо (в Карлыке) – 10 000 человек, в окрестностях Дипси, Абухаррара и Хамама – 20 000, в Рас-уль-Айне – 35 000 человек, итого, 95 000 армян» [70]

Заявление автора, что линованная бумага «не могла использоваться для официальной переписки в османских канцеляриях», а, следовательно, ее использование подтверждает подлог, попросту непонятно. Линованная бумага использовалась османским чиновничеством той поры, и архивы Османской империи полны документов, запрашивающих поставку линованной бумаги для использования в различных департаментах

Рис. 4. DH.ŞFR., 513/73, шифрограмма из Хузде,
18 марта 1916 г.

Министерства внутренних дел. Вот лишь несколько примеров: «...просьба отделу снабжения Дирекции общей безопасности выслать 100 единиц линованной бумаги этого типа» [71]; «...заявка бухгалтерии на линованную бумагу» [72], «оплата покупки линованной бумаги для Частного секретариата» [73].

Но важнейшим из всех подобных документов является требование Министерства внутренних дел о том, чтобы шифрованные телеграммы, в частности, писались на линованной бумаге. Причина этого понятна. Только таким образом можно было избежать путаницы в рядах кодируемых/декодируемых цифр и связанных с этим ошибок. Это так же устраняло необходимость в лишней корреспонденции для исправления ошибок. Общий циркуляр соответствующего содержания был разослан всем региональным администрациям уже в октябре 1913 г., задолго до начала войны.

Первым этот вопрос перед правительством подняла канцелярия Великого визиря, направившая сообщение Министерству внутренних дел 29 октября 1913 г. Оно было озаглавлено «О написании шифров на линованной бумаге и их доставке в [региональные административные] центры», и в нем визират рапортовал о своем наблюдении: «две обширные группы телеграфных сообщений, каждая из которых состоит из сотен телеграмм, которые были ранее написаны районным главой (каймакамом) Гевара и посланы в провинцию Ван и провинциальный район Хаккари, а затем были доставлены в местное отделение телеграфа, были написаны очень убористо [что затрудняло чтение] и так, что легко было допустить ошибки при написании». Выразив свою обеспокоенность, что «это явление будет повторяться и в других регионах и районах», визират попросил обязать все районы писать шифрограммы на линованной бумаге.

В том же сообщении канцелярия Великого визиря сообщает, что Министерство иностранных дел также

Рис. 5. DH.ŞFR., 513/101, шифрограмма из Трапезунда, 20 марта 1915 г.

использует линованную бумагу в шифрованной корреспонденции [74]. Канцелярия Великого визиря далее направила сообщение аналогичного содержания председателю Государственного совета [75]. В ответ на сообщение Великого визиря, Министерство внутренних дел издало 21 ноября 1913 г. циркуляр-распоряжение «всем провинциям и независимым районам» использовать во всех шифрованных телеграммах линованную бумагу во избежание проблем:

«Поскольку иногда строки шифрограмм пишутся очень вплотную и составлены так, что возможно множество ошибок при написании, всем административным единицам настоящим предписывается составлять шифрограммы на линованной бумаге с [достаточным] расстоянием во избежание уже встречающихся ошибок и для предотвращения излишней корреспонденции [в будущем] [76].

Как будет показано ниже, утверждение Орела и Юджи о том, что линованная бумага, найденная в одном из документов Наима, подтверждает его поддельность, целиком ошибочно. Шифрованная корреспонденция не всегда велась легко и гладко, и использование линованной бумаги помогало облегчить процесс. Таким образом, тот факт, что один из документов написан на линованной бумаге, никак не может свидетельствовать о его поддельности, скорее, наоборот, это подтверждает его подлинность.

Последнее наблюдение

Как мы уже имели возможность убедиться, шифрованные телеграммы, переданные Наимом Антоняну, аналогичны шифрограммам, найденным в османских архивах; в них нет ничего такого, что позволило бы подвергнуть сомнению их подлинность, и они вполне

могут быть подлинниками. Наим работал в Канцелярии депортаций, где официально использовалась двузначная цифровая группа для шифрования сообщений. Так что нет ничего невозможного в том, чтобы он предоставил Антоняну телеграммы, зашифрованные этим методом – методом, который используется в большинстве скопированных телеграмм. Основной сложностью здесь является то обстоятельство, что по сей день мы не знаем, какой шифровальный ключ использовался в тот период, поскольку шифровальные ключи и регистрационные журналы, где описаны правила по расшифровке, все еще закрыты для исследователей.

В османских архивах можно найти лишь регистрационный журнал шифровального ключа за 1914 г. Как было показано выше, в этом журнале представлен трехзначный шифровальный метод лишь за 1914 г. [77]. Эта система использовалась до марта 1915 г. (начало османского года), в дальнейшем «теоретически» ее больше не использовали. Всем провинциям и регионам, за исключением Хиджаза, Йемена и Медины, 7 марта 1915 г. были направлены указания: «Поскольку третий тип [шифровального ключа], ранее применяемый для сообщения между Блистательной Портой и провинциями, был аннулирован и сожжен, имеющиеся копии [ключа] должны быть сожжены в вашем присутствии. О выполнении представьте рапорт [в Стамбул]». В различных депешах, высланных провинциальными губернаторами и главами районов в Стамбул, сообщалось о «сожжении третьего типа ключа согласно указаниям правительства» [78].

Тем не менее, несмотря на эти указания (и, предположительно, их неукоснительное выполнение), трехзначная цифровая группа продолжала использоваться в зашифрованных сообщениях, например, в сообщениях Джевдета, губернатора Вана (17, 18, и 22 марта 1915 г.) (DH.ŞFR., 465/60, 91, 126); архивариуса Бесима, пишущего от имени действующего губернатора

Мосула (3 апреля 1915 г.) (DH.ŞFR., 466/146) (6 апреля 1915 г.) (DH.ŞFR., 467/23); а также в сообщениях Сами, бывшего главы провинциального района Неджеда (5 апреля 1915 г.) (DH.ŞFR., 467/10). Вследствие этого, приказ сжечь третий тип шифровального ключа был еще раз разослан депешей от 2 августа 1915 г. [79]. Однако и в этот раз указания не были полностью выполнены, что следует из упомянутой выше телеграммы инспектора Гражданской службы Фуата от 7 декабря 1915 г. (DH.ŞFR., 500/53). Следует также отметить, что ни один из документов, зашифрованных трехзначным методом, которые мы обнаружили в архиве, не был закодирован ключом 1915 г. Это очевидным образом означает, в 1915 г. был создан новый шифровальный ключ для трехзначной группы.

Таким образом, окончательного суждения по двум и трехзначным телеграммам, предоставленным Наимом Антоняну, вынести невозможно без изучения официальных регистрационных журналов шифровальных ключей. Для окончательного разъяснения этой темы исследователям должен быть обеспечен доступ к регистрационным журналам 1915–1918 гг., которые надлежит опубликовать. Обнаруженные нами в ходе архивных изысканий документы позволяют предположить, что эти регистрационные журналы существуют и используются архивными работниками.

Работающие в архивах ученые знают, что телеграммы, высылаемые из различных административных центров в провинции, прибывали в зашифрованном виде, и что получающие их чиновники расшифровывали их на той же странице, на которой они были получены. Исследователям удавалось прочесть эти документы, расшифровывая пометки над самими цифрами. Однако были и телеграммы, на которых не было расшифровки. Прекрасным примером этого является документ DH.ŞFR., 523/90; это трехстраничная телеграмма от 21 июня 1916 г., зашифрованная четырехзначным

методом. Похоже, что она расшифрована не была и как таковая пользы для исследователей не представляет. Однако в архивном каталоге содержание документа описано как «сообщение о том, что неприятель начал обстрел Джидды и о продолжении перестрелок между [османскими] солдатами и повстанцами». Это означает, что шифровальный ключ для этой цифровой группы 1916 г. все еще существует и находится в распоряжении архивных работников, что позволяет им расшифровывать подобные документы и записывать их краткие описания. Сам собой напрашивается вопрос: почему регистрационные журналы с этими ключами до сих пор закрыты для исследователей?

Действительно, почему? Решение об отказе исследователям в доступе к такому важнейшему материалу, как регистрационные журналы шифровальных ключей за период после 1914 г., несмотря на то, что прошло целое столетие с той поры, – крайне важный вопрос. У нас есть основания для подозрительности. Ситуацию можно – и даже должно – интерпретировать как свидетельство точности и подлинности документов, предоставленных Наимом. Можно предположить, что если бы шифровальные ключи доказывали бы, что телеграммы и прочие документы сфальсифицированы, те исследователи или авторы, которым предоставлена привилегия доступа к секретным документам в архивах Генерального штаба, давно бы опубликовали свои результаты. Так, тот факт, что эти журналы до сих пор недоступны для исследователей, является убедительным свидетельством того, что документы Наима являются подлинниками.

К вопросу дат на документах и подписей губернаторов

Основываясь на документах из османских архивов, мы показали, что чиновник по имени Наим-эфенди в

Османской империи существовал, что он записал свои воспоминания, и что описанные им события происходили в действительности, и он был их свидетелем. Аналогичным образом, и, опять же, исходя из свидетельств, найденных в османских архивах, мы обнаружили, что шифровальные методы, используемые в телеграммах, проданных Антоняну Наимом, совпадают с теми, которые применяло Османское правительство. И наконец, мы показали, что использование линованной бумаги для этих телеграмм из Алеппо и применение двузначного кода – оба этих обстоятельства ранее указывались как доказательство поддельности документов – в действительности, скорее, подтверждают их подлинность, чем наоборот.

Остается лишь один спорный пункт: утверждение, что дата на одном из семи расшифрованных документов, воспроизведенных в мемуарах Наима, была ошибочной, и что подпись губернатора провинции Алеппо Мустафы Абдулхалика была поддельной. Утверждения Орела и Юджи по этой теме аналогичны их остальным аргументам в пользу подлога, и в обоих случаях они неверны.

Для того чтобы читателю было легче следить за темой, повторим некоторые важные положения: Наим передал Антоняну около 24 документов. Из них семь были шифрованными телеграммами, с применением дву- и трехзначного шифровальных методов. В своей книге Антонян воспроизвел фотографии пяти из этих семи телеграмм. Было 12 расшифрованных документов за подписью упомянутого губернатора Мустафа Абдулхалика, из которых десять упоминаются в мемуарах. Из этих десяти документов Антонян представил фотографии семи в своей книге. Оставшиеся два документа связаны с депутатом Османского парламента Григором Зограбом и находятся в библиотеке Погос Нубар-паша. Утверждения о том, что шифрованные телеграммы были поддельны, исходя из используемой

бумаги и кодировочных методов, мы уже опровергли. Единственным вопросом, который требует разъяснения, остается утверждение о сфальсифицированности, исходя из даты на одном из документов и подписях на 12 расшифрованных телеграммах.

Доказывают ли даты на этих документах, что они поддельные?

Орел и Юджа утверждают, что дата на телеграмме номер 502, предположительно посланной из Стамбула в Алеппо 16 сентября, доказывает, что документ фальшивый, поскольку рядом с подписью губернатора написано «5 minhü», что в переводе означает пятое [восемнадцатое] сентября [80]. На деле же Мустафа Абдулхалик был назначен на эту должность лишь 3 октября 1915 г. и прибыл в Алеппо для исполнения своих обязанностей только 7 ноября [81]. По мнению Орела и Юджи, таким образом, документ, подписанный губернатором до того, как он вступил в должность, должен быть поддельным.

Орел и Юджа основывают свою аргументацию в пользу сфальсифицированности лишь на одном документе, тогда как на самом деле проблематичных документов пять. Иными словами, есть пять документов за подписью Мустафы Абдулхалика с датами, предшествующими его назначению губернатором. Четыре из них упоминаются в воспоминаниях Наима: 1) 16 сентября 1915 г., 2) 12 октября 1915 г., 3) 16 октября 1915 г., и 4) 25 октября 1915 г. [82]. 5) Есть и документ, который не упоминается в воспоминаниях и относится к убийству армянина-парламентария Григора Зограба, от 17 октября 1915 г.; его оригинал хранится в библиотеке Погос Нубар.

Если следовать логике Орела и Юджи, эти пять документов, на которых стоит подпись Мустафы Аб-

дулхалика до его вступления в должность, должны считаться фальшивыми. Однако это было бы неверно по целому ряду причин. В своих воспоминаниях Наим отмечает, что он «по стечению обстоятельств был назначен главным секретарем Абдулахада Нури-бея, который стал исполняющим обязанности Генерального директора по делам иммигрантов в Алеппо тремя-четырьмя днями ранее» [83]. Губернатор Мустафа Абдулхалик и Директор канцелярии по депортации Абдулахад [Нури] прибыли в Алеппо вместе, что означает, что Наим приступил к исполнению своих обязанностей где-то в середине ноября 1915 г. Если б Наим как человек, знающий, когда именно в Алеппо прибыли губернатор и Директор по депортациям, решил бы подделать документы, он бы приписал им дату после прибытия нового губернатора. Мы же полагаем, что многочисленность подобных документов (пять штук) доказывают не их поддельность, а, напротив, указывают на их подлинность. Величайшая ошибка Орела и Юджи в предположении, что документ был не передан Наимом, а сфабрикован Антоняном.

Во-вторых, ошибка даты на документе сама по себе тоже не может считаться неоспоримым доказательством поддельности. Наоборот, неверная дата скорее свидетельствует о подлинности документа. Если мы категорически откажемся считать документы с ошибочными датами подлинниками, окажется, что османские архивы изобилуют подделками.

Для обоснования этого утверждения предлагаю вашему вниманию следующие три документа. Первый — телеграмма, высланная неким Шукрю (от имени Министра внутренних дел) в провинцию Ван 1 апреля 1915 г., в которой запрашивается информация положении курдов в регионе. В документе автор спрашивает об «отношениях между курдами и населением турецких сел и городов, о которых сообщалось в шифрограмме от 10 февраля 1916 г.» Очевидно, что сообщение, написан-

ное 1 апреля 1915 г., не могло ссылаться на документ, написанный 10 месяцами позже. Следовательно, либо автор апрельской телеграммы проставил не ту дату, и она была написана 1 апреля 1916 г., либо упоминаемое сообщение было от 10 февраля 1915 г. Указанные года – не более чем описка того, кто послал телеграмму [84].

Второй пример – коммюнике от Министерства иностранных дел Османской империи Министерству внутренних дел от 1 декабря 1915 г. В тексте коммюнике упоминается событие, происшедшее 13 декабря 1915 г. Также упоминается 31 ноября (31 Teşrinisani), которое попросту не существует. Опять же, очевидно, что ошибочна либо дата коммюнике, либо даты в тексте (как минимум, одна из них) [85].

Третий и последний пример – это телеграмма, высланная из Алеппо, датированная 24/25 февраля 1332 [1916 г.]. Таких дат в османском календаре нет. Как известно, Османское правительство использовало календарь «Руми» [86], который на 13 дней отставал от григорианского. В годы войны правительство приняло решение, что после 15 февраля 1332 г. [1916], все оставшиеся дни месяца будут просто стерты из календаря, и 16 февраля станет 1 марта, после чего начнется новое исчисление. Таким образом, дата «24/25 февраля 1332 года» просто не существовала.

Повторим, если основываться на ошибках в датах для оспаривания подлинности документов, все упомянутые документы следует объявить подложными. Но это было бы в корне неверно. Как мы показали, османские архивы содержат десятки документов с аналогичными ошибками в датировке, и найти их не представляет труда.

Третий важнейший аргумент, который можно использовать для доказательства того, что некорректной даты недостаточно для объявления документа сфальсифицированным – это его содержание. Ни один из этих документов, язык и логика которых полностью

соответствуют языку и логике османской бюрократии, не содержит приказа об уничтожении или убийстве армянского населения. Иными словами, содержание этих документов не дает оснований предположить, что существует мотив для их фальсификации. Так, к примеру, в одном из них, от 16 сентября 1915 г., отмечается, что «рекомендуется распространить меры, ранее примененные к мужской части определенного населения [армянам], в отношении их женщин и детей. Применением этих мер должны заниматься благонадежные чиновники». Еще один документ от 16 сентября 1915 г. гласит: «Получены сообщения о том, что некоторые лица из числа местного населения и правительственных чиновников взяли в жены армянок. Настоятельно рекомендуем активно принять меры по предотвращению [подобных союзов] и депортировать этих женщин отдельно».

Один из наиболее ярких примеров этого явления можно встретить в документе от 25 октября 1915 г. В этом документе Министерство внутренних дел предписывает провинциальным властям Алеппо «собрать и выслать в течение недели все те документы, которые изначально запрашивались в тайной корреспонденции от 25 сентября [1]331 года». Не было бы никакой надобности подделывать документ, предписывающий высылку ранее запрошенных документов. Как мы показали выше, фотокопию этого документа от 25 октября 1915 г. Антонян не использовал и в книгу не включил.

То же касается и документа от 17 октября 1915 г., обнаруженного в библиотеке Погос Нубар-паша. В документе содержится запрос на материалы следствия по убийству армянского парламентария от Стамбула Григора Зограба. В нем говорится, что «стамбульский депутат Григор Зограб-эфенди погиб в результате несчастного случая [который произошел с ним] в дороге». Было бы смешно объявить подобной документ поддел-

кой, скорее, его можно было бы вырвать из контекста и использовать как доказательство того, что Зограба не убивали. Однако Орел и Юджа утверждают, что «основная цель книги [изданной Антоняном] – распространить "официальные свидетельства которые помогли бы обвинить турок" [87]. Если бы это было действительно так, их утверждение о поддельности документа, свидетельствующего о том, что Зограб не был убит, а погиб в результате несчастного случая по меньшей мере странно. Необходимо отметить здесь, что, как и в случае с документом, написанным Энвером-пашой, Антонян не сомневался при публикации иных документов, кроме тех, что предоставил Наим. Похоже, что, по мнению Антоняна, содержание этой телеграммы, переданной ему Наимом, не было так уж необходимо для книги [88].

Однако нам по-прежнему надо внести ясность в тот вопрос, каким образом и почему на телеграммах стоит подпись Мустафы Абдулхалика, когда ему на тот момент лишь предстояло вступить в должность. Ответ на этот вопрос удивительным образом прост. Скорее всего, он прочитал эти документы после того, как вступил в должность, и направил их в Департамент депортаций, где работал Наим. Это объясняет и то, как они попали к Наиму. Эта практика была вполне распространенной среди османских госчиновников.

До назначения Мустафа Абдулхалика на эту должность провинциальным губернатором Алеппо был Бекир Сами, чьи полномочия закончились 3 октября 1915 г. [89] Все рассматриваемые здесь документы (кроме одного, датированного 16 сентября) относятся к периоду после отставки Бекира Сами [90]. В период между отъездом Бекира Сами и началом полномочий нового губернатора обязанности губернатора исполнял кади (судья исламского религиозного суда) Халит. Из имеющихся в нашем распоряжении документов, становится ясно, что кади Халит отвечал лишь на те

сообщения, которые поступали из Стамбула в форме вопросов или задач, требующих немедленного решения. Предписания же, связанные с будущей деятельностью или направлением политики, были отложены до приезда нового губернатора [91].

Если взглянуть внимательнее на телеграммы, представленные Наимом за сентябрь и октябрь, мы убедимся, что они связаны с рекомендациями и серьезными предложениями по некоторым вопросам. После своего назначения новый губернатор прочитал эти телеграммы и направил в соответствующие департаменты. Иными словами, содержание этих телеграмм не настолько обличающие, чтобы натолкнуть на мысль о фальсификации, а повторный запрос документов и рапорт о «случайной» смерти Зограба никак не могут считаться такими уликами, которые стоило бы подделать.

Подписи губернатора Мустафы Абдулхалика

Еще одним аргументом, выдвигаемым Орелом и Юджей в пользу сфальсифицированности документов Наима, является поддельная подпись губернатора Мустафы Абдулхалика на этих документах. Авторы подкрепляют это утверждение, предоставляя образец подписи губернатора из документа в османских архивах (из документов Второго отдела Министерства внутренних дел), и действительно есть некоторые различия между подписью на этом документе и теми, что стоят на документах Наима. Первая группа таких подписей была обнаружена среди документов Шифровальной канцелярии Министерства внутренних дел (в османских архивах), а вторая – в седьмом и восьмом томах сборников архивных документов, изданных Институтом военной истории и стратегических исследований Турецкой армии (Askeri Tarih ve Stratejik Etüt Başkanlığı, здесь и далее – ATASE), «Armenian Activities in the Archive Document 1914–1918».

Republic period and Second Department of Public Security of the Interior Ministry	English Index as Indicator	Cyber Office of the Interior Ministry	Cyber Office of the Interior Ministry	Cyber Office of the Interior Ministry	AT&T (Military Incident)
					
					
					
					
					
					
					
					

Рис 6. Таблица подписей губернатора
Мустафы Абдулхалика

При сравнении с этими подписями различия между подписями в документах Наима и подписью на документе Второго департамента кажутся незначительными. На самом деле, при сравнении двух комплектов подписей в глаза бросаются не их различия, а, напротив, сходство. Наибольшие различия наблюдаются между документами Второго департамента и документами Наима – с одной стороны, и документами Шифровальной канцелярии – с другой. Подпись в издании ATASE разительно отличается от всех перечисленных (см. рис. 6).

Как показывает таблица подписей, Мустафа Абдулхалик использовал как минимум четыре или пять различных видов подписи, и все они довольно сильно отличались. Причиной этому то, что иногда он подписывался обеими частями своего имени, а иногда – лишь одним. Подписи в документах Второго отдела Министерства внутренних дел, которые приводят Орел и Юджа, как и подписи в документах Наима, включают в себя обе части имени. При ближайшем рассмотрении этих подписей, написанных арабской вязью, становится очевидно, что обе части имени возможно идентифицировать по отдельности. Первая часть подписи, с рядом петель, соответствует по форме имени «Мустафа». Вторая же часть соответствует сокращенной версии имени «Абдулхалик», таким образом, в подписи имеется полное имя. При этом подписи на документах из Шифровальной канцелярии Министерства внутренних дел содержат лишь имя «Абдулхалик», а документы из издания ATASE – только имя «Мустафа».

Как в документах Второго отдела, так и в документах Наима, компонент «Мустафа» выглядит схоже; некоторое различие наблюдается лишь во второй части, в написании имени «Абдулхалик». Наиболее яркое различие в документах Наима – это наличие длинного острого росчерка, направленного слева назад, как бы прикрывающего имя. В документах Второго департа-

мента этот росчерк намного короче и не простирается над всей подписью, заканчиваясь где-то над именем Абдулхалик. Именно этими различиями и подкрепляется утверждение Орела и Юджи, что документы Наима сфальсифицированы Антоняном.

Как и в прочих случаях, аргумент Орела и Юджи ошибочен и тут, и имеет множество слабых мест. Прежде чем предаться их перечислению, мы бы хотели отметить, что подписи на документах Второго департамента отличаются не только от подписей на документах Наима, но имеют некоторые различия между собой. В некоторых из подписей на документах Второго департамента верхний росчерк тверд и прям, в других он более изогнут, напоминая дугу. Аналогичным образом, в некоторых его подписях в основном уже времени Республики (первые две подписи в первой колонке) росчерка нет вообще, либо он устремлен вниз. Таким образом, мы убедились, что этих различий в подписях недостаточно для определения их подлинности.

Самым важным свидетельством того, что документы Наима подлинны, является наличие различных подписей губернатора на них. Так, к примеру, подпись на документе от 11 ноября 1915 г., рассказывающем о судьбе Григора Зограба, радикально отличается от тех, которые стоят на документах. (См. таблицу с подписями, первая подпись в колонке Наима-эфенди). Все прочие документы, предоставленные Наимом, содержат обе части имени Мустафы Абдулхалика, тогда как упомянутый документ подписан просто «Абдулхалик». Задумаемся: будет ли фальсификатор, желающий убедить мир в подлинности документов на основе подписи, подписывать их по-разному?

Вторая же основная причина того, что упомянутые подписи не следует считать поддельными, — это сходство подписи на документе от 11 ноября 1915 г. с теми, что мы обнаружили в османских архивах. Эти документы были обнаружены среди бумаг Шифро-

вальной канцелярии Министерства внутренних дел, и подписаны они просто «Абдулхалик». Среди этих бумаг нам удалось идентифицировать около 100 подписей, принадлежащих Мустафе Абдулхалику. Такое изобилие подписей объясняется тем, что в период между апрелем 1917 г. и сентябрем 1918 г. Абдулхалик был заместителем Министра внутренних дел. Шифрограммы, которые надлежало рассылать различным провинциальным властям, все подписывались им до кодировки. И как минимум одна из них, от 24 сентября 1918 г., была написана им самим.

Третий аргумент в пользу подлинности подписей в документах Наима в серьезных различиях, очевидных даже на документах Шифровальной канцелярии Министерства внутренних дел, что ясно видно из предлагаемой вниманию читателя таблицы. Первые шесть различных подписей Мустафы Абдулхалика в колонке (Шифровальная канцелярия Министерства внутренних дел-III, вторая колонка справа) не только сильно отличается от подписей на документах Второго департамента, Наима и ATASE, но и сильно отличаются от подписей на других документах Шифровальной канцелярии [92]. Не вдаваясь в подробности других подписей (на документах Второго департамента, ATASE, Наима), на основе только этих шести подписей мы могли бы с легкостью объявить все прочие подписи на документах Шифровальной канцелярии подделками.

Четвертым важнейшим свидетельством в пользу подлинности документов является сильное сходство между тем, как выглядит имя «Абдулхалик» в подписях на документах Шифровальной канцелярии и на документах, предоставленных Наимом.

Пятым свидетельством, подтверждающим подлинность подписей, являются сильные различия с подписями Мустафы Абдулхалика, которые мы обнаружили в седьмом томе упомянутого издания ATASE, «Armenian Activities in the Archive Document 1914–1918». В двух

подписях, найденных нами в седьмом томе, Мустафа Абдулхалик подписывается лишь именем. Это сильно отличается от прочих подписей (см. последнюю колонку в списке) [93].

Если отталкиваться от логики Орела и Юджи, что подписи на документах Наима-эфенди поддельные, исходя из различий с подписью, найденной на одном из документов Второго департамента, нам придется заключить, что поддельными являются и все подписи на документах как ATASE, так и Шифровальной канцелярии Министерства внутренних дел. Даже если мы сосредоточим внимание на шести документах Шифровальной канцелярии, мы можем легко объявить их фальшивками. Иными словами, если объявить одну из этих различных подписей подлинной, все прочие можно легко назвать подделками.

У нас нет ответа на вопрос, почему Мустафа Абдулхалик использовал такие различные подписи, но мы предполагаем, что это было сделано намеренно. А именно, Мустафа Абдулхалик сознательно подписывался разными способами. И именно это является нашим шестым аргументом в пользу подлинности подписей на документах Наима, исходя из подписи на документе из османских архивов за номером DH.ŞFR., 79/139 (см. первую строку в таблице, Шифровальная канцелярия Министерства внутренних дел – I). Из подписи видно, что Мустафа Абдулхалик начинает со своего имени Мустафа, затем проводит через него линию и решает, что подписи второй частью имени, «Абдулхалик», достаточно. Как следует из таблицы, эта особенность присуща всем подписям на документах Шифровальной канцелярии. Если сопоставить все подписи с фамилией и перечеркнутым именем, получится что полные подписи вполне схожи с теми, что имеются на документах Наима. Это еще раз доказывает, что Мустафа Абдулхалик сознательно использовал различные подписи в разное время.

У нас есть и еще одно свидетельство того, что подписи на документах Наима (а, следовательно, и сами документы) подлинные. Это рукописные пометки Мустафы Абдулхалика на этих документах. При рассмотрении документов Наима невооруженным глазом присутствие двух различных почерков очевидно (см. рис. 7). Первый используется для самого текста документа, и он принадлежит алеппскому чиновнику, который расшифровывал поступающие из Стамбула депеши. Второй почерк появляется под основным текстом и представляет собой короткие пометки или указания губернатора в основном о предполагаемом адресате, например: «Заместителю генерального директора по делам беженцев». На других он пишет краткие указания о том, что следует сделать: «Встречались ли вы с командиром жандармерии?»; «Поговорите с директором полиции»; «Поговорите с директором полиции, но не упоминайте о шифровке [телеграмме?]. Действительно ли эти люди организованы, [как] [те], о которых тут говорится?»; «Это ведь очень важно? Заместителю генерального директора по делам беженцев» [94].

При рассмотрении невооруженным глазом, эти пометки на всех документах кажутся очень похожими. И пометки эти сильно отличаются по манере письма от текста документа. Мы располагаем информацией, позволяющей заключить, что эти рукописные пометки сделаны губернатором Алеппо Мустафой Абдулхаликом. Мы располагаем другими примерами почерка губернатора, как из документов Шифровальной канцелярии Министерства, так и в тех, которые издала ATASE. Даже не прибегая к пристальной экспертизе, можно с легкостью заметить сходство между этим почерком и рукописными пометками на документах Наима (см. рис. 8). В бумагах Шифровальной канцелярии была найдена телеграмма Мустафы Абдулхалика в Батум. В телеграмме Абдулхалик отмечает, что он был вновь назначен губернатором Алеппо, и ему необходимо отправляться туда [95].

Таким образом, в седьмом и восьмом томах издания ATASE мы обнаружили как минимум пять различных рукописных писем и два комментария, написанных губернатором [96]. Содержание некоторых из них идентично некоторым шифrogramмам, обнаруженным нами в османских архивах, что не оставляет сомнений в том, что почерк действительно принадлежит губернатору. К примеру, рукописные пометки Мустафы Абдулхалика на телеграмме от 26 июля 1916 г., найденные в седьмом томе публикации ATASE, в сущности, тот же документ, что и шифrogramма DH.ŞFR. 526/60, обнаруженная в бумагах Шифровальной канцелярии. Его полное имя проставлено под телеграммой. Сходство между пометками в ATASE и документами в османских архивах очевидно. Так, например, одна из пометок гласит: «По итогам обсуждений было решено, что помощник заместителя по депортациям, Хакки-бей, должен отправиться в Мескену для дальнейшего расследования ситуации» [97.] Эта пометка относится к расследованиям в Мескене, которые мы рассматривали ранее в разделе «Существовал ли османский чиновник по имени Наим-эфенди». В заключение, все, таким образом написанное Мустафой Абдулхаликом, идентично пометкам и поручениям в документах Наима-эфенди. Следовательно, утверждать, что подписи и почерк в документах Наима-эфенди сфальсифицированы, равнозначно утверждению, что сфальсифицированы документы в османских архивах.

И, наконец, необходимо добавить, что почерки в документах, предоставленных Наимом, также содержат заметные различия. Это означает, кроме всего прочего, что расшифровка документов производилась различными чиновниками. Предположить, что Наим был способен писать четырьмя-пятью различными почерками и использовал этот навык для создания поддельных документов – доморощенная конспирология. К таким утверждениям серьезно относиться не следует и невозможно.

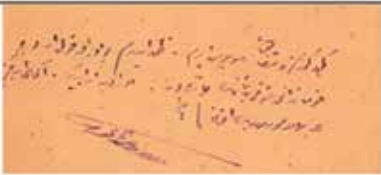
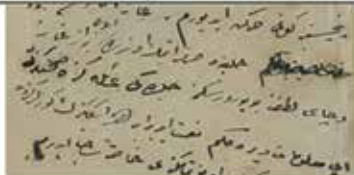
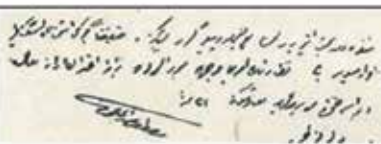
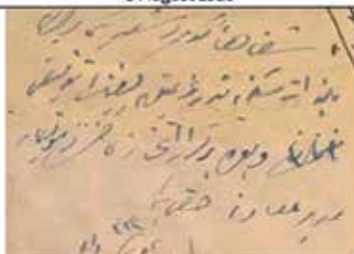
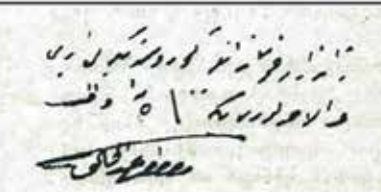
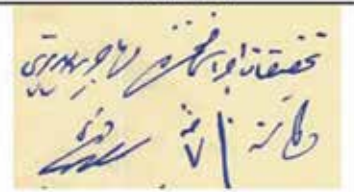
Boghos Nubar Library: document dated 17 October 1915 	DH.ŞFR. 91/221: document dated 24 September 1918
Andonian, Medz Vojire, p. 136 : document dated 1 December 1915 	Military Archive Volume 7 p. 408, document dated 8 August 1916
Andonian, Medz Vojire, p. 152 document dated 16 September 1915 	Military Archive Volume 7 p. 523, document dated 18 January 1917

Рис. 8. Рукописные пометки губернатора Абдулхалика в публикации Антоняна и в материалах османских архивов

Окончательное дополнение к вопросу о дискредитации документов

Основная причина, по которой Орел и Юджа заявляют, что документы, предоставленные Наимом, являются подделкой, – тот факт, что они содержат прямые приказы по истреблению армян. Напомним, что главный аргумент Орела и Юджи звучит так: «Утверждение, что Османское правительство “убивало” армян в годы Первой мировой войны... – всего лишь очернительская кампания, которая ведется против Турции годами». Армяне и, в первую очередь, Антонян, сфабриковали документы, «цель которых – запятнать всех турок той же [позорной] кистью».

В свою очередь, авторы Орел и Юджа разъясняют, что цель их труда заключается в «тщательном рассмотрении по форме и содержанию каждого документа в книге Антоняна, претендующего на “официальность”, дабы доказать их поддельность» [98].

Поскольку тема рассматривалась в этом контексте, в дальнейшем у общества создалось бы впечатление, что, во-первых, все документы были сфабрикованы армянами, а во-вторых, что документы, содержащие приказы по истреблению армян, особенно те, что подписаны Мустафой Абдулхаликом, и фотокопии которых опубликованы Антоняном, были подделками. Мы показали, что эти документы Антоняном сфабрикованы не были, а были проданы ему Наимом. Но у этих документов есть и другое важное значение. Ни одно из подписанных Мустафой Абдулхаликом сообщений прямых указаний убить или вырезать не содержит [99]. И в контексте вопроса подлинности этих документов это обстоятельство имеет решающее значение, созданный у общественности ложный образ должен быть скорректирован.

При тщательном рассмотрении содержания всех телеграмм в воспоминаниях Наима складывается следующая картина: есть восемь документов, содержащих прямые указания по истреблению армян. Два из них зашифрованы трехзначным методом, и с них сделаны фотокопии. С оставшихся шести документов фотокопий нет, они существуют лишь в мемуарах Наима как воспроизведение рукописных копий. Четыре из этих шести документов можно найти в имеющейся у нас версии мемуаров; два других имеются в той версии опубликованных мемуаров, которой мы не обладаем. Из этих восьми документов с прямыми приказами истребления нет ни одного расшифрованного документа с подписью Мустафы Абдулхалика. Иными словами, ни один из подписанных губернатором Алеппо документов напрямую с приказами убивать не связан.

Пять из семи документов, фотокопии которых опубликованы в книге, связаны с мерами, которые надлежало предпринять в отношении депортированных женщин и детей. В одном из них говорится о решении расселить армян в Дер-Зоре, а в другом – о деятельности в регионе американских консулов. Из трех документов за подписью Абдулхалика, которые Антонян не использовал, один является повторным запросом ранее запрошенных документов, во втором содержится предписание не допускать фотографирование депортационных маршрутов, а в третьем рекомендуется переправлять все жалобы от депортированных армян по месту их окончательного назначения.

Как упоминалось выше, два документа за подписью Мустафы Абдулхалика обнаружены в библиотеке Погос Нубар-паша и связаны со смертью армянского парламентария Григора Зограба. Один из них упоминает его гибель в результате несчастного случая в пути, во втором содержится список вопросов о Зограбе: когда он прибыл в Алеппо, в какой гостинице остановился и пр. Иными словами, смысла подделывать подобные

документы нет, поскольку в Османских архивах можно с легкостью найти аналогичные сообщения. В свете этих новых обстоятельств мы теперь обязаны с большей тщательностью рассмотреть мемуары Наима-эфенди.

Примечания

1. Şinasi and Yuca, *Talat Paşa'ya Atfedilen*, стр. 129–130.
2. Примеры регистрационных журналов исходящих шифрограмм (*Şifre Telgraf Giden Defter*), see там же, стр. 49, 58, 61, 62, 67–71, 75, 76.
3. Halil Menteşe, *Osmanlı Mebusan Meclisi Reisi Halil Menteşe'nin Anıları* (Istanbul: Hürriyet Vakfı Yayınları, 1986), стр. 216.
4. Henry Morgenthau, *Ambassador Morgenthau's Story* (Garden City, New York: Doubleday, Page & Co., 1918), стр. 143–144.
5. Там же, стр. 145.
6. Murat Bardakçı, *Talat Paşa'nın Evrakı Metrukesi* (Istanbul: Everest, 2008), стр. 211.
7. Антонян не использовал фотокопию этой шифрограммы. Этот документ был опубликован Григором Гергеряном (Krieger, «Aram Andoniani Hradaragadz Turk Başdonagan Vaverakrerı»). Перевод документа находится на той же странице под группами цифр и гласит: «В приюте находится около 400 детей, которых вышлют в места расселения отдельно от основных караванов». Расшифрованная версия телеграммы есть в версии мемуаров Наима, изданных Антоняном (которой мы более не располагаем). См. Aram Andonian, *Medz Vojirë*, стр. 183, 185.
8. Эта телеграмма относится к убийству армянина-парламентария Зограба и Антоняном не использовалась. На документе стоит дата 17 февраля 1332 г. по османскому календарю, что неверно. Между османским календарем «Руми» и григорианским календарем 13 дней разницы. Чтобы ее ликвидировать, Османское правительство решило убрать

даты между 16 февраля 1332 г. и 1 марта 1333 г. (первый день нового года в османском календаре). Начиная с 1 марта 1333 г. османский и григорианский календари начали совпадать по датам, что вносит путаницу и по сей день.

9. Orel and Yuca, *Talat Paşa'ya Atfedilen*, стр. 129.

10. Там же.

11. Там же, стр. 76, 129.

12. Насколько нам известно, шифровальные методы Османского правительства для внутренней переписки никогда не изучались. Мы предлагаем вашему вниманию лишь отдельные наблюдения, тогда как сама тема достаточно важна и заслуживает отдельного исследования.

13. BOA.DH.ŞFR., 47/302 шифрованная телеграмма от 3 декабря 1914 г., от Министерства внутренних дел провинции Алеппо.

14. BOA.DH.ŞFR., 92/71, шифрованная телеграмма от 7 октября 1918 г., от Министерства внутренних дел, адресованная провинции Мамуретулазиз.

15. BOA.DH.ŞFR., DH.ŞFR. 85/62, шифрованная телеграмма от 10 марта 1918 г., направленная Министерством иностранных дел консулу Махмуту-бею.

16. BOA.DH.ŞFR., 47/355, шифрованная телеграмма от 6 декабря 1914 г., направленная Министерством внутренних дел провинциям Эдирне, Эрзерум, Адана, Анкара, Айдын, Битлис, Басра, Багдад, Бейрут, Хиджаз, Алеппо, Худавендыгар (Бурса), Диярбекир, Сирия, Сивас, Трапезунд, Кастамону, Конья, Мамуретулазиз (Элазыг), Мосул, Ван и Йемен, а также провинциальным районам Урфа, Измит, Болу, Джанык, Чатаалджа, Дер-Зор, Асыра, Кареси, Кудюси Шериф (Иерусалим), Калеи Султанйе (Галлиполи), Ментеше, Теке (Анталья), Кайсери, Карахисары Сагиб (Афьон Карахисар); и святой земле в Медине.

17. BOA.DH.ŞFR., 52/228, шифрограмма от 11 мая 1915 г., от Министерства внутренних дел, адресованная провинциям Эдирне, Эрзерум, Адана, Анкара, Айдын, Битлис, Басра, Багдад, Бейрут, Хиджаз, Алеппо, Худавендыгар (Бурса), Диярбекир, Сирия, Сивас, Трапезунд, Кастамону, Конья, Мамуретулазиз (Элазыг), Мосул, Ван и Йемен, а также провинциальным районам Урфы, Измита, Болу, Джаныка, Чатаалджи, Дер-Зора, Асыра, Кареси, Кудюси Шериф (Иерусалим), Калеи Султанйе (Дарданеллы), Ментеше, Теке

(Анталья), Кайсери, Карахисары Сагиб (Афьон Карахисар); и святой земле в Медине.

18. BOA.DH.ŞFR., 61/280, письменное сообщение из Шифровальной канцелярии Министерства внутренних дел от 1 марта 1916 г.

19. BOA.DH.ŞFR., 92/82, шифрованная телеграмма от 9 октября 1917 г., от Министерства внутренних дел, адресованная провинциям Эдирне, Эрзерум, Адана, Айдын, Битлис, Алеппо, Худавендыгар (Бурса), Диярбекир, Сивас, Трапезунд, Кастамону, Конья Мамуретулазиз (Элазыг), Мосул и Ван, провинциальным районам Урфа, Измит, Болу, Джанык, Чатаалджа, Дер-Зор, Кареси, Калеи-Султанийе, Ментеше, Теке (Анталья), Кайсери, Кутахья, Карахисари Сагиб (Афион Карахисар), Иджел, Мараш, Нигде и Эскишехир.

20. BOA.DH.ŞFR., 48/199, Шифрованная телеграмма от 29 декабря 1914 г., от Министерства внутренних дел, адресованная Сулейману Аскери-бею. В телеграмме Сулейману Аскери предписывается не использовать имеющийся у него специальный код: «[Будьте добры] использовать новый шифровальный код, которым ныне обладает Джавид-паша, для переписки [с Министерством]; использовать специальный кодировочный ключ не следует ни в коем случае, поскольку он всем доступен».

21. BOA.DH.ŞFR., 50/262, шифрованная телеграмма от 21 марта 1915 г., от Особого секретариата Министерства внутренних дел, адресованная Министерству внутренних дел. В телеграмме сообщается, что «был создан кодировочный ключ определенного вида» для коммуникации между «министром [внутренних дел] и Халилом Бей-эфенди, который был в Европе в официальной командировке».

22. A. Faik Hurşit Günday, Hayat ve Hatıralarım, том 1 (Istanbul: Çelikkilt Matbaası, 1960), стр. 97–98.

23. BOA.DH.KMS., 24-2-05-03, Шифрованная телеграмма от 9 марта 1915 г., от Министерства внутренних дел, адресованная провинциальным районам Измит и Ментеше. Та же телеграмма хранится в архивах BOA.DH.ŞFR., 50/219.

24. BOA.DH.ŞFR. 52/107, Шифрованная телеграмма от 25 апреля 1915 года, от Министерства внутренних дел, адресованная провинциям Стамбул, Эдирне, Эрзерум, Адана, Анкара, Айдын, Битлис, Басра, Багдад, Бейрут, Хиджаз, Алеппо, Худавендигар (Бурса), Диярбекир, Си-

рия, Сивас, Трапезунд, Костамону, Конья, Мамуретулазиз (Элазыг), Мосул, Ван и Йемен, а также в провинциальным районам Урфа, Измит, Болу, Джаньик, Чатаалджа, Де-Зор, Асыр, Кареси, Кудуси Шериф (Иерусалим), Калеи Султанийе (Дарданеллы), Ментеше, Теке (Анталья), Кайсери, Кутахья, Карахисари Саиб (Афьон Карахисар), Ичел, Мараш и Нигде, а также отправленная в Святую Медину.

25. BOA.DH.KMS. стр. 24-2-44.

26. BOA.DH.ŞFR., 50/262-2 Письменное сообщение от 10 апреля 1915 г., авторства дирекции Особого секретариата Министерства внутренних дел.

27. BOA.DH.ŞFR., 531/35, Шифрованная телеграмма от 6 сентября 1916 г., от губернатора Эрзерума Мидхата Министерству Внутренних дел.

28. BOA.DH.ŞFR., 591/3 Шифрованная телеграмма от исполняющего обязанности заместителя главы района Дер-Зор Омера Зеки Министерству внутренних дел.

29. Вот несколько примеров четырехзначных телеграмм с различными цифровыми комбинациями: с номером один – BOA.DH.ŞFR., 464/36 (7 марта 1915 г.); 467/106 (17 апреля 1915 г.); с номером два – BOA.DH.ŞFR., 464/31 (8 марта 1915 г.); 654/188 (20 декабря 1919 г.); с номером три – BOA.DH.ŞFR., 461/84 (17 февраля 1915 г.); 519/24 (9 мая 1916 г.); с номером четыре – BOA.DH.ŞFR., 465/69 (17 марта 1915 г.); 668/12 (10 октября 1917 г.); с номером пять – BOA.DH.ŞFR., 457/11 (10 января 1915 г.); 486/04 (30 августа 1915 г.); с номером шесть – BOA.DH.ŞFR., 464/34 (7 марта 1915 г.) и с номером девять – BOA.DH.ŞFR., 467/106 (17 апреля 1915 г.).

30. Хотя категории 6, 7, 8 и 9 относились к различным нумерационным группам внутри цифровых групп, было бы логично предположить, что в документе будет прямо отмечаться, к какой цифровой группе они относятся. Например, было бы сказано: 6, 7, 8 или 9 пятизначной группы и пр. Однако этого не происходит. Наиболее очевидный ответ в том, что упоминать об этом нет нужды, поскольку распознать на телеграмме четырех- или пятизначный шифр не представляет труда.

31. BOA.DH.ŞFR., 502/80, шифрограмма от 25 декабря 1915 г. от губернатора [Алеппо] Мустафы Абдулхалика Министерству внутренних дел.

32. BOA/DH.ŞFR., 497/79 (15 ноября 1915) и 520/23 (18 мая 1916 г.).

33. BOA.DH.ŞFR., 486/139 и 498/62, шифрованные телеграммы от 2 сентября и 21 ноября 1915 г., направленные Директором по расселению [племен и] иммигрантов Шукрю-беем в Министерство иностранных дел.

34. BOA.DH.ŞFR., 499/87, шифрованная телеграмма от 2 декабря 1915 г., от председателя Комиссии по ликвидации покинутого имущества в Трапезунде и Джанике Назима-бея, адресованная Министерству внутренних дел.

35. Пометка командира Второй армии Иззета-паши, в телеграмме от 5 сентября 1916 г.: «крайне срочно, личному вниманию [министра] и «провинциальным кодом» сообщает Министерству, что «управление снабжением Второй армии вызывает крайнее беспокойство, и есть необходимость [принять] экстренные меры для обеспечения [бесперебойного] функционирования». (DH.ŞFR., 531/21) Провинциальный губернатор Мамуретулазиза Сабит направил телеграмму 8 сентября 1916 г. с просьбой разрешить кавалерийской роте Хозата из 150 человек остаться в Мазгриде (DH. ŞFR., 531/61); 7 октября Мустафой Кемалем была направлена телеграмма от имени командования Седьмой армии с просьбой назначить нового главу района Рас-ул-Айн (каймакама) Ревии-Бея (DH.ŞFR., 568/3).

36. BOA.DH.ŞFR., 59/155, Шифрованная телеграмма от 30 декабря 1915 г., от Министерства внутренних дел, адресованная председателю Ликвидации [покинутого имущества] Кайсери.

37. BOA.DH.ŞFR., 56/125, Шифрованная телеграмма от 22 сентября 1915 г., от Министерства внутренних дел, адресованная председателю Комиссии по покинутому имуществу Нигде.

38. BOA.DH.ŞFR., 55/185, Шифрованная телеграмма от 26 августа 1915 г., от министра внутренних дел Талаата всем провинциям.

39. BOA.DH.ŞFR., 472/111. Поскольку расшифровка этой телеграммы была сделана на том же листе бумаги, стало возможным проследить, как производилась расшифровка разбивкой пятизначного шифра на четырехзначные группы. Удостовериться в верности нашего наблюдения можно лишь после публикации соответствующих регистрационных журналов кодировочных ключей.

40. Orel and Yuca, Talat Paşa'ya Atfedilen, стр. 66.

41. BOA.A.}d, Регистрационные журналы Министерства, 01520.001.

42. BOA.DH.ŞFR., 52/209, Шифрованная телеграмма от 4 мая 1915 г., направленная Министерством внутренних дел Прокуратуре Апелляционного суда провинции Ван.

43. BOA.DH.ŞFR., 48/9, Шифрованная телеграмма от 16 декабря 1914 г., направленная Министерством внутренних дел провинциям Эдирне, Эрзерум, Адана и Айдын, исполняющим обязанностям губернаторов Басры и Багдада (Векалет); [провинциям] Бейрут, Хиджаз, Трапезунд, Кастамону, Мосул и Ван, исполняющему обязанности губернатора Йемена, а также провинциальным районам Джанык, Калси-Султанийе (Дарданеллы) и Анталя.

44. BOA.DH.ŞFR., 48/195, Шифрованная телеграмма от 29 декабря 1915 г., направленная Министром внутренних дел Талаатом губернатору Багдада.

45. BOA.DH.ŞFR., 48/268 и 274, Шифрованная телеграмма от 4 января 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциальному району Боу и провинциям Анкара и Диярбекир.

46. BOA.DH.ŞFR., 51/182, Шифрованная телеграмма от 31 марта 1915 г., от Министерства внутренних дел провинциям Конья и Адана и провинциальному району Анталя.

47. BOA.DH.ŞFR., 51/227, Шифрованная телеграмма от 7 апреля 1915 г., от Министра внутренних дел Талаата, адресованная провинциям Сивас, Ван, Битлис и Мамуретулазиз (Элазыг), и провинциальному району Кайсери.

48. BOA.DH.ŞFR., 52/24, Шифрованная телеграмма от 17 апреля 1915 г., от Министерства внутренних дел, адресованная провинции Алеппо и провинциальным районам Урфа и Мараш.

49. BOA.DH.ŞFR., 52/140, Шифрованная телеграмма от 28 апреля 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциальному району Кутахья.

50. BOA.DH.ŞFR., 52/174, Шифрованная телеграмма от 1 мая 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциям Мамуретулазиз (Элазыг) и Хиджаз, а также провинциальному району Кайсери.

51. BOA.DH.ŞFR., 53/125, Шифрованная телеграмма от 26 мая 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциям Ван и Битлис.

52. BOA.DH.ŞFR., 53/210, Шифрованная телеграмма от 2 июня 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциям Диярбекир, Багдад и Басра и провинциальным районам Сиверек и Дер-Зор.

53. BOA.DH.ŞFR., 54/357, Шифрованная телеграмма от 8 июля 1915 г., от Министерства внутренних дел, адресованная провинциям Анкара и Кастамону.

54. BOA.DH.ŞFR., 45/214, внутренний документ Министерства внутренних дел [без даты].

55. BOA.BEO, 4461-327029, 13 июня 1915 г.

56. BOA.DH.ŞFR., 47/254, Шифрованная телеграмма от 30 ноября 1914 г., адресованная Министерством внутренних дел провинции Худавендыгар (Бурса).

57. Orel and Yuca, Talat Paşa'ya Atfedilen, стр. 76.

58. Orel and Yuca, Talat Paşa'ya Atfedilen, стр. 75.

59. Там же.

60. BOA.DH.ŞFR., 500/53, Шифрованная телеграмма от 7 декабря 1915 г. от инспектора Гражданской службы (Mülkiye Müfettişi) Фуата Министерству внутренних дел.

61. BOA.DH.ŞFR., 490/96, Шифрованная телеграмма, от 25 сентября 1915 г., от Директора по [расселению] иммигрантов (Muhacirin Müdürü) Шукрю Министерству внутренних дел.

62. BOA.DH.ŞFR., 498/62, Шифрованная телеграмма от 21 ноября 1915 г., от Директора по [расселению] иммигрантов (Muhacirin Müdürü) Шукрю Министерству внутренних дел.

63. Для исключения дальнейших сомнений на эту тему, вот еще несколько: 2 и 3 сентября 1915 г. – Эскишехир (DH.ŞFR., 486/139 ve 487/14); 26 сентября 1915 г. – Бурса (490/16); 8 октября 1915 г. – Алеппо (DH.ŞFR., 492/90) и Анкара (DH.ŞFR., 492/97); 2 декабря 1915 г. – Орду (DH.ŞFR., 499/87).

64. Şinasi Orel and Süreyya Yuca, Talat Paşa'ya Atfedilen, стр. 75.

65. Там же.

66. Там же, 66.
67. BOA.DH.ŞFR., 513/73; 514/82 и 103; 515/79.
68. Эти зашифрованные документы расположены между BOA.DH.ŞFR., 513/98 и 514/001.
69. Там же, 60.
70. Полный перевод документа и фотографической пластины см. Aram Andonian, Medz Vojirê, стр. 169–170. Orel and Yuca, Talat Paşa'ya Atfedilen, стр. 56, 156.
71. BOA.DH.EUM.MH., 136/43, сообщение от 27 августа 1916 г.
72. BOA.DH.EUM.LVZ., 34/116, сообщение от 27 августа 1916 г.
73. BOA.DH.EUM.LVZ., 40/45, сообщение от 6 ноября 1917 г.
74. BOA.DH.KMS., 510, сообщение от 29 октября 1913 г., адресованное Канцелярией Великого визиря Министерству внутренних дел.
75. BOA.ŞD., 2825-15, сообщение от 29 октября 1913 г., адресованное Канцелярией Великого визиря председателю Государственного совета.
76. BOA.DH.KMS., 5-10, сообщение от 25 ноября 1915 г., адресованное Министерством внутренних дел всем административным единицам/регионам.
77. BOA.A.;d, регистрационные журналы Министерства, 01520.001.
78. BOA.DH.KMS., 24-2-22.
79. BOA.DH.KMS., 24-2-44.
80. Слово *Minhü* часто встречается в документах османской империи в значении «того [же] месяца», где предшествующий номер указывает на дату. Фотокопию документа см. в армянском издании воспоминаний Наима-эфенди, Aram Andonyan, Medz Vojiru, стр. 152; текст см. Naim Efendi, Natirat, стр. 06 [06].
81. Относительно назначения губернатора Мустафы Абдулхалика см. BOA.I.MMS, 200/27, от Министерства внутренних дел Блистательной порте, Дирекции по кадрам и регистрации услуг Министерства внутренних дел, 3 октября 1915 г.; BOA.BEO., 4377-328273-01-01, от канцелярии Великого визиря Министерству внутренних дел, 4 октября

1915 г. Относительно его вступления должность см. BOA.DH.ŞFR. 496/53, телеграмма от Генерального Директора по безопасности Исмаила Джанполата Министерству внутренних дел от 7 ноября 1915 г.

82. Несмотря на то, что Антонян располагал фотокопией документа от 25 октября 1915 г., в своей книге он ее не использовал.

83. Aram Andonyan, Medz Vojiru, стр. 21.

84. BOA.DH.ŞFR., 62/18, шифрованная телеграмма от Министерства внутренних дел провинции Сивас, 1 апреля 1915 г.

85. BOA.DH.EUM.2. Şb., 14/58-1, записка от Министерства иностранных дел Министерству внутренних дел от 1 декабря 1915 г.

86. Календарь Руми был основан на юлианском календаре (отсюда и проистекает его название, слово «Rumî» означает «римский»), но свое исчисление он начинает с 622 г. н.э., подобно исламскому календарю Хиджры. Он применялся Османским правительством наряду с другими календарями (Хиджры, Мали) для различных административных целей, начиная с Танзимата (1839 г.) и до ранних лет Турецкой республики. 87. Orel and Yuca, Talat Paşa'ya Atfedilen, стр. 12.

88. Документ Энвера см. Aram Andonyan, Medz Vojiru, стр. 232–233. Антонян неверно расшифровал год на документе Энвера, прочитав его как 1918, на самом деле это 1915.

89. BOA.I.MMS, 200/27, записка от Блистательной порты, Министерства внутренних дел, Дирекции персонала и регистрации от 3 октября 1915 г.

90. Если проставленная на документе от 16 сентября дата верна, почему Бекир Сами (который был тогда в Алеппо) не ответил на него? Случайно ли, что Мустафа Абуд-халик проставил дату «5 minhũ» (пятый день сего месяца)? Эти вопросы остаются открытыми.

91. Два примера переписки «исполняющего обязанности губернатора» (Vali Vekili) можно найти в следующих документах: BOA.DH.ŞFR., 494/34 и 496/17, шифрограммы от исполняющего обязанности губернатора Алеппо Кады Халита Министерству внутренних дел от 19 октября 1915 г. и от 4 ноября 1915 г.

92. Шесть подписей во второй колонке Шифровальной канцелярии Министерства внутренних дел взяты из следующих документов (в нисходящем порядке): BOA.DH.ŞFR., 77/042; 79/061; 79/216; 82/221; 84/113; (в особенности) 91/221.

93. Эти две подписи следуют за краткой запиской губернатора о том, куда надлежит переправить содержащуюся в телеграмме информацию. См. Genelkurmay Başkanlığı, Arşiv Belgeleriyle Ermeni Faaliyetleri (1914–1918), Cilt VII, стр. 408 и 523.

94. Фотокопии цитируемых документов см. Aġam Andonyan, Medz Vojirë, стр.152, 184; 136 и 147–148 (Фотокопия последнего цитируемого документа Антоняном не публиковалась, несмотря на то, что он ею располагал).

95. BOA.DH.ŞFR., 91/221, Шифрограмма Мустафы Абдулхалика управляющему провинциальным районом Батум, 24 сентября 1918 г.

96. Список почерков и упоминаемых имен в седьмом томе: 1) стр. 408 (английский перевод текста на стр. 236); 2) стр. 515 (английский перевод текста на стр. 315); 3) стр.516–518 (английский перевод на стр. 316); 4) стр. 523 (английский перевод на стр. 321); в восьмом томе: 5) стр. 405 (английского перевода этого документа нет); 6) стр. 412 (английский перевод на стр. 268); 7) стр. 413 (английский перевод на стр. 269).

97. Genelkurmay Başkanlığı, Arşiv Belgeleriyle Ermeni Faaliyetleri (1914–1918), Cilt VII (1914–1915), стр. 236.

98. Orel and Yuca, Talat Paşa'ya Atfedilen..., Foreword, стр.12.

99. Здесь, вероятно, будет уместно сделать важное пояснение. Безусловно, существует целый ряд очень ценных документов, которые объясняют, что армянское население было подвергнуто систематическому истреблению, и они являются важнейшим показателем того, что это истребление происходило. Здесь я пытаюсь лишь показать, что в османских архивах содержится множество похожих документов как по стилю, так и по содержанию.

Подтверждения тем и событий, упомянутых Наимом-эфенди, в Османских документах

Наим-эфенди зачастую сопровождал переписанные им османские документы информацией о тех упоминаемых событиях, свидетелем которых он был. Примечательно, что этой информацией мог обладать лишь тот, кто когда-либо работал в органах депортации.

Рассмотрим же внимательнее информацию и сведения, предоставленные Наимом в свете обнаруженных нами в османских архивах документов. Наша задача – продемонстрировать, что рассказанное Наимом полностью соответствует реальным событиям, оставившим множество следов в османских архивах. С этой целью мы использовали имеющуюся в нашем распоряжении копию его мемуаров. В некоторых случаях мы прибегли и к опубликованным Антоняном фрагментам, которыми мы не располагали.

Поиск определенных лиц армянской национальности

В своих мемуарах Наим пишет, что правительство (в основном министр внутренних дел Талаат) нередко запрашивали сведения об определенных армянах и их семьях. Эти запросы касались лиц, за которых поступали ходатайства о возвращении на места проживания до

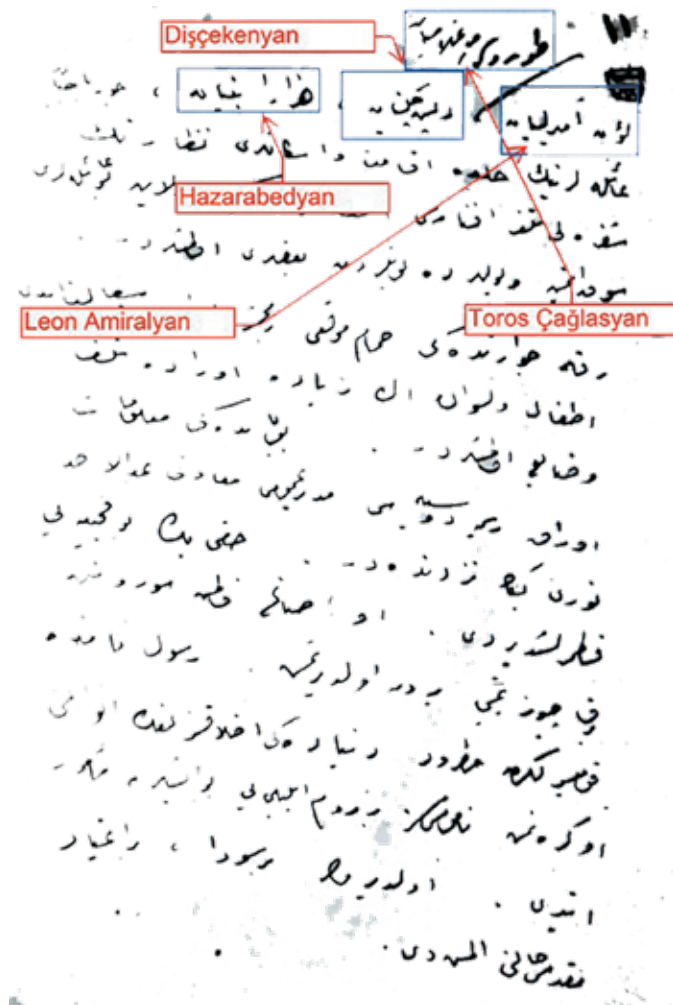

Рис. 1. Четыре армянских имени
в мемуарах Наима-эфенди

депортации, или тех, кто получил разрешение остаться в Алеппо. В одном из приведенных им примеров говорится: «Несмотря на получение из Министерства [внутренних дел] указаний, предписывающих семьям Леона Амираляна, Тороса Чагласяна, семьям Дишчекеняна, Хезаребеняна и Чорбаджяна остаться и поселиться в Алеппо, провинц[иальные власти] депортировали эти семьи, многие из членов которых погибли в пути». [1] (см. Рис. 1).

Как становится понятно из рассказа Наима, Талаат шифрограммой приказал оставить указанных лиц и их семьи в Алеппо. Губернатор Алеппо их к тому времени уже депортировал, вероятно, в Дер-Зор, и многие из них пути не вынесли. Он утверждает, что на этот счет была получена телеграмма, и хотя всех подробностей сообщения он не помнит, он повторил содержащуюся в ней информацию максимально близко к тексту. В архивах мы обнаружили телеграмму Талаата-паши, которая соответствует тому, о чем рассказывает Наим. Сообщение, датированное 14 мая 1916 г., было послано в провинцию Алеппо и содержит указания Министра внутренних дел не депортировать упомянутые лица и позволить им остаться в Алеппо (см. Рис. 2).

«Следующие индивиды – Марашлы Азаранетян Мелкон, Амиралян Леон, Дишчекенян Осеп, Нишан и Сандух Бурунсузян, Костан, Хонан и Варжапетян, проживающие в Алеппо, индивиды по имени Айинтаплы Хана Кюрекчян и Килислы Чагласян Торос и их семьи, которые так же находятся там, должны остаться в Алеппо [сообщите об исполнении]» [2].

Трудно найти более убедительное доказательство подлинности мемуаров Наима. Совершенно очевидно, что о существовании такой телеграммы, с упоминанием имен, мог знать лишь человек, работавший в Канцелярии депортаций. Здесь немаловажно также отметить, что Антонян этим сведениям значения не придал и в своем издании их опустил.

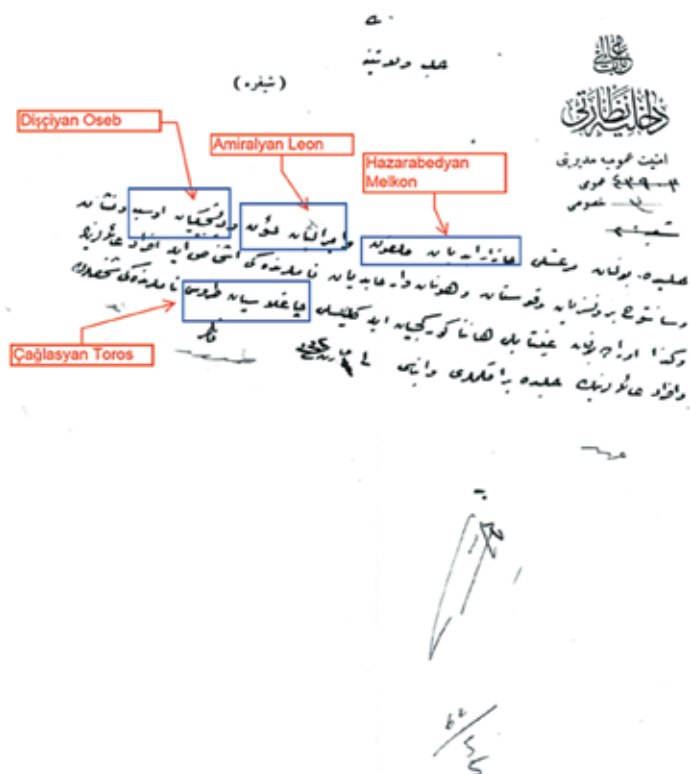

Рис. 2. Армянские имена в телеграмме Талаата, 14 марта 1916 г.

Случай Согомона Куюмджяна

В своих мемуарах Наим также упоминает инцидент, связанный с неким Согомоном Куюмджяном, родственником Матиоса Налбандяна, депутата парламента от Козана. Согомона Куюмджяна депортировали в район Эль-Маара (в провинции Алеппо). Походатайствовав перед Талаатом-пашой, Налбандян смог добиться у Министра внутренних дел разрешения на поселение Куюмджяна в Алеппо. По словам Наима, Канцелярия по депортации Алеппо получила соответствующие указания от Талаата. В результате Согомон прибыл в Алеппо и представил прошение о переселении. Однако под его петицией губернатор подписал: «[Проситель] должен оставаться в Эль-Мааре».

Тем не менее, «спустя несколько дней вышел указ о выселении [армян] из лагеря в Эль-Мааре». Согомон «подал новое прошение [чтобы ему разрешили поселиться в Алеппо]», но «несмотря на существование указа Министерства [внутренних дел], предписывающего его переезд в Алеппо», директор Канцелярии по депортациям Абдуллахад Нури-бей от его выполнения уклонился, «заявив, что «с той минуты, как этот человек покинул Эль-Маару и переехал сюда, он постоянно надоедает сотрудникам Канцелярии [по делам иммигрантов и размещения беженцев] и должен быть включен в списки лиц, подлежащих общей депортации». Губернатор Мустафа Абдулхалик принял объяснение Нури-бея, и Согомона депортировали [3]. (см. Рис.3).

Опять же, никаких османских документов о Согомоне Куюмджяне Наим не предоставил. Этот случай был рассказан им по памяти. Тем не менее, нам удалось найти достаточно документов в архивах, которые подтверждают его рассказ о Налбандяне и Куюмджяне [4]. Из этих документов становится ясно, что козанский парламентарий Налбандян ходатайствовал не только за

دېر موده خفا سغه اسانه اولونه ورځې نه نور نه
مېونی لغېد يا - اخذ نه اړه لار نه ده **سوغومون** **سوغومون**
اخذی معونه دلانېد داخذی نه اړی حېده اسانه
ایکېر دېوې ... **سوغومون** **سوغومون** **سوغومون** **سوغومون**
سوغومون اخذی وراخذی ایډیوې ... **سوغومون** **سوغومون**
... **سوغومون** **سوغومون** **سوغومون** **سوغومون**

*Рис. 3. Согомон Куюмджян
в мемуарах Наима-эфенди*

Согомона Куюмджяна, но и за многих других своих родственников. 12 октября 1915 г., к примеру, в провинцию Алеппо была послана телеграмма с указанием «прислать рапорт о возвращении в Казан Гикорка [Геворга] Налбандяна, брата депутата парламента Налбандяна-эфенди» [5]. В дальнейшем, в прошении, поданном 19 ноября 1915 г., Налбандян перечислил 21 своего родственника поименно с просьбой позволить им возвратиться в свои дома и вернуть себе свое имущество» [6]. (См. рис. 4).

На эту тему между различными отделами Министерства внутренних дел и администрацией губернатора Алеппо имеется множество корреспонденции. 5 декабря 1915 г. Министр внутренних дел запросил в Алеппо информацию о том, были ли упомянутые лица депортированы, и если да, то в каком направлении. 4 января 1916 г. в еще одной телеграмме Министерства внутренних дел запрашивалось, находятся ли Согомон Куюмджян и ряд его родственников (перечислены поименно) в окрестностях Алеппо. В ходе переписки было подтверждено, что Согомон Куюмджян тогда проживал близ Алеппо, и утверждалось, что «отдельного приказа» о том, чтоб он оставался в Алеппо, из Министерства не поступало.

Таким образом становится ясно, что подобную информацию мог предоставить лишь сотрудник Канцелярии депортаций, и мы доказали ее достоверность, сравнив с османскими документами. Необходимо отметить, что Антонян не счел историю Куюмджяна заслуживающей публикации в его издании.

Парламентарии армянского происхождения и их семьи

Попытки депутата Налбандяна из Козана помочь родственникам не были исключением из правил; скорее, это один из многочисленных подобных примеров.

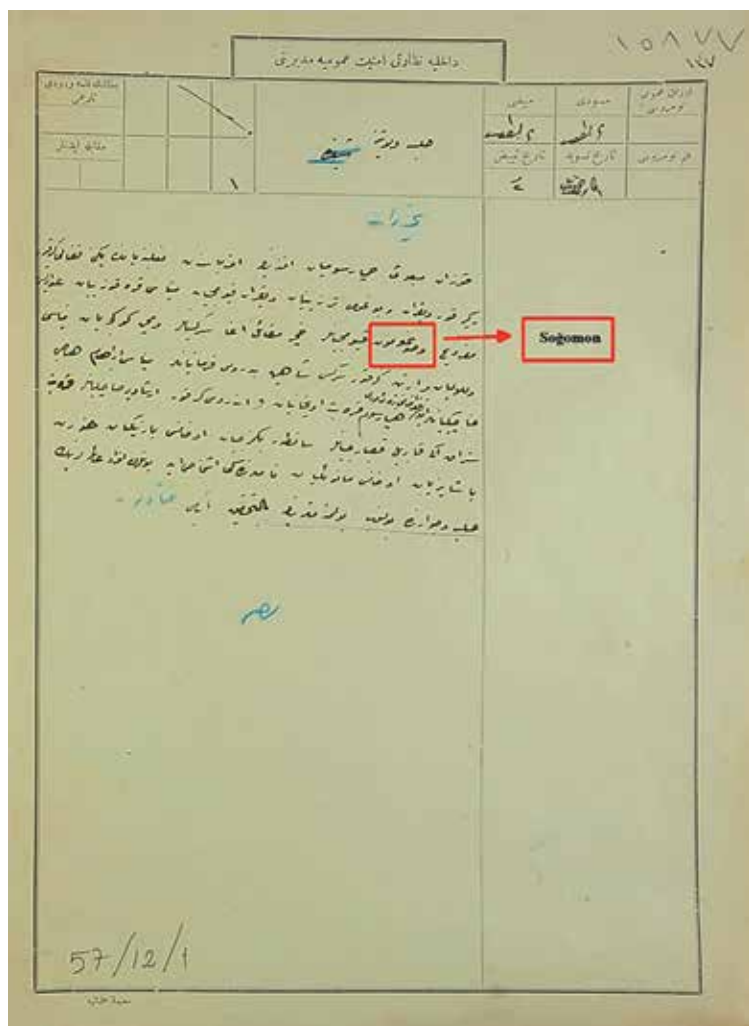

Рис. 4. Согомон Куюмджян в османских документах

В копии мемуаров, опубликованной Антоняном (но не в той части, которой мы располагаем), Наим утверждает, что все депутаты армянского происхождения ходатайствовали за родственников, в надежде освободить их от принудительной депортации, либо, в случае если их уже выслали в Алеппо, добиться для них разрешения остаться там. Однако эти усилия успехом не увенчались. По словам автора, виновником этого был в основном губернатор провинции Алеппо Мустафа Абдулхалик. Наим рассказывает о его отношении к этим ходатайствам: «Этот человек был врагом армян и стремился уничтожить армянский народ во имя "турецкости". Его распоряжения Генеральной дирекции по делам депортированных были необъяснимо жестоки. Некоторые депутаты османского парламента армянского происхождения, вероятно, путем тысячи и одного ходатайства, смогли получить разрешение от Министерства внутренних дел на то, чтобы их семьи оставались в Алеппо. Министерство направило ему соответствующие указания, но он им не внял, и выслал и эти семьи в пустыню. Мне известно о 15–20 семьях, которые должны были оставаться в Алеппо согласно указаниям, и кого он выслал в пустыню» [7].

В османских архивах хранятся десятки документов, подтверждающих достоверность рассказа Наима. Из них следует, что, как и отмечает Наим, высылались специальные указания и приказы, как общего характера, так и касательно конкретных членов парламента, согласно которым депутаты и члены их семей не должны были депортироваться в Алеппо. В документах отмечается также, что вопрос к одному Алеппо не сводился, проблема была намного шире. Так, например, 15 августа 1915 г. всем провинциям, где происходили депортации, было направлено предписание «не выселять депутатов парламента армянского происхождения и их семьи» [8]. При этом архивные данные показывают, что, несмотря на эти четкие указания, ни депута-

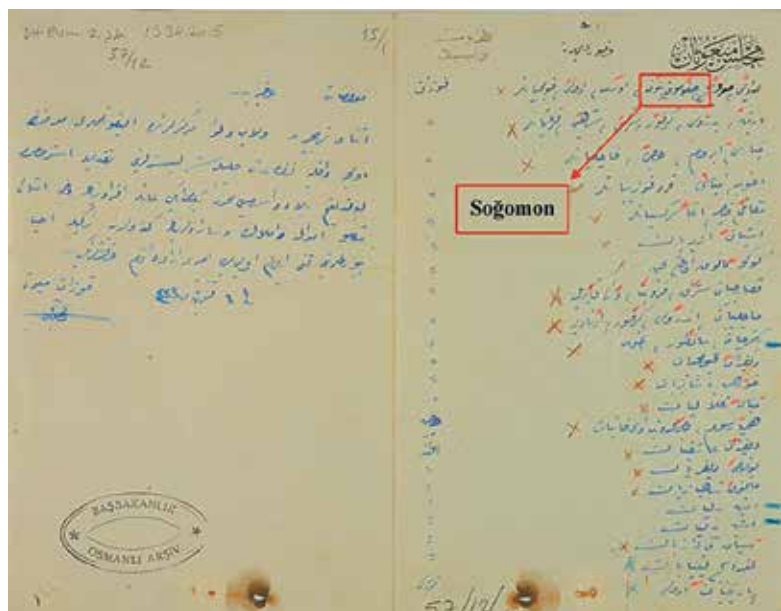

Рис. 4. (Продолжение)

там, ни их семьям остаться в местах постоянного проживания дозволено не было, они были депортированы.

Примером этому служит случай с Онником-эфенди, депутатом парламента от Измира и его семьей. Вначале в города, где проживали родственники депутатов, были разосланы телеграммы с просьбой не депортировать их, а позволить переехать в Стамбул [9]. Опять же, несмотря на четкие указания на этот счет, в тех случаях, когда некоторые из родственников уже были депортированы, их обнаружили в пути или в таких местах, как Адана (Тарсус) [10]. Афион [11]. Конья [12] и Айдын [13]. Соответствующим властям было предписано выслать их либо домой, либо оставить их в тех городах, которых они уже достигли [14]. Некоторых из родственников выслали, несмотря на предписания, в Алеппо, и туда была направлена телеграмма с приказом позволить им вернуться в свои дома [15]. Однако, как и в пересказанных Наимом случаях, родственников Онника, подобно прочим, депортировали в Дер-Зор. Довольно примечателен в этом смысле ответ на две телеграммы, высланные в Алеппо 5 октября и 14 ноября касательно одного из таких родственников, некого Артакиса Арусяна [16]. Губернатор Мустафа Абдулхалик ответил на вторую из телеграмм следующим образом: «До получения телеграммы с указаниями касательно Атаки Арусяна, родственника измирского парламентария Ихсана Онника, его уже выслали в поселение в Дер-Зор» [17].

Еще один пример можно найти в корреспонденции в связи с родственниками депутата парламента от Мараша Гирлакяна [18]. Она также подкрепляет данное Наимом описание губернатора Мустафы Абдулхалика. Первое из этих сообщений по теме было послано Талаатом непосредственно 15 августа 1915 г. В нем министр внутренних дел рекомендует «не высылать [из Алеппо] депутата Гирлакяна-эфенди и его семью» [19]. Талаат направил еще одно сообщение 24 октября,

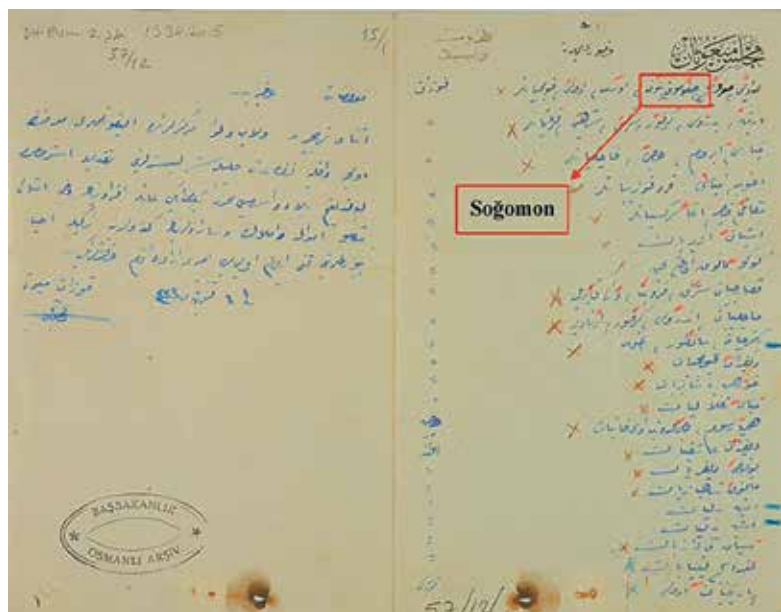

Рис. 4. (Продолжение)

с аналогичными указаниями в отношении братьев Гиралакяна-эфенди: «Оставить... братьев марашского депутата Гирлакяна-эфенди... в Алеппо» [20], и опять же, эти указания исполнены не были, и его братьев депортировали. Выяснив, что братья Гирлакяна достигли Бирейика, 7 мая 1916 г. он направил телеграмму провинциальному району Урфа с указанием, что брату Гирлакяна «Авадису Гирлакяну вместе с детьми, женой, родителями жены и другими родственниками следует вернуться в Алеппо» [21].

Брат Гирлакяна и его семья действительно добрались до Алеппо, однако Мустафа Абдулхалик вновь проигнорировал указания и депортировал их. В сообщении Канцелярии Абдулхалика от 18 мая 1916 г. Талаат напомнил губернатору Алеппо что «в провинциальный район Урфа были присланы [указания] о возвращении в Алеппо Аведиса, брата марашского депутата Гирлакяна, и его семьи, в настоящее время находящихся в Брейике», и что он получал рапорты о том, что родственники депутата «отправились в Алеппо и были оттуда вновь депортированы». Далее он повторил указания, что те родственники Гирлакяна, которые «находились там, должны вернуться в Мараш, а тех, кого депортировали, надлежит вернуть» [22].

Похожие телеграммы поступали и по другим родственникам Гирлакяна. Так, 14 марта 1916 г. Талаат-паша направил в Алеппо телеграмму, приказывая, чтобы «родственники марашского депутата Гирлакяна-эфенди, высланные из Антепа в Алеппо» вернулись в Мараш [23]. Несмотря на это, родственники были депортированы в Дер-Зор. В тот же день Министру внутренних дел Талаату стало известно об этом, и он направил телеграмму в Дер-Зор, приказывая незамедлительно вернуть их в Алеппо [24]. Еще через две недели (30 марта 1916 г.) он выслал еще одно сообщение в Алеппо с просьбой вернуть в Мараш всех родственников депутата [25]. И вновь Мустафа Абдулхалик

проигнорировал эти предписания и депортировал родственников депутата в Мескену. Талаат продолжал настаивать, прислав губернатору еще одну телеграмму 29 мая, заявляя, что ему сообщили, что родственники Гирлакяна находятся в Мескене, и приказывая их немедленно выслать обратно в Мараш [26].

Еще из одной телеграммы от 14 июня 1916 г. становится известно, что губернатор проигнорировал и последний приказ Талаата, выслав вместо этих родственников депутата в Дер-Зор. В ней Талаат резко пишет губернатору Алеппо: «Сообщается, что родственники марашского депутата Гирлакяна-эфенди, которые были высланы в Мескену, и необходимость возвращения которых в Мараш была неоднократно указана [вам], были высланы из Мескены в Дер-Зор». Далее он запрашивает у Абдулхалика причину, по которой эти лица были высланы туда, невзирая на его личные указания об обратном, и требует немедленно вернуть их в Мараш: «...как только причины депортации этих лиц в Дер-Зор, вопреки приказам [об обратном] будут сообщены», [их належит] вернуть в Мараш» [27]. Несмотря на это, запросы о судьбе родственников Гирлакяна продолжались в течение всего 1917 г. [28].

Есть и другие архивные документы, показывающие, что аналогичные телеграммы высылались касательно родственников других парламентариев армянского происхождения. В качестве последнего примера рассмотрим случай с родственниками Артина Бошгезеняна, депутата от Алеппо. В этом случае первое сообщение, которое нам удалось найти, было датировано 25 сентября 1915 г. Это прямое сообщение министра Талаата-паши провинции Алеппо и ее губернатору, Мустафе Абдулхалику: «Поскольку нам стало известно, что Петро Ашчян, тесть депутата от Алеппо Арина Гезеняна-эфенди, а также его брат Месроп Гезенян и его племянник Караджян Серкис-ага сейчас находятся в Алеппо, упомянутым лицам надлежит

разрешить остаться там» [29]. Талаат добавил имена некоторых других родственников к этому списку в своем сообщении от 4 октября 1915 г. и вновь повторил приказ о том, что «дядю алеппского депутата Артина Гезеняна-эфенди и его братьев надлежит оставить в Алеппо» [30]. Некоторых из этих людей тем не менее, депортировали.

В еще одной телеграмме, направленной в провинцию Сирия, от 15 ноября 1915 г., Талаат отметил, что свояк и зять Артина были депортированы вместе с некоторыми другими его родственниками, и что сейчас они находятся «в регионе Селимийе, провинциальный район Хама». Министр внутренних дел далее предписывает «вернуть их в Алеппо вместе с семьями и сообщить о результатах» [31]. Приказ был вновь повторен в посланной в Алеппо 4 января 1916 г. телеграмме: «Депортация Терзи Тиграна, брата Артина Бошгезеняна-эфенди, проживающего в настоящее время вместе с женой в Антепе, должна быть остановлена, и их надлежит разместить там же» [32].

Вероятнее всего, Талаат ответа на этот приказ не получил, поскольку повторил его в еще одной телеграмме от 16 января 1916 г.: «Терзи Тигран Бошгезенян, брат алеппского депутата Артина-эфенди, должен быть оставлен в Антепе, а если же он уже был депортирован, его надлежит вернуть и поселить в Антепе» [33]. Мустафа Абдулхалик наконец ответил на эти указания 23 января 1916 г.: «Терзи Тигран Бошгезенян, брат алеппского депутата Артина-эфенди, не был депортирован и остался в Антепе» [34]. Однако из последующих документов становится ясно, что, как и рассказывает Наим, Мустафа Абдулхалик просто проигнорировал поступающие указания и продолжил депортацию родственников Артина. Так, к примеру, в телеграмме от 18 декабря 1916 г. Талаат повторяет свои ранние указания о том, что «Антепли Терзи Тигран Бошгезенян, брат депутата парламента Артина, со своим дядей

Антепли Оганесом Бошгезеняном, супругой Акопян и семьей должны быть оставлены в Антепе» [35]. Он выслал еще один приказ 18 февраля 1917 г., повторяя предыдущий: «в соответствии с телеграммой от 18 декабря 1916 г. относительно брата депутата парламента Артина-эфенди, Терпи Тиграна, его дяди Оганеса и жены Акобян, а также семьи, которая в настоящее время находится в Антепе, необходимо выполнить [указания]» [36]. Как показывают документы, губернатор проигнорировал и этот приказ.

В ответ Талаат направил телеграмму 10 марта 1917 г. с напоминанием каждого из ранее посланных приказов, включая даты; там же он отмечает, что узнал о высылке родственников депутата в Мескену, несмотря на неоднократные указания об обратном: «Стало известно, что Терзи Тигран Бошгезенян, брат депутата парламента Артина-эфенди, вместе с дядей Оганесом Бошгезеняном и супругой Акопян, были депортированы из Антепы, несмотря на то, что необходимость оставить их там сообщалась телеграммой от 18 декабря 1915 г., и еще раз отмечалась в телеграмме от 19 февраля 1917 г. Сегодня они находятся в Мескене» [37]. Талаат спрашивает уже в ярости: «По какой причине они были депортированы, несмотря на неоднократные сообщения [приказывающие обратное?» [38].

Все эти события доказывают следующую истину: информация, представленная Наимом в мемуарах, достоверна. И опять же, ею мог располагать лишь человек, работавший в Канцелярии депортаций.

К вопросу о депортации сирот из Алеппо в Стамбул

Наим отмечает в своих мемуарах инцидент, относящийся к армянским сиротам, собравшимся в Алеппо [39]. По его словам, группа армянских детей была со-

брана в Алеппо по инициативе «немки», что вынудило «власти позаботиться об этих сиротах». Ни губернатор Алеппо, ни директор Канцелярии по депортациям радости по этому поводу не испытывали и требовали закрыть приюты. В конечном итоге в дело вмешался министр внутренних дел Талаат-паша, выслав предписание переправить детей в Сивас. Однако денег на это мероприятие выделено не было, и караваны так никто и не организовал. Предполагалось, что в конечном итоге детей вышлют в Стамбул. Вот что об этом пишет сам Наим:

«В то же время проблемами сирот занималась немка, если не ошибаюсь, по фамилии Хох. Она собрала – сама и с помощью других – пару сотен невинных сирот, пыталась заставить власти позаботиться о них. Подобное сострадание разъярило провинциального губернатора и канцелярию по депортациям. Но никто ничего публично не заявил.

Эта милосердная женщина заботилась о детях как о родных, пыталась спасти их.

В ответ правительство придумало новую хитрость. «Этих детей надлежит доставить в Сивас», – сказали они, – там будет открыт большой приют, и о них позаботятся». Настоящей целью было истребить их в пути. Мне лично приказали организовать их высылку. Дети должны были прибыть в Эрегли поездом в сопровождении чиновника по особым поручениям. Оттуда их должны были переправить эшелонам в Сивас. Мне надлежало оставаться в Эрегли. На тот момент выделенные Канцелярии по делам иммигрантов [и расселению беженцев] деньги иссякли. Ожидалось, что поступят дополнительные средства, но финансирование все время откладывалось, и вся операция провалилась. Спустя семь-восемь месяцев этих детей каким-то образом послали в Стамбул» [40].

Наим верно запомнил имя женщины. Это была мадам Кох, одна из наиболее выдающихся личностей в германской общине Алеппо. В декабре 1915 г. она уговорила командующего Четвертой армии Джемала-пашу открыть приют для армянских детей Алеппо. Его возглавила швейцарская подданная Беатрис Ронер [41].

Наим предоставил Антоняну и две телеграммы на этот счет от Талаата-паши. В первой из них, от 28 января 1917 года говорится:

«Получены сведения, что дети [определенных лиц] были приняты в сиротские дома, открывшиеся в разных местах. По мнению государства, ничего, кроме вреда, из проживания этих [детей] проистечь не может, и любой, кто пытается обеспечить, поддержать или пожалеть таких [детей], будь то в силу неспособности понять [всю серьезность] ситуации и пытаясь привлечь внимание к их беспомощности, или в попытке смягчить [серьезность ситуации], действует в конечном итоге вопреки четко изложенным пожеланиям правительства. Следовательно, настоящим предписывается не предпринимать никаких действий ни по устройству таких маленьких детей в приюты, ни по созданию для них новых приютов» [42].

Вторая телеграмма от 5 февраля 1917 г. гласит:

«Учитывая тысячи сирот и вдов среди беженцев и павших солдат-мусульман, нуждающихся в защите и поддержке, нет необходимости лишний раз тратить ресурсы на покинутых и осиротевших детей известных лиц, которые в будущем лишь нанесут вред и создадут сложности [для государства]. Этих лиц необходимо убрать, включив их в депортационные конвои. А те, кого до сих пор обеспечивали, должны быть высланы в Сивас согласно последним распоряжениям» [43].

Мы располагаем множеством документов из османских архивов, которые подтверждают предоставленную Наймом информацию. Так, например, телеграмма от губернатора Алеппо, высланная в Стамбул 10 февраля 1916 г., содержит жалобу на приказ Джемала-паши передать сирот в приюты под руководством немцев:

«[Здесь] размещены 530 детей, оставшихся без родителей или опекунов. Армянские дети протестантского вероисповедания уже получили протестантское образование, остальных же передали немцам с одобрения Джемала-паши. Будучи в Дамаске, я сказал Джемалу-паше, что я считаю совершенно неприемлемым существование двух различных учреждений в функции армянских приютов и что было бы целесообразнее отправить этих детей в Стамбул или другие районы Анатолии» [44].

В случае невозможности отправки армянских детей куда-нибудь в другое место, губернатор был готов переправить их в Стамбул, несмотря на трудности, с которыми это было бы сопряжено. Он впервые выступил с таким предложением 7 декабря 1915 г. [45]. Не получив ответа на эту свою попытку, он выслал вторую телеграмму 6 февраля, отмечая в ней, что «указаний относительно моей просьбы о переправке находящихся здесь армянских детей в Стамбул не получено», и повторяя свое требование отправить этих детей «в Стамбул или один из городов в Анатолии» [46].

Талаат-паша не был согласен с высылкой детей в Стамбул, и было принято решение, что город Сивас в центральной Анатолии лучше подходит для их «образования и ассимиляции». Он велел губернатору Алеппо связаться с администрацией Сиваса и выслать детей как можно скорее [47]. Сообщение об этом было выслано в Сивас в тот же день:

«Армянским сиротам Алеппо оставаться там или быть высланными сюда (т.е., в Стамбул) неце-

лесообразно. Наиболее подходящим местом для их образования и ассимиляции является Сивас. Сообщите в Алеппо, что детей надлежит выслать к вам и что они будут размещены в различные приюты» [48].

Тем не менее, средства, необходимые для транспортировки детей в Сивас так и не поступили, и 2 апреля 1916 г. губернатор Мустафа Абдулхалик послал депешу на этот счет:

«Хотя ваше превосходительство и приказало переправить сирот в Сивас, этого сделано не было, поскольку средства, выделенные из дотаций на беженцев и иммигрантов, пока не получены» [49].

В течение всего мая губернатор продолжал настаивать на закрытии приютов, повторяя, что считает «создание в Алеппо учреждений под контролем Германии неприемлемым ни в какой форме» [50]. По словам Абдулхалика, Беатрис Ронер была готова отправиться в любое указанное правительством место и основать там свой приют [51].

Даже в те месяцы, когда поступали дотации, средств на перевозку не выделялось, и лишь 13 августа 1916 г. Талаат наконец заинтересовался, сколько денег нужно для высылки сирот [52]. В это время провинция Сивас запросила финансирование на перевозку и размещение детей [53].

Из телеграммы губернатора Алеппо от 1 декабря 1916 г. становится ясно, что на тот момент армянские дети все еще находились в Алеппо. Абдулхалик заявляет, что все еще ждет указаний, куда выслать депортированных, и сообщает, что тем временем число детей (а значит, потенциально депортируемых) возросло:

«Несмотря на существующие планы, сироты в приютах Алеппо, численность которых сейчас превышает 1500 человек, так и не были высланы вследствие военной ситуации. Однако их пребывание как здесь,

так и под патронажем армян, продолжает оставаться затруднительным, ждем ваших указаний о том, куда их депортировать» [54].

Губернатор предпринял еще одну аналогичную попытку 26 декабря 1916 г., сообщив Министерству внутренних дел, что около 2500 армянских сирот собраны в различных приютах, и их численность увеличивается ежедневно. «Если их необходимо куда-то выслать», — пишет он, — необходимы скорейшие указания о месте назначения». [55]. В ходе этих месяцев Талаат действительно был занят поиском места для детей. 11 декабря 1916 г. он направил секретное сообщение Министерству образования с вопросом, было ли найдено место для переселения осиротевших армянских детей из Алеппо, поскольку их дальнейшее пребывание там недопустимо [56]. В своем ответе спустя две недели Министерство сообщило, что детей можно распределить по разным регионам, как то: Бардизак [Бахчеджик], Адапазари и Измит, а оставшихся можно привезти в Стамбул [57].

Талаат сообщил 4 января 1917 г., что перевозить армянских сирот в Стамбул нецелесообразно, и взамен следует привезти в Стамбул детей из окрестных провинций, а армянских детей заселить на освободившиеся места [т.е. вместо вывезенных в Стамбул детей] [58]. В итоге детей выслали в различные провинции.

В результате настоятельных усилий Абдулхалика, приют мадам Ронер был закрыт в марте 1917 г. Неудивительно, что телеграммы Талаата-паши, предоставленные Наимом, относятся к началу 1917 г., того самого времени, когда закрывался приют. Документы Германии показывают, что армянские сироты в основном высылались в Конью, Измит, Балыкесир и Адапазары [59] и, как сообщает Наим, некоторые из них действительно были высланы в Стамбул. 17 июля 1917 г. Джемал-паша направил сообщение Штабу орга-

низации снабжения в Алеппо, сообщая, что в Стамбул будет выслано около тысячи сирот [60].

Подтверждение рассказа Наима можно найти и в мемуарах Беатрис Ронер. В своих воспоминаниях Ронер рассказывает, что встретила с Джемалом-пашой в декабре 1915 г. и получила у него разрешение на открытие дортуара для армянских детей. Единственным условием Джемала было ограничение деятельности Ронер самим Алеппо, без выезда за пределы города. Ронер также подтверждает описание, данное Наимом губернатору Алеппо Мустафе Абдулхалику и его враждебному отношению к приюту: «Губернатор ни малейшего сочувствия к нам не испытывал, но был вынужден дать нам позволение обеспечить наши наиболее насущные нужды». [61].

Ронер, вынужденная, как упоминалось выше, закрыть приют в начале марта 1917 г., обратилась 8 октября 1917 г. в Министерство внутренних дел Османской империи (посредством посольства Германии) за разрешением выехать из страны. Однако у Министерства были определенные опасения в связи с отъездом Ронер. В тот же день Талаат написал губернаторам Алеппо (где находилась Ронер) и Мараша, запрашивая их мнение по этому вопросу. Тогдашний губернатор Алеппо Беды прислал примечательный ответ 17 октября, который, как мы видим, подтверждает рассказ Наима:

«Ронер, которую знают также под именем Беатрис Роза, в ходе своего пребывания здесь установила связи с армянами и стала известна в качестве “друга армян”. Эта дама некоторое время была занята распределением поступающих из Европы и Америки посредством американского консульства средств, [которые предназначались] для нужд армян. В дальнейшем, когда помощь прекратилась, она отправилась в Мараш и собрала много информации о событиях, связанных с армянами. Таким образом, ее выезд в Европу крайне неблагоприятен и нежелателен» [62].

В конечном итоге, в дело вмешался Энвер-паша, он попросил положительного ответа на мольбы посольства Германии для позволения выезда Ронер на континент, учитывая скандал, который мог бы разыграться в отношениях с Германией и Швейцарией в случае решительного отказа. Таким образом, Ронер получила особое разрешение на выезд в Германию от Энвера-паши 3 декабря 1917 г.:

«Учитывая ее заслуги в роли сестры милосердия и руководителя организации по оказанию помощи в Мараше и удовлетворение, которое положительный исход дела произведет в [определенных кругах] Германии и Швейцарии, с политической точки зрения целесообразно позволить упомянутому лицу выехать из Стамбула в Германию и таким образом заручиться положительным отношением посольства Германии в Стамбуле» [63].

Убийства армянских детей в районе Мескены и Ракки

Наим предоставил телеграмму Талаата от 25 декабря 1915 г. В ней Талаат приказывает собрать детей, которые достаточно малы, чтоб не помнить страданий и лишений, которым были подвергнуты их родители, а остальных включить в депортационные караваны и отослать [64]. Кроме текста, Наим предоставил и краткое объяснение сопутствующих обстоятельств:

«Не думаю, что вышеприведенная депеша нуждается в особых разъяснениях. Тем детям, которые в силу малолетства не могли вспомнить, что именно произошло с их родителями, было по два, три, четыре года. А значит, те, которым было больше четырех, были приговорены к смерти. И такой в действительности и была их судьба. Что произошло с сиротами

в приюте, который открылся в Мескене? Их всех убили» [65].

Наим обвиняет в убийстве армянских сирот в Мескене заместителя директора по депортациям Алеппо Хакки-бей. Но он не ограничивается лишь этими преступлениями, он считает его ответственным и за судьбу тех армянских детей, которые погибли в пути, будь то из Мескены в Ракку или из Ракки в Дер-Зор. Как отмечает автор мемуаров:

«Хамам в окрестностях Ракки стал адским средоточием смерти и унижений. Тяжелее всего приходилось женщинам и детям. Официальное досье с документами о том, что было известно о происхождении, находилось в руках заместителя главного управляющего Абдулахада Нури-бей. Ситуацию усугубил Хакки-бей. Он приказал в массовом порядке убить несколько сотен сирот, выживших в депортациях. Это дело он поручил бесчестному человеку из Румелии, известному по имени Ресул. Ни одна из самых аморальных человеческих черт не была чужда этому человеку, которого в свое время уволили из полиции. Он отличался любовью к убийствам, которые и стали для него важнейшим времяпрепровождением» [66].

Эти описания Наима Антонян в опубликованные мемуары не включил. Взамен он включил одну телеграмму, которой в нашей версии мемуаров нет, и обобщил ситуации своими словами:

«Шифрограмма Министерства внутренних дел генерал-губернатору Алеппо:

"Не давая поводов для подозрений, под предлогом того, что чиновники по делам депортации их накормят, соберите и уничтожьте детей известных лиц (армян), собранных у военных баз и подкармливаемых Военным министерством. О результатах сообщите.

7 марта 1916 г.,

Министр внутренних дел Талаат"».

Далее Антонян добавляет:

«Вскоре после этого Хакки убил последних выживших последнего каравана на пути из Мескены в Дер-Зор, затем собрал всех сирот и выслал их в Дер-Зор. На этом кровопролитие прекратилось, потому что больше убивать было некого. Число сирот, которых таким образом собрали, было свыше 300, но около ста из них в Дер-Зор так и не добрались» [67].

Здесь важно отметить три существенных момента. Первый – это открытие приюта в Мескене, второй – тот факт, что в Мескене назначили Хакки и что он закрыл это заведение и отправил его воспитанников на смерть вместе со всеми прочими. И третий – поручение упомянутому румелийцу, Ресулу, депортации и убийства. Все эти факты подтверждаются различными османскими архивными документами и мемуарами различных армян, выживших в депортациях.

Как уже отмечалось выше, в разделе о расследовании лета 1916 г., Талаат не знал, что в Мескене был открыт приют. В телеграмме в Алеппо от 4 августа 1916 г. Талаат спрашивает, по чьему приказу был открыт приют и какое ведомство его финансирует [68]. Телеграмма была послана в середине июля после прекращения депортаций из Мескены и жалобы губернатора Алеппо, что для армянских детей был открыт приют. Предполагалось, что Хакки, прибывший в Мескену после этого, возобновит депортации и после закрытия приюта включит в караваны, направляющиеся в Дер-Зор, и этих беспризорных сирот.

Из этих и других документов следует множество свидетельств о том, как одному из подчиненных Хакки удалось разобраться с приютом и его руководством, наконец, опустошив его и закрыв окончательно. Важная информация на этот счет поступает от командующего лагерем подполковника Галипа, который был расквартирован в Мескене в качестве командира отдела

по организации снабжения и который нес ответственность за открытие самого приюта. В своих рассказах (приведенных выше) касательно расследования османского правительства о коррупции и злоупотреблениях он отметил, что приказ открыть сиротский приют был отдан ему в письменном виде Канцелярией командующего 16 мая 1916 г. Офицер открыл приют в начале июня согласно полученному приказу и передал его гражданской администрации 18 августа 1916 г. Человеком, которому он передал ключи, был Хакки, заместитель директора по депортациям [69. 1 Марта 1917 г. Министр внутренних дел выслал телеграмму губернатору Алеппо, спрашивая «куда Хакки-беем будет выслан караван сирот» [70].

Есть множество свидетельств и в мемуарах выживших армян, немало повидавших от рук Хакки.

«Когда Хакки-бей собрал детей, [живших] к югу от транзитного лагеря Мескены, в последний раз и выслал их в [Дер-] Зор, более 800 детей, большинство из которых были больными и немощными, погибли в этих условиях... Восемь сотен сирот были высланы... в 17 повозках. Они были сожжены заживо в это время с сиротами в Дер-Зоре (и послал их [на смерть] Хакки-бей)» [71].

Некоторые мемуары и воспоминания о том периоде также подтверждают тот факт, что Хакки поручил задачу убить сирот «бесчестному человеку из Румелии по имени Ресул». Так, Григор Анкут, например, рассказывает, что Расул был назначен Хакки-беем своим ассистентом, и добавляет, что:

«Для устранения последних армянских депортированных...между Алеппо и Дер-Зором, которые умудрились выжить...Хакки-бей, наряду со своим ассистентом, “румелийцем” Ресулом, выдворили всех депортированных вдоль реки Евфрат, начиная с Алеппо [и продвигаясь вниз]. Их он выслал прямоком в [Дер-]

Зор и дальше на юг... Около 300 юношей и мальчиков... выживших в лагере Хамам, были высланы на юг специальным караваном. Поступили достоверные сообщения о том, что их убили в Ракке, к югу от Себки. Мы также узнали, и информация эта не вызывала никаких разночтений, что близ Самийе 300 детей были загнаны в пещеру, облиты горючим и подожжены заживо» [72].

Таким образом, Хакки (цитируя Антоняна) «[делал] то, что Наим-бей и [директор лагеря в Мескене] Хусейин-эфенди сделать не могли; они доставили депортированных, найденных по всей длине Евфрата на бойню Дер-Зора» [73]. 14 февраля 1917 г. глава районной администрации Дер-Зора сообщил, что «те армяне, которые бежали [от депортаций или из лагерей] были депортированы в [Дер-] Зор под руководством заместителя директора по депортациям Хакки-бея» [74].

Хакки, вероятно, очень успешно выполнял свои обязанности, поскольку 22 февраля 1917 г. Талаат направил в провинцию Алеппо запрос: «Не нуждается ли Хакки-бей, заместитель директора по депортациям, в чем-либо для продолжения вверенных ему обязанностей?» [75]. Ответ на это был выслан 25 февраля губернатором Мустафой Абдулхаликом, заявившим, что «продолжать свои обязанности Хакки-бею нет нужды» и что он выехал «в Стамбул с караваном сирот» [76]. Здесь уместно добавить последний комментарий о том, что Хакки, которого послали в регион не только для возобновления депортаций и резни, но и для начала расследования коррупции и злоупотреблений, беззастенчиво брал взятки и «бакшиш у депортированных [77].

Депортация армянских железнодорожных рабочих

Наим предоставил три телеграммы Талаата-паши касательно депортации армян, работающих на Багдад-

ской железнодорожной линии, наряду с дополнительной пояснительной информацией. Первая из них носит номер 801 и датирована 8 января 1916 г.:

«Принято решение о депортации всех армян, работающих во всех учреждениях, на железной дороге и в строительстве, и Военное министерство уже направило указания всем командующим о том, как именно надлежит это выполнять. [Просим] представить рапорт о результатах».

Наим дополнил:

«Большинство работников на железной дороге и в строительстве – армяне. Приказ правительства был продиктован страхом возможной измены со стороны армян. Поэтому во исполнение приказа комиссару железнодорожного сообщения было поручено составить список [работников-армян]» [78].

За этой телеграммой последовали еще две: под номером 840 (от 29 января 1916 г.) и под номером 845, высланная в дополнение к номеру 840. Первая из них гласит:

«Есть сведения, что вдоль железнодорожных путей живут около 40-50 тысяч армян, по большей части вдовы и сироты, начиная с лагерей в Интиллы и Айране, и до самого Алеппо. Самого строгого наказания удостоятся те, кто позволил подобное сосредоточие нищеты и лишений близ армии, после оповещения провинциального губернатора Алеппо [обездоленных армян] надлежит скорейшим образом депортировать в поселения, в обход Алеппо. О результатах [операции] доложить в течение недели» [79].

Третья из упомянутых депеш, под номером 845, посланная в дополнение к предыдущей, гласит:

«Хотя депортация армян, остававшихся в Интиллы и Айране и занятых на строительстве, и не

представляется возможной до окончания работ, тем не менее недопустимо позволять семьям этих рабочих оставаться там; их [семьи] должны быть временно переселены в поселки и села в области Алеппо. Те же женщины и дети, которые не имеют опекунов или семьи, должны быть депортированы по высланным ранее указаниям» [80].

По словам Наима, депеша под номером 845 была вызвана жалобами инженеров железнодорожной компании, которые утверждали, что «высылка армянских рабочих приведет к остановке строительства» [81]. Но в ответ на этот указ семьи армян, работающих на железной дороге «были доставлены в Алеппо депортационными конвоями». Эти люди «[изначально] должны были быть расселены по деревням. Их имена были записаны, были созданы списки, и у несчастных людей появилась надежда. Но все оказалось тщетно... Их выселяла полиция, они подавали прошения о позволении [остаться], и чиновники [делали вид], что к прошениям относятся серьезно. Они проводили дни, обивая пороги. Но никакого ходу прошениям давать не понадобилось, в течение нескольких дней просители оказались в жерновах страшных бесчинств в Мескене. Эти несчастные обездоленные женщины и дети стали жертвами насилия с стороны местного населения и жандармов» [82].

Как следует из рассказа Наима, планировалась депортация всех армян, занятых на железнодорожных станциях или в строительстве, но вследствие предупреждения железнодорожной компании об остановке работы без них, некоторым рабочим позволили остаться, а их семьям – поселиться в окрестностях Алеппо. Однако это послабление долго не продлилось, и Комиссариат военных [железнодорожных] путей вначале составил список армян, работающих на железной дороге и в строительстве, а затем их и их семьи (к тому времени поселившиеся в Алеппо) депортировали в Дер-Зор.

Документы, имеющиеся в османских архивах, показывают, что вся предоставленная Наимом информация соответствует действительности. Первое, на что здесь следует обратить внимание, – это что два факта, содержащиеся в депеше Талаата (номер 801), также приводятся в османских документах. Первый из них – проживание вдоль железнодорожного пути 40-50 тыс. вдов и детей на всей протяженности от Интиллы-Айрана до Алеппо. Эти цифры упоминаются также в двух телеграммах от 6 и 9 ноября 1915 г., направленных губернатору провинции Адана Хаски и районному управляющему Османийе Фетхи соответственно [83]. Второй – депортация армянских железнодорожных рабочих осуществлялась по указаниям Военного министерства, и в этом мы скоро убедимся.

Процесс депортации железнодорожных рабочих армянского происхождения был очень затруднен и проистекал крайне неровно. В начале депортационного процесса было принято решение не депортировать всех рабочих [84], несмотря на депеши различных местных чиновников, предупреждавших, что на железной дороге занято слишком много армян, что это представляет собой угрозу безопасности и что их численность необходимо сократить [85]. В дальнейшем, однако, была создана комиссия для определения того, кого именно следует депортировать и на каких основаниях [86]. Шукрю-бей, Директор по депортациям в Алеппо, направил туда 25 сентября 1915 г. телеграмму с требованием «немедленно составить списки всех армян, ремесленников и рабочих, занятых на эксплуатации и строительстве железной дороги... с тем, чтобы распределить между военными и гражданскими железнодорожными комиссарами тех, [кто должен] остаться и тех, кто будет депортирован», а также для того, чтобы «толпы рабочих, которых все еще под каким-то предлогом удерживают директора станций и инженеры, были немедленно депортированы» [87.]

Военное министерство придерживалось мнения, что депортацию рабочих с железнодорожных путей и их семей следует отложить до принятия упомянутой комиссией окончательного решения [88], что произошло в середине октября. Комиссия постановила, что всех армян надлежит депортировать, а их места должны занять рабочие мусульманского вероисповедания. Но поскольку были некоторые задачи, требовавшие технических знаний и умений, отстранение рабочих-армян и их депортация должны были производиться постепенно и поэтапно. Так, железнодорожная компания запросила списки таких рабочих и выполняемых ими задач, для составления которых провинциальные и районные власти должны были сотрудничать с представителями компании [89].

Джемал-паша выступил с мнением, что отлагательство в вопросах депортации рабочих является угрозой безопасности и призвал ответственных за операцию поспешить [90]. Этой позиции придерживался и Военный министр Энвер-паша, направивший телеграмму третьему члену триумvirата, Талаату, сообщив, что освободившиеся после депортации рабочих-армян места будут заполнены трудовыми отрядами мусульман [91]. 27 октября 1915 г. Железнодорожный департамент Генерального штаба обратился к Военному комиссару Багдадской железной дороги с просьбой представить список сотрудников и рабочих армянской национальности, работающих в компании, управляющей Багдадской железной дорогой. Этот список был составлен 8 декабря того же года [92].

Одно из наиболее важных решений в этом вопросе было принято в Алеппо 11 ноября 1915 г. На встрече, где присутствовали Джемал-паша, губернатор Алеппо Мустафа Абдулхалик, директор по делам иммигрантов и переселения беженцев Шукрю-бей и генеральный директор по безопасности Исмаил Джанполат, специально прибывший из Стамбула, было принято решение,

что Алеппо надлежит очистить от неместных армян, а также следовать указаниям и приказам армии в отношении тех, кто работает на железной дороге [93].

В начале декабря 1915 г. Джемал-паша начал депортацию рабочих-армян из окрестностей Интиллы, где их было особенно много [94,] однако, это вызвало недовольство германской компании, управляющей железной дорогой. Компания заявила, что подобные депортации рабочих-армян приведут к остановке и строительства, и железнодорожного сообщения по этому маршруту. Этого утверждения было достаточно, чтобы убедить Джемала-пашу приостановить операцию [95]. Но одного давления компании было бы недостаточно, использовалось и влияние властей Германии на командующего армией. В результате депортации были временно приостановлены, а те армяне, которых уже депортировали, были возвращены и восстановлены в своих должностях. 23 января 1916 г. губернатор Алеппо Мустафа Абдулхалик пожаловался, что ситуация мешает процессу депортаций и попросил, чтобы Военное министерство без обиняков уведомило германскую компанию о планируемых депортациях [96].

Сложности, с которыми столкнулись власти в этом вопросе, влиянием властей Германии не ограничивались [97]. Благодаря взяткам, многим армянам удалось закрепиться на строительстве железной дороги или в эксплуатационных службах на станции, выдав себя за рабочих [98]. Министерство внутренних дел издало приказ соответствующим провинциям 16 декабря 1916 г., с тем, чтобы они представили списки таких пропавших лиц, избежавших депортаций [99]. Кроме того, были запрошены списки с именами тех лиц, работа которых на железной дороге была возобновлена по просьбе компании [100].

Как упоминает Наим, составление этих списков было поручено Канцелярии Организации снабжения армии. Так, алеппское подразделение представило

цифру 3134 чел., занятых на строительстве железной дороги в Алеппо, хотя в дальнейшем лишь 430 из них получили право на работу. Министерство внутренних дел запросило, чтобы все лица, отмеченные в списке как ненужные для работы, были депортированы [101]. 17 апреля Министерство внутренних дел выслало еще одну депешу, осведомляясь, закончили ли комиссары указанные списки [102]. Спустя два дня был получен ответ от Мустафы Абдулхалика, который сообщил Талаату, что составлено лишь два списка «армян-ремесленников и рабочих» в регионе Интилли, а «списки всех чиновников, рабочих и прочих» пока не готовы [103].

Тем временем численность армян, собиравшихся вокруг различных железнодорожных станций истроек все возрастала. Так, в сообщении от 15 февраля 1916 г. Джемалу Талаат уведомил губернатора Сирии и командующего Четвертой армии, что «хотя [Джемалом] было выдано разрешение [железнодорожной] компании оставить при себе около трех сотен ремесленников...» для работы на строительстве железной дороги в Айране, Интилли и Ислахийе, «число армян-рабочих [в этих регионах] составляет около 7 000» и спросил, было ли дано разрешение на то, чтоб осталось так много людей [104]. Хакки, губернатор провинции Адана, в своей телеграмме от 22 февраля 1916 г. утверждал, что это число приближается к 10 000 [105]. Джемала сильно расстроила эта ситуация, и он телеграфировал Министру внутренних дел, ответив, что «он не был оповещен, что, кроме тех армян, кого с [его] разрешения взяли на работу, были и другие» и, узнав об этом сейчас, он приказал провести немедленное расследование. Он также заверил Талаата, что все не имеющие его разрешения армяне будут депортированы в «специально предназначенные районы» [106].

Талаат немедленно передал ответ губернатора Сирии, Адане и Алеппо:

«Командующий Четвертой армии Джемал-паша сообщил в своем ответе, что армяне-рабочие, занятые на железнодорожном строительстве в Айране, Интилли и Ислахийе, численность которых сильно превысила дозволенные квоты, отправятся в специально предназначенные регионы» [107].

Тем не менее, сложности с депортацией рабочих-армян, занятых на железной дороге, как в силу давления Германии, так и коррупции среди османских чиновников, продолжались вплоть до марта 1916 г., когда Джевдет-бей, губернатор провинции Ван, был назначен губернатором провинции Адана [108]. Вступив в должность, новый губернатор незамедлительно начал депортации рабочих. Он выслал в Стамбул рапорт 18 июня, заявляя, что попросту проигнорировал шум, поднятый германской компанией, и начал депортацию армян-рабочих с семьями в окрестности Аманоса. По его словам, «после того, как были депортированы армяне, проживавшие вдоль [строительства] отрезка Торос [железной дороги] под покровительством [компании]», все армяне Аданы и окрестностей «будут высланы так, что возвращение их будет более невозможно» [109].

На самом деле, депортированы были не все армяне-работники железной дороги, это было невозможно, поскольку многие из них обладали навыками, сделавшими их незаменимыми работниками, и, как и предупреждал германский оператор железной дороги, их отъезд приостановил бы всю работу. С учетом этого обстоятельства, «семьи тех, кто числился в штате железной дороги [к примеру, в Алеппо], останутся в Алеппо», а «семьи тех, кто работает в качестве рабочих, будут считаться семьями военного персонала». [110]. Таким образом, положение и статус работников железной дороги армянского происхождения продолжал раздражать власти в течение всего 1917 г. Как отмечает Наим в своих мемуарах, «несмотря на то, что

все работники были армянами и, несмотря на угнетение и жестокое обращение, которым они подвергались, все четыре-пять лет всеобщей мобилизации они честно и преданно трудились, за все это время не было ни одного инцидента на железной дороге» [111].

Комиссар железной дороги Айри-бей

В своих мемуарах Наим упоминает правительственного функционера по имени Айри-бей, который работал в Комиссариате алеппской железной дороги (Hat Komiserliği). Его имя появляется в контексте депортации железнодорожных рабочих:

«Большинство работников, задействованных на железной дороге и на ее строительстве – армяне. Приказ правительства был продиктован страхом возможной измены со стороны армян. Потому во исполнение приказа комиссару железнодорожного сообщения было поручено составить список [работников-армян]. В этом вопросе и Айри-бей, комиссар железнодорожного сообщения, и Джемал-паша проявили гуманность» [112].

Мы не можем с уверенностью говорить о том, кем именно был этот Айри-бей, хотя есть несколько важных документов в османских архивах, в которых он упоминается. Из этих документов нам стало известно, что Айри с помощью своей семьи смог незаконно провести большое число армянских женщин и девочек в Стамбул, спасая их жизни. Это привело к тому, что в отношении него было начато расследование по обвинению в помощи армянам. Правда, поводом к расследованию стали не факты укрывательства, а донос его свояченицы, которая обратилась в полицию по причине ярости, вызванной тем, что его брат Эмири решил с ней развестись [113].

Из переписки становится ясно, что в марте 1916 г. Айри-бей и его семья (его мать, жена, брат Эмири и другие родственники) помогли двум армянкам бежать в Стамбул, а спустя сорок дней он сам перевез туда еще трех армянских женщин. В Стамбуле армянских девушек Айри либо передавал их родственникам, либо размещал в различных семьях. Поскольку Айри был ответственным чиновником Комиссариата алеппской железной дороги, Талаат напрямую вмешался в процесс расследования и служил проводником информации между Энвером и другими. В своих сообщениях, как Дирекции полиции Стамбула, так и губернатору провинции Алеппо, Талаат утверждал, что некоторые из девушек, которым Айри и его семья помогли бежать, были членами комитета.

Хотя показаний Айри среди документов нет, мы, тем не менее, можем предположить из фрагментов допросов, что он отрицал незаконный перевоз людей и утверждал, что привез девушек в Стамбул с разрешения губернатора Алеппо Мустафы Абдулхалика. Последний, однако, ответил Талаату телеграммой, что никогда не давал Айри подобного разрешения. По словам губернатора, Айри одел армянок в мусульманскую одежду, и «при проверке документов заявил, что это его жена, ее родственницы и односельчанки». Поскольку свобода передвижения мусульман не ограничивалась, всем им удалось сесть в поезд без каких-либо проверок [114].

Из одного из сообщений, посланных Талаатом Энверу, становится ясно, какое огромное значение они придавали этой теме. По словам министра внутренних дел, Айри нес ответственность за безопасность поездов. Не у всех было разрешение выезжать, Айри одевал армянок, покрывая им голову, что позволяло им выехать в Стамбул без документов. Таким образом, он «злоупотребил своим положением и властью», и должен был быть наказан, «чтоб неповадно было другим» [115].

Некоторых из этих женщин в дальнейшем схватили в Стамбуле, но как минимум одну из них выпустили, потому, что Айри заплатил за нее залог. Это очень рассердило Талаата. В ответ он выслал Дирекции полиции четкие директивы о том, что все девушки, пойманные при попытке бегства, должны подвергаться тем же процедурам, что и другие лица, пытавшиеся бежать из депортационных конвоев, и что он требует их немедленной депортации.

Хотя раздражение Министра внутренних дел и его глубокая вовлеченность в это дело, на первый взгляд, кажутся преувеличенными и даже непонятными, архивные документы показывают, что за всем этим кроются его опасения, что, достигнув Стамбула, бежавшие из Сирии армяне начнут рассказывать о том, что они видели и испытали. Для Талаата каждый армянин, выезжающий из Сирии в Стамбул, был потенциальным свидетелем резни и жестокости. Само присутствие таких людей могло помешать всем его усилиям сохранить убийства в тайне. Свое беспокойство он описал Энверу в следующих строках:

«Таким образом, крайне важно не позволить им разгуливать по улицам Стамбула, поскольку они хорошо осведомлены о том, что происходит в регионе, и могут рассказать о событиях [в Сирии]. Более того, поскольку это женщины, собранные в Алеппо для высылки в места поселения, они могут с легкостью и незамеченными вступить в контакт с армянскими революционерами, от которых можно ожидать любого зла, а затем передать эту информацию армянам в Стамбуле» [116].

Талаату крайне важно было это предотвратить. Документы и информация об Айри-бее должны рассматриваться как еще одно подтверждение достоверности рассказа Наима.

Американские консульства и снятые на депортационных маршрутах фотографии

Одним из важных фактов, раскрытых в воспоминаниях Наима, стало распространение информации и документов иностранными наблюдателями, в особенности, сотрудниками консульств США и Германии и миссионеров в районах, через которые и в которых происходили депортации армян. Будучи «старшим партнером» Четверного союза и вследствие относительной военной слабости Османской империи, Германия направила туда многочисленный военный и гражданский контингент в годы Первой мировой войны, и многие из них были расквартированы в тех регионах Империи, где происходили депортации. Даже до вступления США в войну в стране действовало множество нейтральных американских консулов и миссионеров. Они регулярно посылали сообщения в посольство в Стамбуле, рассказывая о последних событиях и обо всем, очевидцами чего они были. В некоторых случаях им даже удалось послать фотографии трупов на дорогах. Временами эти сообщения достигали и западной прессы, где публиковались статьи об истреблении армян на османской земле. В ответ на фотографии, рапорты и бюллетени правительства Германии и США посылали посредством своих посольств в Стамбуле дипломатические ноты Порте. Османские власти такое положение дел сильно расстраивало, и они пытались предотвратить появление в Стамбуле подобных сообщений.

Наим представил две телеграммы Талаата, связанные с попытками ограничить деятельность консульств и иностранных функционеров в регионах, с его собственными соображениями на этот счет. Первая из телеграмм датирована 1 декабря 1915 г. В ней Талаат

жалуется на то, что американские консульства в провинциях собирают по разным каналам информацию и высылают в столицу. Отметив, что на этих сообщениях была основана нота недовольствия, посланная американским посольством, Талаат выступает с требованием уделить особое внимание тому, чтобы никакие события или инциденты не привлекали внимания к депортациям в тех случаях, когда депортации армян производятся близ городов, сел и других населенных пунктов. Те же, кто поставляет подобные сообщения консульствам, должны быть арестованы и переданы Военному трибуналу [117].

Во второй из телеграмм Наима (от 24 декабря 1915 г.), Министр внутренних дел отдает следующие распоряжения:

«Поскольку сообщается, что по этой местности ездят армянские журналисты, фотографируют и собирают свидетельства о [происходящих здесь] бедствиях, которые затем передаются в американское консульство, этих опасных лиц необходимо арестовать и ликвидировать» [118].

Наим добавляет и собственный комментарий по поводу этой депеши.

«Тем не менее, подобные задачи выполняли и госслужащие. Один из постоянных сотрудников консульства США осуществлял подобные наблюдения. Сообщается, что в консульстве видели одного из репортеров ежедневной армянской газеты “Жаманаг” или какого-то другого издания. Невозможно переоценить необходимость расследования [этих инцидентов]. Однако никого не арестовали» [119].

Информацию Наима подтверждают и официальные американские документы. Так, например, один американский рапорт описывает общую политику правительства следующим образом: «Все попытки

помочь беженцам пресекаются на корню властями, а за американским консульством постоянно следят шпионы» [120].

В османских архивах можно найти десятки документов об отказах иностранному дипломатическому корпусу и миссионерам в возможности контактов с депортированными армянами на маршрутах пути, запретах на фотосъемку на дорогах и начале расследований в отношении людей, поставляющих в консульства документы и фотографии, связанные с депортациями. На основании этих документов можно показать, что описания в депешах Талаата-Паши и информация в пояснениях Наима достоверна [121].

В некоторых сообщениях, разосланных провинциям, Министерство внутренних дел, обычно в лице Талаата, требовало, чтобы «армянских [депортационных] конвоев не было» в тех местах или на тех маршрутах, где ездят иностранцы. Среди изданных указов были и направленные на предотвращение прямых контактов иностранных консульств с армянами, отказ в разрешении на оказание непосредственной помощи армянам и препятствование лицам, пытающимся такую помощь оказать [122].

Провинции получили и предостережение о том, что османские чиновники, которые будут пренебрегать своими обязанностями в этом плане, будут строго наказаны: «В ответ на депешу из Канцелярии Верховного командования [в Стамбуле], сообщаем всем провинциям, что те чиновники, которые позволяют тайное и прямое финансирование армян американскими или германскими организациями без посредничества чиновников в правительстве, или узнают об этом из рапорта или донесения [и не предпринимают никаких мер], будут сурово наказаны [123]. В 1916 г., в частности, был наложен запрет на свободное передвижение не только на сотрудников консульств и миссионеров, но и всех иностранных подданных, в особенности в Сирии [124].

Джесси Джексон, американский консул в Алеппо, чьи действия и повлекли упомянутые телеграммы Талаата, был одним из наиболее активных консулов в этом вопросе. Как следует из рапорта османских чиновников, ответственных за цензуру, «в письмах, которые они высылали в Америку и другие страны, армяне, перевезенные в Алеппо, используют адрес американского консульства в Алеппо как адреса для денежных переводов и корреспонденции» [125]. Губернатор провинции Алеппо Бекир Сами и его преемник Мустафа Абдулхалик постоянно жаловались на Джексона. Так, к примеру, в телеграмме от 5 октября 1915 г. Бекир Сами сообщил Министру внутренних дел Османской империи, что «Месье Джексон постоянно вмешивается в армянские дела и тайно передает деньги гражданам вражеских стран, а также служит посредником, через которого армяне могут рассказывать и узнавать о [событиях] в восточных провинциях [126]. Губернатор, который обвиняет консула в слабых характеристиках и предупреждает, что «однажды он спровоцирует меня на какой-нибудь неприятный инцидент», просит добиться «отзыва отсюда консула как можно скорее» [127].

Преемник Бекира Сами, Мустафа Абдулхалик, не отличался от предшественника в своих жалобах. В своем ответе на депешу Талаата 30 октября 1916 г., где предписывалось начать следствие по фактам тайного предоставления денег армянам, Абдулхалик сообщает, что «из расследования стало ясно, что деньги предоставлялись американским консулом в Алеппо некоторым армянам, прибывшим в Алеппо». Он добавлял, что «многие армяне, получившие деньги, признались, что средства получены из консульства», а сам Джексон «без колебаний сказал ему в лицо... что помогает [армянам]» [128].

Как и описывает ситуацию Наим, одной из мер, принятых правительством против этих усилий американского консульства, была пристальная слежка за

всеми иностранными миссиями и попытки задержать или арестовать всех подозрительных лиц при входе или выходе из консульства. Однако эти усилия были настолько масштабными, что консул Джексон был вынужден уведомить о ситуации американское посольство в Стамбуле.

В ответ на последующее обращение посольства к Порте, Талаат был вынужден направить 8 марта 1916 г. телеграмму на имя губернатора Абдулхалика, предостерегая его: «[Американское] посольство сообщило, что его консульство в Алеппо находится под слежкой, и что входящие в здание и выходящие из него были расстроены [тем, как с ними обращались]», и требует «выступить с надлежащими указаниями о недопустимости настолько публичной слежки [за консульством], чтобы это начало вызвать недовольство» [129]. В соответствии с пожеланиями Министра внутренних дел, слежку за консульством впредь следовало проводить так, чтобы жалоб от консульства не поступало.

В своем ответе в марте, Мустафа Абдулхалик сообщил Талаату, что «сотни женщин и мужчин из числа армянских беженцев... собирались перед консульством ежедневно, и им выдавались деньги». Даже письма, которые армяне хотели отослать, будь то в США или в другие регионы Османской империи, приносились в американское консульство, а не османским властям. По словам губернатора, полиция выполняла свои задачи не через шпионаж, а через идентификацию людей на улицах и слежкой за ними согласно действующему закону. В результате осуществленных контрольных механизмов были получены документы, которые далее были «поданы в военный трибунал». Абдулхалик добавил, что «те лица, которые жаловались на плохое обращение при входе или выходе из консульства, являются армянами с подданством Османской империи, и им, очевидно, выдавались деньги, невзирая на их ранг или социальное положение» [130].

Как отмечает Наим, эти меры были не особенно успешны. Несмотря на все усилия правительства, сотрудники американского и, в особенности германского консульства, миссионеры, действующие в регионе, продолжали посылать своим посольствам в Стамбуле свои отчеты и документацию, доказывающие, что истиной целью депортаций, организованных Османским правительством, было истребление армянского населения. Среди таких неопровержимых улик – фотографии гор трупов на депортационных маршрутах.

Проблема трупов, оставленных на дорогах

Среди ключевых улик, доказывающих намерение Османского правительства истребить армянское население – фотографии, на которых запечатлены бесчисленные трупы тех, кто умер в пути. Именно по этой причине Османский режим считал крайне важным очистку дорог от трупов и недопущение их фотографирования. Наим предоставил две депеши на эту тему: одна из них от Талаата, другая – от Депортационной канцелярии в Алеппо. Он также снабдил документы собственными сведениями и комментариями.

Первая телеграмма – от 11 января 1916 г. В ней Министр внутренних дел оповещает адресатов: «Поскольку иностранные [военные] офицеры видели и фотографировали трупы известных лиц, которыми усеяны пути, настоятельно рекомендуем как можно скорее заняться погребением [тел], дабы они не оставались на виду». Наим прилагает свое пояснение:

«[К этому времени] ежедневно погибали семьсот-восемьсот армян от болезней, голода и лишений. Их хоронили в грязи, останки поедали стервятники и падальщики; такое положение вещей обжигало человеческую совесть. Германские и австрийские офицеры [служившие с османскими войсками] были свидете-

лями происходящего и посылали об этом донесения в свои страны. Талаату-паше сообщали об этом, и он стремился прикрыть эти преступления, похоронить их, но даже если б он переменил местами небо и землю, ужасы и бедствия невозможно было стереть из памяти» [131].

Вторая телеграмма от Канцелярии по депортациям Алеппо гласит:

«Ваши усилия должны быть направлены на то, чтоб в Бабе не [осталось] ни одного армянина.

Сила и решимость, которые вы проявите [в осуществлении] депортаций обеспечат результаты, к которым вы стремитесь. Однако проявите внимательность, на дорогах и на открытой местности трупов оставаться не должно. Вам также надлежит сообщить нам о максимальной сумме, которую вы заплатите нанятым для этой цели людям.

Не утруждайте себя транспортом, они могут отправиться пешком. Списки погибших, поступающие каждую неделю, неудовлетворительны. Очевидно, что эти лица живут довольно спокойно.

Депортации – это не увеселительная поездка. Уделять внимание жалобам, стонам, страданиям и горю не следует. Соответствующие указания были направлены провинциальными властями местным управляющим (каймакам). Вам надлежит с усердием отнестись [к этому делу]» [132].

В своем пояснении ко второй депеше Наим пишет:

«Согласно последним указаниям, все депортированные должны были быть высланы из Баба в течение 24 часов. Им надлежало покинуть город любым доступным способом. И в любом случае депортация привела бы к их смерти. В зимнюю стужу, раздетые с головы до ног при такой спешной высылке, они заболели и гибли по обочинам дорог. На всем протя-

жениии пути от Баба до Мескены поля были усеяны трупами армян.

Даже горсти земли не нашлось, чтобы прикрыть их трупы. Узнав, что трупы лежат открыто, правительство запаниковало. Осознавая, что они привлекают внимание иностранцев, власти велели хоронить их. Нашлись лопаты и уступы. Были назначены могильщики. Таким образом, предполагалось скрыть следы преступлений» [133].

Архивные документы османской поры показывают, что и телеграммы, и комментарии Наима достоверно передают события. В архивах есть множество документов, связанных с иностранцами, в особенности немцами, снимавшими на кинокамеры депортационные караваны и усеянные трупами дороги. Так, например, 24 января 1916 г., глава Администрации Дер-Зора Али Суат направил телеграмму в Стамбул, утверждая, что «направляющиеся в Ирак германские офицеры намеренно ищут трупы армян и усердно фотографируют [их]» [134]. 30 октября 1916 г. османский функционер направил подробный рапорт о ситуации с депортациями в окрестностях Мескены и Дер-Зора. В рапорте отмечалось, что «во время депортации осиротевших беженцев в Дер-Зор их фотографировали [некие] германские офицеры, возвращавшиеся из Багдада» [135].

В османских архивах имеется множество документов, в особенности высланных из Стамбула в провинции телеграмм, где предписывается убрать и похоронить трупы, раскиданные вдоль дорог. Значительная часть из них была собрана в ходе досудебного следствия по делу лидеров партии «Единение и прогресс», ответственных за депортации и резню в 1918 и 1919 гг. Часть из них в дальнейшем использовалась на суде в качестве улик. На процессе, который позже называли «Основным судом» над членами Центрального комитета партии «Единение и прогресс», лидерами так называемой

«Особой организации» (Teşkilat-Mahsusa) и правительством той поры, в изначальном обвинительном заключении использовались пространные выдержки из этих телеграмм.

Среди этих депеш занимают особое место телеграммы, посланные Талаатом и Джемалом. Одно из сообщений, посланное Джемалом губернатору Диярбекира 14 июля 1915 г., содержит следующие указания: «Поскольку тела, которыми усыпан южный берег Евфрата, по всей вероятности, являются трупами армян, убитых в результате их мятежных действий, их необходимо захоронить в местах обнаружения, останки открыто лежать не должны». В своем ответе губернатор отмечает, что «вероятно, что лежащие вокруг тела [принадлежат] выходцам из Эрзерума и Мамуретулазиза (Элазыг). Убитые в результате мятежа были либо оставлены [гнить], либо были брошены в глубокие пещеры, но обычно трупы [уничтожались] сожжением» [136].

Схожая телеграмма от 3 августа 1915 г. была послана Талаатом провинциям Диярбекир и Элазыг наряду с районами Урфа и Дер-Зор. В ней Талаат приказывал местным администрациям «захоронить трупы на дорогах и оставленные ими пожитки, не выкидывать их в ущелья, реки или озера» [137]. Еще одна телеграмма на этот счет, приведенная в заключительном обвинении, была от губернатора провинции Мамуретулазиз Сабита главе районной администрации Малатьи. В этой депеше от 2 января 1916 г. Сабит сообщает, что получил ранее телеграмму от Министерства внутренних дел, в которой говорилось: «Если в границах местностей [принадлежащих к провинциальным районам] будут замечены трупы, местный староста, представитель местной власти и командующие жандармерией будут сразу же отстранены от должностей и [переданы] судам» [138].

В упомянутом обвинительном заключении эта телеграмма, полученная Сабитом из Министерства внутренних дел, не упоминалась, но этот документ

присутствует в архиве Гергеряна. В телеграмме Сабит цитирует депеши, полученные им 1 января от Талаата. Так, по словам Талаата, «поступают рапорты, что в определенных районах встречались незахороненные и оставленные в открытую трупы», и далее он приказывает: «если в вашей провинции есть незахороненные трупы, необходимость их захоронения должна быть немедленно и настоятельно доведена до всех соответствующих инстанций. Если окажется, что трупы оказались незахороненными в определенных местностях, ответственные гражданские чиновники должны быть отстранены от исполнения обязанностей», и Министерство надлежит постоянно информировать о ситуации [139]. Содержание этой телеграммы практически идентично с телеграммой от 11 января 1916 г., предоставленной Наимом. Очевидно, в декабре и январе очистка дорог от тел стала одной из основных задач на ежедневной повестке дня правительства.

Однако, несмотря на ряд указов, направленных в провинции, задача по очистке дорог от трупов и их сокрытие оказалась сложнее, чем предполагалось. Трупам изобиловали не только поля и пустыри в окрестностях дорог, но и водные пути, в особенности, река Тигр. Число трупов в Тигре было столь велико, что те, которые были брошены в воду близ Диярбекира достигли Мосула. Германские офицеры и чиновники, путешествующие по регионам, проезжали, в частности, через села, которые использовались как «поля смерти». Так, например, Холштейн, консул Германии в Мосуле, встретил на своем пути множество тел, которые были «лишь наполовину захоронены». Во многих местах трупы не только не были захоронены, их оставляли в церквях или вышвыривали в баки для дождевой воды. Письменные донесения и фотографии подобных сцен, сделанные этими чиновниками, регулярно отсылались в посольство в Стамбуле. Из направляемых Порте дипломатических нот становится очевидным,

что воздействие эти донесения и фотографии имели огромное[140].

Османские государственные чиновники в конце концов заключили, что простой запрет на фотографирование этих сцен в провинциях неэффективен, и стали угрожать гражданским и военным представителям Германии арестами и привлечением их к суду как военных преступников. В этом процессе Джемал-паша играл ведущую роль. Получив сообщения о том, что германский персонал Багдадской железной дороги фотографирует депортации армян, он 10 сентября 1915 г. направил письмо начальнику железнодорожной компании, сообщая, что, по имеющимся у него сведениям, «некоторые сотрудники и инженеры» Багдадской железной дороги «фотографировали процесс переселения армян», с требованием в течение 48 часов передать военной полиции все сделанные этими сотрудниками и инженерами фотографии со всеми копиями. Кроме того, командующий Четвертой армией открыто выступил с угрозой чиновникам Германии, заявив, что «те, кто не сдадут имеющиеся фотографии, предстанут перед судом за несанкционированную фотосъемку на поле боя и будут наказаны» [141].

Расследование в отношении вызывающих подозрение армян в Дортйоле и Ачине

В своих воспоминания Наим упоминает множество событий, подобных тем, которые мы здесь рассматриваем. Кроме прочего, он упоминает расследования, проводимые в регионах Дортйол и Ачин в отношении нескольких армян, которые вызывали подозрения, и которые, предположительно, производили фотосъемку вдоль депортационных маршрутов и высылали материалы в Стамбул. Приводится лишь один подобный пример.

Наим включил в свои мемуары телеграмму Талаата от 25 октября 1915 г., в которой министр приказывает «в течение недели собрать и выслать документы, запрошенные в секретном сообщении за номером 1923 от 8 октября 1915 г.» [142]. Наим не предоставил официального документа, о котором пишет Талаат, но он приводит подробное резюме по памяти:

«В этих секретных сообщениях предписывалось найти и подкупить некоторых [видных] армян из Дортйола, Ачина и Мерсина [для] получения от них собственноручно написанных и подписанных заявлений о том, что “[Дашнаки] провели подготовительную работу и везде создана [необходимая] сеть для начала восстания во время войны”. Особенно подчеркивалось, что эти лица должны непременно быть известными [видными] деятелями» [143].

Наим также утверждает, что на этот счет было проведено несколько расследований и сообщает следующие дополнительные сведения:

«В этот период времени был арестован ряд лиц, которых заключили в тюрьму. Знаю, однако, что показания записывались комиссией, состоящей из представителей военного трибунала и Министерства юстиции, а также Эюба-бея, директора [Канцелярии] по делам иммигрантов [и расселению беженцев]. Этим [арестованных] людей даже сфотографировали.

Об окончательных результатах мне неизвестно». [144].

В османских архивах множество разнообразной документации о расследованиях, которые велись в отношении армянских революционеров в регионах Дортйол и Ачин. Как и утверждает Наим, Министерство внутренних дел приказало подготовить рапорты о деятельности тех жителей этих регионов, которые подозреваются в членстве в армянских революци-

онных организациях, сфотографировать подозреваемых и отправить фотографии в столицу [145]. Так, к примеру, в депеше Министерства внутренних дел провинции Алеппо от 19 марта 1916 г. содержится просьба «выслать [в столицу] фотографии захвата и ареста армянских бандитов в местности Сулейманли, наряду с фотографиями, показывающими их бесчинства» [146]. Правительство даже направило в регион Эсата-бея, директора Второго департамента, чтобы тот лично удостоверился в сборе фотографий [147].

В течение весенних месяцев в Алеппо постоянно поступали телеграммы с указаниями сфотографировать вызывающих подозрения армян в регионах Адана, Мараш и Алеппо (который включает в себя местности Дортйол и Ачин) и выслать снимки в столицу. Наим говорит об этом в контексте депеш, полученных Канцелярией по депортациям в тот период, когда он там работал (зима 1915 и весна 1916 гг.). Помимо уже упомянутой депеши от 19 марта, телеграммы на ту же тему поступали в Алеппо из центра непрерывным потоком. Приведем лишь три примера. Сообщением от 3 мая 1916 г. центральные власти запрашивают «информацию о результатах расследования в отношении армянских вооруженных банд» [148]; спустя пять дней поступает просьба о «подготовке, сборе и отправке [в столицу] фотографий захваченных членов армянских вооруженных банд, тех, кто их поддерживает и дает кров, конфискованного оружия, и пр.» [149], а далее – телеграмма от 9 мая 1916 г. с повторной просьбой «сделать фотографии армянских банд и выслать их [в столицу] наряду с подробным отчетом о результатах разворачивающегося расследования» [150].

Какими были результаты этого расследования? Как следует из рассказов Наима, некоторые лица были арестованы и их показания были записаны, но «об [окончательных] результатах» ему узнать не удалось. Если вспомнить, что Наим оставил свою должность в

Канцелярии по депортациям летом, становится понятным, почему он не в курсе результатов следствия, поскольку в этот период центральные власти выражали свою обеспокоенность результатами расследования. 13 июля 1915 г. Талаат выслал в Алеппо телеграмму, освещаясь, «когда следует ожидать завершения судов над главарями и выдающимися членами революционного комитета, переданными трибуналу, а также теми членами банд, которые сдались и были депортированы». Талаат также просил информировать его лично «о результатах расследования и проведенных по сей день процессах военного трибунала» [153].

Вкратце, в своих мемуарах Наим-эфенди представляет свои воспоминания о событиях, непосредственным свидетелем которых он являлся, и сообщаемые им сведения подтверждаются различными документами из османских архивов.

Примечания

1. Naim Efendi, *Hatırat* [11].
2. BOA.DH.ŞFR., 62/5, Шифрованная телеграмма от 14 марта 1916 г. от Талаата провинции Алеппо. Следует отметить, что некоторые армянские имена, очевидно, были написаны неверно.
3. Naim Efendi, *Hatırat* [02].
4. BOA.DH.EUM., 2.Şube, 57/12. Мы использовали этот документ как общий источник информации. Однако кроме него в архивах хранится еще 10 документов, связанных с попытками Налбандяна оказать посредничество в судьбе своих родственников (в особенности брата). Эти документы см. BOA.EUM., 2.Şube, 37/01; BOA. DH.ŞFR., 56/366; 57/297; 61/94; 61/282.
5. BOA.DH.ŞFR., 56/366, Шифрованная телеграмма от 12 октября 1915 г. от Министра внутренних дел Талаата провинции Алеппо.

6. BOA.DH.EUM., 2.Şube, 57/12.

7. Там же.

8. Aram Andonian, Medz Vojirë, 31.

9. BOA.DH.ŞFR., 55/19, Шифрованная телеграмма от 15 августа от 1915 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинциям Эрзерум, Адана, Анкара, Битлис, Халеп, Худавендигар (Бурса), Диярбекир, Сивас, Трапезунд, Конья, Мамуретулазиз (Элазыг) и Ванд, а также провинциальным районам Урфа, Измит, Джанык, Кареси, Карахисари Сагиб (Афйон Карахисар), Кайсери, Мараш, Нигде и Эскишехир.

10. BOA.DH.ŞFR., 54-A/339, Шифрованная телеграмма от 9 августа 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциальному району Измит.

11. BOA.DH.ŞFR., 56/291, Шифрованная телеграмма от 5 октября 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинции Адана.

12. BOA.DH.ŞFR., 56/345, Шифрованная телеграмма от 10 октября 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциальному району Карахисари Сагиб (аналогичную телеграмму в Афьон см: BOA.DH.ŞFR., 58/151).

13. BOA.DH.ŞFR., 57/29; 57/121 ve 58/4, Шифрованные телеграммы от 16 октября и 14 ноября 1915 г., адресованные Министерством внутренних дел провинции Конья.

14. BOA.DH.ŞFR., 58/149, Шифрованная телеграмма от 28 октября 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинции Айдын.

15. BOA.DH.ŞFR., 58/224, Шифрованная телеграмма от 9 декабря 1915 г., адресованная министром внутренних дел Талаатом провинции Конья (Аналогичную телеграмму по той же теме см. BOA.DH.ŞFR., 57/136).

16. BOA.DH.ŞFR., 56/301, Шифрованная телеграмма от 5 октября 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинции Алеппо.

17. BOA.DH.ŞFR., 58/6, Шифрованная телеграмма от 14 ноября 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинции Алеппо.

18. BOA.DH.ŞFR., 499/49, Шифрованная телеграмма от 30 ноября, адресованная губернатором Алеппо Мустафой Абдулхаликом Министерству внутренних дел.

19. Имя депутата парламента во многих документах и источниках написано как «Гиралакян», но мы придерживаемся того же написания, что и в тексте: «Гирлакян».

20. BOA.DH.ŞFR., 55/3, Шифрованная телеграмма от 15 августа 1915 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

21. BOA.DH.ŞFR., 57/103, Шифрованная телеграмма от 24 октября 1915 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

22. BOA.DH.ŞFR., 63/229, Шифрованная телеграмма от 7 мая 1916 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинциальному району Урфа.

23. BOA.DH.ŞFR., 64/61, Шифрованная телеграмма от 18 мая 1916 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

24. BOA.DH.ŞFR., 62/4, Шифрованная телеграмма от 14 марта 1916 г., адресованная министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

25. BOA.DH.ŞFR., 62/9, Шифрованная телеграмма от 14 марта 1916 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинциальному району Дер-Зор.

26. BOA.DH.ŞFR., 62/177, Шифрованная телеграмма от 30 марта 1916 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

27. BOA.DH.ŞFR., 64/145, Шифрованная телеграмма от 29 мая 1916 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

28. BOA.DH.ŞFR., 65/4, Шифрованная телеграмма от 14 июня 1916 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

29. Другие примеры см.: BOA.DH.ŞFR., 74/253; 75/218; 77/140; 78/1, 78/2; 82/138.

30. BOA.DH.ŞFR., 56/162, Шифрованная телеграмма от 25 сентября 1915 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

31. BOA.DH.ŞFR., 56/282, Шифрованная телеграмма от 4 октября 1915 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

32. BOA.DH.ŞFR., 58/17, Шифрованная телеграмма от 15 ноября 1915 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Сирия.

33. BOA.DH.ŞFR., 59/203, Шифрованная телеграмма от 4 января 1916 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

34. BOA.DH.ŞFR., 60/38, Шифрованная телеграмма от 16 января 1916 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

35. BOA.DH.ŞFR., 506/66, Шифрованная телеграмма от 23 января 1916 г., адресованная губернатором Алеппо Му-стафой Абдухаликом Министерству внутренних дел.

36. BOA.DH.ŞFR., 71/27, Шифрованная телеграмма от 18 декабря 1916 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

37. BOA.DH.ŞFR., 73/74, Шифрованная телеграмма от 19 февраля 1917 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

38. BOA.DH.ŞFR., 74/92, Шифрованная телеграмма от 10 марта 1917 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

39. Там же.

40. С 15 мая 1915 г., когда первые депортационные караваны достигли Алеппо, и в течение всего периода в Сирии оставались тысячи осиротевших армянских детей, вопрос, что с ними делать, становился все более серьезным. Вначале, с разрешения Джемала-паши в регионах под контролем Четвертой армии, в первую очередь, в Алеппо, создавались приюты. Эти сиротские приюты, большая часть из которых существовала благодаря усилиям армянских и международных благотворительных организаций, были в конечном итоге закрыты, и дети были отправлены на верную смерть. Подробности см. Nazan Maksudyan, *Orphans and Destitute Children in the Late Ottoman Empire* (Syracuse: Syracuse University Press, 2014); Khatchig Mouradian, «Genocide and Humanitarian Resistance in Ottoman Syria, 1915–1917» (PhD diss., Clark University, 2016); Vahram L. Shemmassian, «The Reclamation of Captive Armenian Genocide Survivors in Syria and Lebanon at the End of World War I», *Journal of the Society for Armenian Studies*, 15 (2006), стр. 113–140; Shemmassian, «Humanitarian Intervention by the Armenian Prelacy of Aleppo during the First Months of the Genocide», *Journal of the Society for Armenian Studies*, 22 (2013), стр. 127–153. Hatirat, стр. 32–33.

42. Hilmar Kaiser, *At the Crossroads of Der Zor: Death, Survival, and Humanitarian Resistance in Aleppo, 1915–1917* (Princeton and London: Gomidas Institute, 2002), стр. 52–54.

43. Hatirat, стр. [13]–[14].

44. Там же, [31], оригинальный снимок документ см. Aram Andonian, *Medz Vojirë*, стр. 191.

45. BOA.DH.ŞFR., 503/91, Шифрованная телеграмма от 10 февраля 1916 г., адресованная [алеппским] губернатором Мустафой Абдухаликом Министерству внутренних дел.

46. BOA.DH.ŞFR., 500/75, Шифрованная телеграмма от 7 декабря 1915 г., адресованная [алеппским] губернатором Мустафой Абдухаликом Министерству внутренних дел.

47. BOA.DH.ŞFR., 508/30, Шифрованная телеграмма от 6 февраля 1916 г., адресованная [алеппским] губернатором Мустафой Абдухаликом Министерству внутренних дел.

48. BOA.DH.ŞFR., 61/18, Шифрованная телеграмма от 15 февраля 1916 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

49. BOA.DH.ŞFR., 61/20, Шифрованная телеграмма от 15 февраля 1916 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо. Стремление выслать армянских детей в Стамбул было типично не только для Алеппо. Аналогичные жалобы и требования поступали и из других провинций, и, как и в случае Алеппо, Талаат точно так же отказал в просьбах выслать армянских сирот в Стамбул, приказывая распределить их по соседним провинциям. Дешеш с отказом в такой просьбе провинции Кайсери см: BOA.DH.SFR., 520/12 (17 мая 1916) and 64/82 (20 мая 1916).

50. BOA.DH.EUM, 2.Şube., 19/43-1, Шифрованная телеграмма от 2 апреля 1916 г., адресованная губернатором Алеппо Мустафой Абдухаликом Министерству внутренних дел.

51. BOA.DH.ŞFR., 520/31, Шифрованная телеграмма от 18 мая 1916 г., адресованная губернатором Алеппо Мустафой Абдухаликом Министерству внутренних дел.

52. Там же.

53. BOA.DH.ŞFR., 66/229, Шифрованная телеграмма от 13 августа 1916 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

54. BOA.DH.ŞFR., 509/104, Шифрованная телеграмма от 17 февраля 1916 г., адресованная губернатором Сиваса Муаммером Министерству внутренних дел.

55. BOA.DH.ŞFR., 538/114, Шифрованная телеграмма от 1 декабря 1916 г., адресованная губернатором Алеппо Мустафой Абдухаликом Министерству внутренних дел.

56. BOA.DH.ŞFR., 541/45, Шифрованная телеграмма от 26 декабря 1916 г., адресованная губернатором Алеппо Мустафой Абдухаликом Министерству внутренних дел.

57. BOA.MF.MKT. 1221/81, Записка, датированная 11 декабря 1916 г., от Министра внутренних дел Талаата Министерству образования.

58. BOA.MF.MKT. 1221/81, Записка, датированная 25 декабря 1916 г., от Министерства образования Министерству внутренних дел.

59. BOA.MF.MKT. 1221/81, Записка, датированная 4 января 1917 г., от Министра внутренних дел Талаата Министерству образования.

60. DE/PA-AA/R14096, Рапорт от 16 марта 1917 г., поданный консулом Германии в Алеппо Ресслером канцлеру Бетманну Холвегу; [http://www.armenocide.net/armenocide/armgende.nsf/\\$AllDocs/1917-03-16-DE-001](http://www.armenocide.net/armenocide/armgende.nsf/$AllDocs/1917-03-16-DE-001) (дата доступа 4 апреля 2016 г.).

61. Genelkurmay Başkanlığı, Arşiv Belgeleriyle, Cilt VIII, стр. 133.

62. Hans Lukas Kieser, *A Question for Belonging: Anatolia Beyond Empire and Nation (19th–21st Centuries)* (Istanbul: ISIS Press, 2007), стр.224.

63. Соответствующую корреспонденцию см.: BOA.DH.EUM., 5.Şb, 50/15.

64. Там же.

65. На фотокопии документа видна дата «2 Kanuni Evvel 1331» (25 декабря 1915 г.). Однако в своих мемуарах Наим-эфенди прописывает датой «12 Kanuni Sani 1332» (25 декабря 1917 г.).

66. Мемуары, [26].

67. Мемуары, [11].

68. Aram Andonian, *Medz Vojirë*, стр.197.

69. BOA.DH.ŞFR., 66/136, шифрованная телеграмма от 4 августа 1916 г., адресованная Министром внутренних

дел провинции Алеппо. «Приказом какого органа командир канцелярии снабженческой поддержки в Мескене основал сиротский приют? Представьте четкие объяснения тому, какой именно орган взял на себя расходы, каков объем его деятельности и значимость».

70. Genelkurmay Başkanlığı, Arşiv Belgeleriyle, Cilt VII, стр. 73–75. В показаниях в ходе следствия время указывалось как «начало июня» и «3 июля».

71. BOA.DH.ŞFR., 74/15, шифрованная телеграмма от 1 марта 1917 г., адресованная Министерством внутренних дел провинции Алеппо.

72. Raymond Kévorkian, Soykırımın İkinci Safhası, стр. 251. Информация почерпнута из «секретных газет», которые использовались армянами в лагерях для коммуникации друг с другом. Выжившие записывали свои рассказы на клочках бумаги, чтобы другие их могли прочитать и узнать, что им довелось пережить. Передачу этих записок поручали в основном маленьким детям, за движением которых не так пристально следила охрана и остальные.

73. Raymond Kévorkian, Soykırımın İkinci Safhası, стр. 280, 311.

74. Aram Andonian, Medz Vojirë, стр. 109.

75. BOA.DH.ŞFR., 73/8, Шифрованная телеграмма от 14 февраля 1917 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

76. BOA.DH.ŞFR., 73/58, Шифрованная телеграмма от 22 февраля 1917 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

77. BOA.DH.ŞFR., 545/91, Шифрованная телеграмма от 25 февраля 1917 г., адресованная губернатором Алеппо Мустафой Абдухаликом Министерству внутренних дел.

78. Raymond Kévorkian, Soykırımın İkinci Safhası, стр. 280, 311.

79. Мемуары [23].

80. Там же, [27].

81. Там же, [28].

82. Aram Andonian, Medz Vojirë, стр. 60.

83. Мемуары, [29].

84. BOA.DH.EUM., 2.Şb., 73/61ve BOA.DH.ŞFR., 666/122, Шифрованная телеграмма от 6 ноября 1915 г.,

адресованная губернатором провинции Адана Исмаилом Хакки-беем Министерству внутренних дел. BOA.DH.EUM., 2.Şb., 73/60-01, Шифрованная телеграмма от 9 ноября 1915 г., адресованная главой районной администрации Османийе Фетхи Министерству внутренних дел.

85. Примеры депеш, высланных в провинции, с указаниями не депортировать армян, работающих на железной дороге, а оставить их на месте см. BOA. DH.ŞFR., 55/48, 287, 318; 54-A/307.

86. Три примера таких депеш, высланных в августе и сентябре 1915 г. – BOA.DH.ŞFR., 482/30; 488/80 и 489/99.

87. BOA.DH.ŞFR., 56/77, Шифрованная телеграмма от 19 сентября 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциям Конья, Анкара, Худавендигар (Бурса), Адана и провинциальным районам Измит, Карахисари Сагиб, Кутахья, Эскишехир и Нигде.

88. BOA.DH.ŞFR., 490/95, Шифрованная телеграмма от 25 сентября 1915 г., адресованная Директором по делам иммигрантов и расселению беженцев в Алеппо Шукрю-беем Министерству внутренних дел.

89. BOA.DH.ŞFR., 56/232, Шифрованная телеграмма от 29 сентября 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинции Алеппо.

90. Более подробную информацию о решении комиссии см: Krikor Guerguerian Archive, 07, «02-Andonian Analysis Dossier IX» [.pdf, стр. 117–128].

91. BOA.DH.ŞFR., 492/129 ve 493/62, Шифрованные телеграммы от 9 и 13 октября 1915 г., адресованные Джемалом-пашой Министерству внутренних дел.

92. BOA.DH.ŞFR., 58/25, Шифрованная телеграмма от 16 ноября 1915 г. адресованная Министерством внутренних дел Директору по делам иммигрантов и расселению беженцев в Алеппо Шукрю-бею .

93. BOA.DH.EUM.2.ŞB 73/64, Письменное сообщение от 8 декабря 1915 г., адресованное Военным комиссаром Багдадской железной дороги Генеральной дирекции безопасности в Стамбуле.

94. BOA.DH.ŞFR., 479/19, Шифрованная телеграмма от 11 ноября 1915 г., адресованная Директором по делам беженцев [и расселению иммигрантов] (Muhacirin Mûdürü) Шукрю-беем Министерству внутренних дел.

95. BOA.DH.ŞFR., 58/223, Шифрованная телеграмма от 9 декабря 1915 г., адресованная Министерством внутренних дел провинции Адана.

96. BOA.DH.ŞFR., 501/42, Шифрованная телеграмма от 14 декабря 1915 г., адресованная губернатором Мустафой Абдулхаликом Министерству внутренних дел.

97. BOA.DH.ŞFR., 506/64, Шифрованная телеграмма от 23 января 1916 г., адресованная губернатором Алеппо Мустафой Абдулхаликом Министерству внутренних дел.

98. Подробности о попытках железнодорожной компании остановить депортации армян, см. H. Kaiser, «The Baghdad Railway», стр. 67–112.

99. Все подробности этой истории рассказаны в книге Григориса Балакяна, «Armenian Golgotha», главы 11–13, 77–95.

100. BOA.DH.ŞFR., 60/45, Шифрованная телеграмма от 16 января 1916 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциям Алеппо, Адана, Конья и Анкара, провинциальным районам Эскишехир и Измит.

101. BOA.DH.ŞFR., 60/157, Шифрованная телеграмма от 29 января 1916 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциям Адана и Алеппо.

102. BOA.DH.ŞFR., 61/1, Шифрованная телеграмма от 13 февраля 1916 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциям Адана и Алеппо.

103. BOA.DH.ŞFR., 63/23, Шифрованная телеграмма от 17 апреля 1916 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциям Анкара, Конья, Худавендигар (Бурса), Адана и Алеппо, провинциальным районам Измит, Эскишехир, Карахисари Сагиб, Кутахья и Нигде.

104. BOA.DH.ŞFR., 516/81, Шифрованная телеграмма от 19 апреля 1916 г., адресованная губернатором Алеппо Мустафой Абдулхаликом Министерству внутренних дел.

105. BOA.DH.ŞFR., 61/17, Шифрованная телеграмма от 15 февраля 1916 г., адресованная Министерством внутренних дел [командующему Четвертой армии] Джемалу-паше.

106. BOA.DH.ŞFR., 506/48, Шифрованная телеграмма от 22 января 1916 г., адресованная губернатором Аданы Хакки Министерству внутренних дел.

107. BOA.DH.ŞFR., 510/69, Шифрованная телеграмма от 22 февраля 1916 г., адресованная Джемалом-пашой Министерству внутренних дел.

108. BOA.DH.ŞFR., 61/128, Шифрованная телеграмма от 27 февраля 1916 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциям Адана и Алеппо.

109. Относительно даты назначения см. BOA.MV., 241/287, проект (layiha), от 9 марта 1916 г., а также: BOA.DH.İ.MMS. 201/25, Имперский указ от 11 февраля 1916 г. На самом же деле Джевдет прибыл в Алеппо задолго до его реального назначения на должность губернатора провинции. В армянской версии мемуаров, Антонян отмечает его присутствие в Алеппо в феврале [Medz Vojirë, стр. 52]. Это подтверждает официальный документ из османского архива. См., например, BOA.DH.ŞFR., 61/197, шифрованная телеграмма от 6 марта 1916 г., адресованная министром внутренних дел Талаатом губернатору провинции Ван Джевдету (который находился в Алеппо).

110. BOA.DH.ŞFR., 523/54, Шифрованная телеграмма от 18 июня 1916 г., адресованная губернатором [Аданы] Джевдетом Министерству внутренних дел.

111. BOA.DH.ŞFR., 515/88, Шифрованная телеграмма от 31 марта 1916 г., адресованная губернатором Мустафой Абдухаликом Министерству внутренних дел.

112. Natirat [23–24].

113. Natirat [23].

114. Эти сведения почерпнуты из: BOA.DH.2.Şube, 29/43.

115. BOA.DH.2.Şb., 30/7, Шифрованная телеграмма от 31 октября 1916 г., адресованная губернатором Алеппо Министерству внутренних дел.

116. BOA.DH.2.Şube, 29/43.

117. Там же.

118. В качестве примера, следующий документ показывает обеспокоенность (и последующую переписку) османского правительства по поводу репортажа в одной из берлинских газет, где говорилось, что было убито свыше миллиона армян, из которых 100 тыс. были католиками (в том числе, четыре епископа): HR.SYS., 02883/6.

119. Aram Andonian, *Medz Vojirë*, стр. 136, 141–143, 146. В том тексте мемуаров, который имеется в нашем распоряжении, телеграммы нет, однако, в издании Антоняна имеется ее фотокопия. В телеграмме также упоминается имя Наима. Мы перевели текст с фотокопии: «Американские консульства в различных регионах заполучили определенную информацию о том, как депортировались некоторые известные лица [армяне]; из меморандума, присланного нам американским посольством в Стамбуле по прямому указанию правительства, мы заключили, что сбор этих сведений проводится тайно. И хотя ответным меморандумом мы уведомили их, что депортации производятся в атмосфере безопасности и покоя, этого было недостаточно, чтобы их убедить. Потому вам надлежит проявлять осторожность при депортациях в больших и малых городах или вокруг населенных пунктов, избегая привлечения внимания, дабы убедить странствующих в тех краях иностранцев, что целью депортаций является лишь переселение. Для достижения этого необходимо временное проявление сострадания для политических целей, а обычные известные вам меры (убийства) должны применяться лишь в соответствующих местах. Лица же, осуществляющие наблюдения за местностями, должны быть взяты под арест под различными предлогами и предстать перед военным трибуналом».

120. Мемуары [22]. Согласно Антоняну, упомянутым репортером армянской газеты «Жаманак», о котором говорится в документе, был Ерванд Отян. Фотографом был Мэтью Ерецян (Матеос Йерецян), секретарь архиепископа Алеппо; человеком же, доставившим эти и прочие документы американскому консулу Джексону, был Арам Гюлян. Aram Andonian, *Medz Vojirë*, стр. 146–147.

121. Мемуары [22].

122. Ara Sarafian (ed.), *United States Official Records on the Armenian Genocide 1915–1917* (London: Gomidas Institute, 2004), стр. 386.

123. Примеры см.: BOA/DH.ŞFR., 59/40, 46, 47, 48; 76/42, 43-1, 44, 210.

124. Примеры см.: BOA/DH.ŞFR., 60/178, 281; 62/90, 129, 181;

65/25; 69/210; 72/18; 74/66.

125. BOA/DH.ŞFR., 62/210.

126. BOA/DH.ŞFR., 61/32, Шифрованная телеграмма от 13 февраля 1916 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциям Алеппо, Адана, Мосул и Диярбекир, провинциальным районам Урфа и Дер-Зор.

127. BOA/DH.EUM. 2.Şb., 73/42, официальное коммюнике цензора Артина Департаменту цензуры от 20 сентября 1915 г.

128. BOA/DH.ŞFR., 492/41, Шифрованная телеграмма от 5 октября 1915 г., адресованная губернатором Бекир Сами Министерству внутренних дел.

129. BOA/DH.ŞFR., 492/41. 130. BOA/DH.ŞFR., 508/29, Шифрованная телеграмма от 6 февраля 1916 г., адресованная губернатором Мустафой Абдулхаликом Министерству внутренних дел.

131. BOA/DH.ŞFR., 61/226, Шифрованная телеграмма от 8 марта 1916 г., адресованная Министром внутренних дел Талаатом провинции Алеппо.

132. BOA.DH.ŞFR., 513/34, Шифрованная телеграмма от 16 марта 1916 г., адресованная губернатором Мустафой Абдулхаликом Министерству внутренних дел.

133. Мемуары [24].

134. Там же, [10]. Телеграмма датирована 2 февраля 1917 г., тогда как лагерь в Бабе был опустошен либо в январе, либо в феврале 1916 г. Следует предположить, что год указан неверно, должен стоять 1916 г. Поскольку фотокопией документа мы не обладаем (Антонян ее не опубликовал), возможности подтвердить и исправить дату у нас нет.

135. Aram Andonian, Medz Vojirë, стр. 97–98. Этих пояснений Наима нет в имеющейся у нас версии мемуаров. BOA.DH.ŞFR., 510/95, шифрованная телеграмма от 24 января 1916 г., адресованная главой районной администрации Дер-Зор [Али] Суатом Министерству внутренних дел.

137. DH.EUM. 2.Şb. 74/30-01, Рапорт Министерству внутренних дел от 30 октября 1916 г., [автор неясен]. Из текста рапорта становится ясно, что его написал чиновник, откомандированный в Мескену, Ракку и Дер-Зор для решения различных проблем, связанных с депортациями.

138. Takvim-i Vekayi, no. 3540, 5 мая 1919. Обвинительное заключение было зачитано на первом заседании суда, 27 апреля 1919 г.

139. Там же.

140. Там же.

141. Архив Григора Гергеряна, 24 Krieger 02, 01 ящик V 01, PDF стр. 334. Гергерян получил этот документ в архивах Армянской патриархии Иерусалима; он хранится в ящике M578 с прочими документами из того же источника.

142. Hilmar Kaiser, *The Extermination of Armenians in the Diarbekir Région* (Istanbul: Bilgi University Press, 2014), стр.189, 348–350.

143. DE/PA-AA/BoKon/170, Приложение 1 к донесению консула Германии в Алеппо Ресслера посольству Германии в Стамбуле от 27 сентября 195 г. [http://www.armenocide.net/armenocide/armgende.nsf/\\$AllDocs-de/1915-09-27-DE-014?OpenDocument](http://www.armenocide.net/armenocide/armgende.nsf/$AllDocs-de/1915-09-27-DE-014?OpenDocument) (дата доступа: 13 февраля 2016 г.).

144. Мемуары [08].

145. Там же, [08]–[09].

146. Там же, [09].

147. Запрос фотографий и прочих документов, свидетельствующих об убийствах и бесчинствах «армянских революционеров» в Анатолии были важным элементом политики правительства. Османское правительство опубликовало эти фотографии и документы в 1916 г. в труде, известном под названием «Белая книга». Новое издание этого труда см. Erdoğan Cengiz (ed.), *Ermeni Komitelerinin Âmâl ve Harekât-ı İhtilâliyesi; İlân-ı Meşrutiyetten Evvel ve Sonra* (Ankara: Başbakanlık Basımevi 1983). Подробности о запрашиваемой в регионах документации см. BOA.DH.ŞFR., 54-A/213; 55/150; 56/382.

148. BOA.DH.ŞFR., 62/57, Шифрованная телеграмма от 19 марта 1916 г., адресованная Министерством внутренних дел провинциальному району Мараш.

149. BOA.DH.ŞFR., 59/127; 63/263, 272, 282 Эсат-бей, позднее взявший фамилию Урас, в дальнейшем опубликовал известную работу *Tarihte Ermeniler ve Ermeni Meselesi* (Ankara: Türkiye Matbaacılık Ve Gazetecilik A.Ö, 1950). Этот труд стал одним из основных источников информации, обосновывающих турецкую «официальную версию» истории того времени.

150. BOA.DH.ŞFR., 63/185, Шифрованная телеграмма от 3 мая 1916 г., адресованная Министерством внутренних дел провинции Алеппо.

151. BOA.DH.ŞFR., 63/241, Шифрованная телеграмма от 8 мая 1916 г., адресованная Министерством внутренних дел провинции Алеппо.

152. BOA.DH.ŞFR., 63/248, Шифрованная телеграмма от 9 мая 1916 г., адресованная Министерством внутренних дел провинции Алеппо.

153. BOA.DH.ŞFR., 65/201, Шифрованная телеграмма от 13 июля 1916 г., адресованная Министерством внутренних дел провинции Алеппо.

Приложение А

Единой и полной версии сборника Наима эфенди в нашем распоряжении нет. У нас имеются два разных текста. Один из них – написанный на османо-турецком языке оригинал, обнаруженный нами в архиве Гергеряна, а второй – сборник выдержек, опубликованный Арамом Антоняном. Османо-турецкий оригинал и опубликованные Антоняном выдержки идентичны, но есть и расхождения.

Так, Антонян опустил несколько страниц исходного материала на османо-турецком, посчитав их малозначительными. Есть и несколько страниц, опубликованных Антоняном, но отсутствующих в исходнике. Нам известно, почему этих страниц нет в османском исходнике: Антонян высылал их в Стамбул на экспертизу.

Таким образом, в Приложении А.1 представлен полный перевод исходного текста на османо-турецком. В Приложении А.2 представлены те выдержки, опубликованные Антоняном, которых нет в османском оригинале. Конечно, есть и совпадающие в обоих документах тексты. В этом случае мы опирались на османо-турецкий оригинал, поскольку Антонян перевел текст на армянский язык. Сопоставив эти два документа, можно утверждать, что мы обладаем полной версией записей Наима эфенди.

Приложение А.1:
Переведено с османского оригинала текста
Наима-эфенди

(1) [01]

Сельчанин из Эль-Баба взял на воспитание двоих детей, десяти и восьми лет, у которых не было ни матери, ни отца, ни других родственников [1].

Спустя несколько дней он привез их в Алеппо, чтобы пошить им одежду. Дети были задержаны судьей (кади), солдатами и полицией. Расследование показало, что дети были из числа оставшихся без присмотра сирот.

В самом низу документов дела рукой Абдулахада Нури-бея записано: «Несмотря на то, что у детей действительно нет ни семьи, ни опекуна, их необходимо депортировать, так как, возможно, их родственники находятся в числе лиц, высланных в [Дер-]Зор».

Бумаги далее направляются губернатору [провинции]. Губернатор принимает решение «в соответствии» с [действующим порядком и процедурами]. Этих двух несчастных детей спас Хачатур-эфенди, служивший на тот момент помощником при канцелярии полицейского управления.

(2) [02]

Министр внутренних дел приказал Согомону Куйумджяну-эфенди, родственнику козанского депутата Налбандяна-эфенди, которого ранее выселили в Эль-Маара, поселиться в Алеппо, вняв просьбе самого Налбандяна. В ответ на приказ, доставленный в Канцелярию по делам иммигрантов [и размещения беженцев], Согомон-эфенди подал официальное заявление. Пометка внизу заявления гласит, что он должен поселиться в Эль-Маара [В его прошении о поселении в

Алеппо было отказано.] Спустя несколько дней вышел указ о всеобщем выселении из лагеря в Эль-Маара. Согомон-эфенди подал новое прошение. Несмотря на существование указа Министерства [внутренних дел], предписывающего его переезд в Алеппо, Абдулахад Нури-бей ответил Министерству, что «с той минуты, как этот человек покинул Эль-Маару и переехал сюда, он постоянно надоедает сотрудникам Канцелярии [по делам иммигрантов и размещения беженцев] и должен быть включен в списки лиц, подлежащих общей депортации». Губернатор провинции с этим согласился. Документы, подтверждающие эти события, находились в руках самого Согомона-эфенди. В руках одной несчастной одинокой женщины была обнаружена табличка с рисунками на тему независимости армян.

(3) [03]

Женщина и табличка были доставлены в Канцелярию [по депортации]. Табличке было уделено огромное внимание. Женщину спросили, где она купила табличку. Она ответила, что табличка у нее многие годы, и ей ничего не известно о смысле изображенных на ней сцен. Женщину пытали в специальном карцере в жандармерии на протяжении восьми–десяти дней. Не выдержав пыток и голода, она умерла.

Работники штаб-квартиры Полиции в этих преступлениях не участвовали. Начальник полиции Фикры-бей показал образец высочайшего патриотизма и чести в этом деле. Женщина по имени Антеплы Султан была управляющей портняжной мастерской, где работало 6-7 женщин. Все они были либо вдовами, либо юными девушками. Одну из работниц, девушку лет пятнадцати-шестнадцати, арестовала полиция. Когда она сообщила, где работает, рачительный офицер явился в мастерскую и арестовал всех работавших там женщин.

(4) [04]

Ее направили в Канцелярию по делам иммигрантов [и расселению беженцев]. Этих несчастных девушек и женщин, которые работали за медяки, чтобы обеспечить себе пропитание, арестовали под тем предлогом, что останься они в Алеппо, к ним присоединятся другие и помешают общей депортации. Так их выслали в лагерь в Карлыке, откуда и депортировали [дальше].

Это очень странный случай.

Одна семья из Мерзифона, что в районе Амасии, приняла ислам в родном городе за несколько дней до начала депортаций. Глава семьи в это время находился в Джоруме, и они его оповестили о переходе в мусульманство. Получив вести о смене вероисповедания жены и детей, отец семейства тоже принял ислам по месту пребывания. Но это не спасло их от депортации. Он прошел весь путь до Алеппо и здесь подал прошение. Поскольку он принял ислам в Джоруме, а семья – в Мезифоне, он просил позволить ему вернуться в родные края. Прощение было подано властям Мерзифона и Джорума. Хотя и было известно, что он принял ислам и сменил имя на Юсуф Зия, Абдулахад Нури-бей постановил: «Не имеет значения, сменил ли он вероисповедание, поскольку он не был освобожден от депортаций. Он был депортирован и, следовательно, должен последовать за своей семьей в [Дер-] Зор». Это решение утвердил губернатор провинции.

(5) [05]

Священник из Анкары был арестован в Джедыде в восемь часов вечера суперинтендантом полиции Баб-Уль-Фарака Февзи. Его доставили в Карлык [2], где он был застрелен. Священника похоронили на мусульманском кладбище недалеко от бараков. На другой день сообщение [об инциденте] поступило в Канцелярию по делам иммигрантов [и расселению беженцев].

Приказы по истреблению и изъятию ценностей и прочего имущества у армян, прибывающих из Сиваса, Харпута и других местностей, писались здесь [Алеппо] [и направлялись] в Канцелярию управляющего (каймакама) Румкале. Каймакам сформировал вооруженную банду из числа [местных] курдов, которая была направлена в Самсат. Колонны [депортированных] армян, направлявшихся в Бехисны путем «Адьяман» были вырезаны полностью. Людей выкидывали прямо в реку Евфрат. По данным официального донесения, только в Самсате и окрестностях курды-мародеры вырезали около 14 тысяч армян.

(6) [06]

Факсимиле шифрограммы Министерства внутренних дел под номером 603 от 18 ноября 1915 г.:

«Сообщается, что ряд мусульманских семей взяли к себе дом детей, про которых известно, что их родители были депортированы из провинций Сивас, Мамуретюлазиз и Диярбекир и погибли в пути. Эти семьи либо усыновили сирот, либо взяли в услужение. Настоящим, в форме всеобщего меморандума, предписывается собрать всех подобных детей во вверенных вам районах и направить их в поселения, а также провести с населением соответствующую разъяснительную работу».

Факсимиле шифрограммы Министерства внутренних дел за номером 502 от 16 сентября 1915 г.:

«Рекомендуется распространить меры, ранее примененные к мужской части определенного населения [армянам], в отношении их женщин и детей. Применением этих мер должны заниматься благонадежные чиновники». [3]

(7) [07]

Факсимиле шифрограммы Министерства внутренних дел под номером 537 от 12 октября 1915 г:

«Получены сообщения о том, что некоторые лица из числа местного населения и правительственных чиновников взяли в жены армянок. Настоятельно рекомендуем активно принять меры по предотвращению [подобных союзов] и депортировать этих женщин всех без исключения».

Факсимиле шифрограммы Министерства внутренних дел под номером 544 от 16 октября 1915 г:

«Соображения, по которым район [Дер-]Зор был выбран местом расселения, были разъяснены ранее, в конфиденциальном сообщении под номером 1843 от 15 сентября 1915 г. Поскольку общая преступность и правонарушения, осуществляемые местным населением в отношении известных [депортированных] лиц в ходе их перемещения, помогут достижению правительством своих целей, расследовать эти преступления нет нужды. Соответствующие рекомендации направлены районам [Дер-] Зор и Урфа».

(8) [08]

Факсимиле шифрограммы Министерства внутренних дел за номером 563 от 25 октября 1915 г.

«Просим в течение недели собрать и выслать документы, запрошенные в секретном сообщении под номером 1923 от 8 октября 1915 г.»

В этих секретных сообщениях предписывалось найти и подкупить некоторых [видных] армян из Дортйола, Ачина и Мерсина [для] получения от них собственноручно написанных и подписанных заявлений о том, что «[Дашнаки] провели подготовительную работу и везде создана [необходимая] сеть для начала восстания во время войны». Особенно подчеркивалось, что эти лица должны непременно быть известными [видными] деятелями.

(9) [09]

Хотя в ответ на эту телеграмму и были предприняты определенные меры, я не знаю, какие именно и кто именно этим занимался. В этот период времени был арестован ряд лиц, которых заключили в тюрьму. Знаю, однако, что показания записывались комиссией, состоящей из представителей военного трибунала и Министерства юстиции, а также Эюб-бея, директора [Канцелярии] по делам иммигрантов [и расселению беженцев]. Этих [арестованных] людей даже сфотографировали.

Об окончательных результатах мне неизвестно.

Жандармам было направлено указание внимательно следить за теми [депортированными], которые в пути были оставлены без еды и питья [4].

Факсимиле секретного сообщения под номером 344 от 2 февраля 1917 г., направленного из Канцелярии заместителя Главного управляющего по делам иммигрантов [и беженцев] Чрезвычайному управляющему депортаций в Эль-Бабе Мухарем-бею:

«Убежден, что вы цените оказанное вам Губернатором доверие, а также понимаете всю важность дела, таким образом вверенного вам».

(10) [10]

Ваша задача – не позволить ни одному армянину [остаться] в Эль-Бабе. Решимость и напор, которые вы проявите в [осуществлении] депортаций обеспечат результаты, к которым вы стремитесь. Удостоверьтесь только, что на дорогах и на открытой местности после вас не остается трупов. Вам надлежит также уведомить нас о максимальной оплате, которую вы выдадите нанятым для этих целей лицам.

Не утруждайте себя обеспечением транспортными средствами; они могут передвигаться пешком. Списки

погибших, которые поступают еженедельно, не могут считаться удовлетворительными. Из них следует, что эти лица живут достаточно неплохо. Депортация – это не увеселительное путешествие. Не следует уделять внимание или придавать значимость жалобам и крикам боли и горя. Надлежащие сообщения уже направлялись местными властями в канцелярию районного наместника. Необходимо подойти [к этому делу] с величайшим усердием».

(11) [11]

Несмотря на получение из Министерства [внутренних дел] указаний, предписывающих семьям Леона Амираляна, Тороса Чагласяна, семьям Дишчекеняна, Хезаребеняна и Чорбаджяна остаться и поселиться в Алеппо, провинциальные власти депортировали эти семьи, многие из членов которых погибли в пути. Хаммам в окрестностях Ракки стал адским средоточием смерти и унижений. Тяжелее всего приходилось женщинам и детям. Официальное досье с документами о том, что было известно о происходящем, находилось в руках заместителя главного управляющего Абдулехада Нури-бей. Ситуацию усугубил Хакки-бей. Он приказал в массовом порядке убить несколько сотен сирот, выживших в депортациях. Это дело он поручил бесчестному человеку из Румелии, известному по имени Ресул. Ни одна из самых аморальных человеческих черт не была чужда этому человеку, которого в свое время уволили из полиции. Он отличался любовью к убийствам, которые и стали для него важнейшим времяпрепровождением.

(12) [12]

При этом следует отметить, что эти роли почти никогда не отводились туркам, которые редко сами были задействованы в убийствах и зверствах. В основном

этим занимались другие – выходцы из Румелии, черкесы и чеченцы.

Четырьмя месяцами ранее в Румкале произошло следующее. Одна честная и невинная девушка из Сиваса, по имени Бинназ, в течение трех лет сопротивлялась насилию со стороны чиновников и местных мужчин. Во имя чести она никогда ни на кого не жаловалась. Наконец, на добродетель девушки посягнул и вновь прибывший наместник района (каймакам). Девушка поняла, что с этим посягательством ей не справиться, и бежала. Ей удалось добраться до Бехисни. В ответ наместник послал за ней отряд из восьми солдат. Он также писал наместнику в Бехисни, обвинив девушку в воровстве. Солдаты доставили девушку обратно.

(1)[13]

Копия сообщения, направленного губернатором Алеппо Министерству внутренних дел с жалобой на Али Суат-бея, главу районного правительства [Дер-Зор:

«Из рапорта заместителя Генерального директора по делам иммигрантов [и обустройству беженцев] Абдулахада Нури-бея, который недавно посетил Рас-ул-Айн, чтобы убедиться, что высланные туда армяне до сих пор там находятся, следует, что [обнаружено] сосредоточение тысяч армян, прибывших и поселившихся в небольшом, но стратегически важном уезде Рас-ул-Айна. Их не депортировали, ссылаясь на различные предлоги вроде «у нас недостаточно средств». Несмотря на многочисленные сообщения, прямо указывающие, что невыполнение указаний по депортации повлечет за собой ответственность и виновные будут наказаны, результатов не последовало.

Упомянутый господин удивительным образом преисполнен [чувством] причастности и стремлением защитить этих [обездоленных армян], настолько,

что как сообщают, он лично мыл и кормил детей и оплакивал несчастья, приключившиеся с их родителями. Таким образом, оказавшиеся там армяне обрели некоторое благосостояние и стали считать себя обязанными Али Суат-бею за такой поворот событий. Если ситуация будет оставаться такой и далее, она неизменно приведет к задержке их высылки из Алеппо. В силах Вашего превосходительства разрешить ситуацию надлежащим образом».

(5 января 1916)

Губернатор Мустафа Абдулхалик

Шифрограмма, направленная в канцелярию губернатора провинции Алеппо 28 января 1917 г.:

«Получены сведения, что дети [определенных лиц] были приняты в сиротские дома, открывшиеся в разных местах. По мнению государства, ничего, кроме вреда из проживания этих [детей], проистечь не может, и любой, кто пытается обеспечить, поддержать или пожалеть таких [детей], будь то в силу неспособности понять [всю серьезность] ситуации и пытаясь привлечь внимание к их беспомощности, или в попытке смягчить [серьезность ситуации], действует в конечном итоге вопреки четко изложенным пожеланиям правительства. Следовательно, настоящим предписывается не предпринимать никаких действий ни по устройству таких маленьких детей в приюты, ни по созданию для них новых приютов.

Министр внутренних дел Талаат»

(2) [14]

Копия шифрограммы, направленной Министерством внутренних дел в Канцелярию губернатора провинции Алеппо 14 декабря 1915 г.:

«В первую очередь надлежит попытаться истребить духovenство. Было бы величайшей ошибкой позво-

лить им беспрепятственно перемещаться и селиться в опасных районах, подобных Сирии и Иерусалиму. Наиболее подходящим местом размещения этих лиц, которые в силу характера склонны к заговорам против правительства, является то, где их возможно истребить. Рекомендуются выполнить в отношении них именно эти действия.

Министр внутренних дел Талаат»

Копия шифрограммы, направленной Министерством внутренних дел в Канцелярию губернатора провинции Алеппо 4 марта 1916 г.: [5].

«Заявленная армией потребность в ремесленниках и мастерах из числа [этих групп] определенных лиц и процедуры по их задействованию в работе были тщательно рассмотрены. Они не могут оставаться в городах, поскольку возможна их отправка в военные районы. Поскольку позволительно их использовать на строительстве дорог и за пределами [таких районов] в тех случаях, когда их семьи не включены во всеобщую депортацию, и учитывая особые указания, высланные Министерством внутренних дел и Командующим армии, обращаться с этими лицами надлежит согласно упомянутым и ранее присланным указаниям.

Министр внутренних дел»

(3) [15]

Копия шифрограммы, направленной Министерством внутренних дел главе районной администрации Уфы 21 сентября 1915 г.:

«Необходимости в таком сиротском приюте нет. Сейчас не время тратить время [и силы] на обеспечение [сирот] и сохранение их жизней из какого-то сострадания [к их невзгодам]. Мы с нетерпением ждем [ваших] рапортов об их депортации.

Министр внутренних дел»

Копия секретной депеши Министерства внутренних дел провинциальным властям Алеппо 22 октября 1915 г.:

«Права армян на турецкой земле, такие как право на жизнь и труд, были уничтожены, и никого не следует щадить, даже младенцев в колыбелях. Правительство целиком берет на себя ответственность за эту [ситуацию], и в некоторых провинциях уже были приняты эффективные меры [во исполнение данного указа]. Несмотря на это постановление, некоторые лица по секретным причинам временно удостоились исключительного отношения и не были высланы в места [окончательного] расселения; взамен они свободно расхаживают по Алеппо, создавая новые сложности для властей. По причине невежества материалистические интересы всегда торжествуют над патриотическими чувствами. Люди, которые не способны уяснить себе общую политику правительства на этот счет, не должны иметь возможности защитить или спасти этих людей.

(4) [16]

«Что касается изгнания этих лиц, никаких исключений или поблажек быть не должно ни в отношении женщин, ни детей, ни немощных. Не следует тратить времени: работайте с душой и не покладая рук, поскольку именно сила и скорость (şiddet ve hız), которые [вы] проявите, [и позволяют] истребить [этих людей] в силу тягот пути и лишений, тогда как в других местах это было достигнуто благодаря посредникам. Военное министерство выпустило общий приказ всем командующим армии, [оповещая их], что Канцелярия снабжения не должна вмешиваться в процесс депортаций. Сообщите участвующим в процессе чиновникам, что им нет нужды беспокоиться [по поводу] ответственности, а необходимо достичь истинной цели [операции].

Просим сообщать о достигнутых результатах еженедельно шифрограммой.

Министр внутренних дел Талаат»

Копия шифрограммы, направленной из Министерства внутренних дел в Канцелярию губернатора Алеппо, от 16 февраля 1917 г.:

«Делегация под руководством Мустафы Наил-бея, направленная в Урфу с заданием расследовать революционные настроения среди известных лиц и предоставить необходимые документы, должна, по завершению этих задач, оповестить секретным путем все заинтересованные стороны о необходимости содействовать и расширить их [имеется в виду комиссия] деятельность.

Министр внутренних дел Талаат»

Результатом работы делегации стало бы издание книги об армянах [6].

Копия шифрограммы от 13 августа 1916 г., направленной главой районной администрации [Дер-] Зора Зеки Канцелярии губернатора Алеппо:

«Я получил от Министерства [внутренних дел] указания, что, поскольку численность депортируемых уменьшается, выделенные под поселения территории должны измениться. В свете этого прошу сообщить, сколько еще продлится депортации.

Управляющий районом Зеки»

Копия шифрограммы посланной канцелярией губернатора Алеппо в канцелярию районной администрации Антепа 24 января 1917 г.

«Не позволяйте армянам – выходцам из Сиваса или Мамуретулазиза, которые расселены во вверенном вам районе, собираться в группы. Примените к ним меры в рамках известных и ранее высланных указаний, о достигнутых результатах сообщите.

Губернатор»

(6) [18]

Эта телеграмма была направлена тем, кто непосредственно убивал армян в указанной местности. Фраза «меры в рамках известных и ранее высланных указаний» подразумевает уничтожение.

Спустя семь дней от районного правителя Антепа было получено следующее сообщение в ответ на указания губернатора:

«24 января 1917 г.

В Канцелярию губернатора провинции Алеппо

Из сообщений районного руководства мы заключили, что известные лица, численностью 500 человек (по большей части женщины и дети), родом из названных провинций, должны быть поселены только в Румкале. Их выслали в сопровождении курдских отрядов в рамках известных и ранее высланных указаний по принятию мер для недопущения их возвращения)».

Фактически здесь говорится, что около пятисот армян, в основном женщины и дети, были убиты в соответствии с полученными указаниями. Об этом свидетельствуют слова «недопущения их возвращения» и «в сопровождении курдских отрядов».

(7) [19]

Копия шифrogramмы, написанной заместителем Генерального директора по делам иммигрантов [и расселения беженцев] и направленной Генеральному директору по расселению племен и иммигрантов (İş kân-ı Aşâir ve Muhacirîn Mûdürîyet-i Umumiyesi) 26 февраля 1916 г.: [7]

«За исключением прибывших в Сирию ремесленников и мастеров, до мест постоянного расселения еле доехали чуть более четверти депортированных армян, остальные погибли по дороге от естественных причин. Необходимо принять меры по ускорению депортации тех, кого по ряду причин изгнали из Алеппо».

Из этого сообщения становится очевидным, что исполнялись указания и пожелания центрального правительства, а именно Талаата-паши: армяне либо умирали, либо были убиты. Информация об этом составлялась на официальном уровне.

(1) [20]

«Хотя намерение истребить армянских подданных [империи], которые веками стремились расширить основы государственности и представляли серьезную угрозу для правительства, существовало давно, обстоятельства не были подходящими, и, следовательно, осуществить эту священную задачу не удавалось. Поскольку все препятствия [на пути к этой цели] устранены и настало время спасти родину от этих опасных элементов, необходимо трудиться, сознательно и с самоотдачей, не поддаваясь жалости и состраданию, во имя полного устранения наименования “армянин” в Турции, положив окончательный конец их существованию. Необходимо тщательно выбирать задействованных в этом деле чиновников, это должны быть люди чести и образцы порядочности.

Министр внутренних дел»

Это копия телеграммы, обнаруженная среди секретных документов заместителя генерального директора. Дата и адресат не указаны.

3/691

«В Канцелярию губернатора Алеппо

Попавшие к вам в руки армяне из восточных провинций должны быть уничтожены секретными мерами.

5 декабря 1915 г.

Министр внутренних дел Талаат»

(2) [21]

По получении данного сообщения полиция должна сразу же начать расследование, [лица], подобные этим, были заключены под стражу в ходе депортаций, и было приказано всех их истребить.

«В Канцелярию Губернатора Алеппо

723

Армяне, которые были ранее размещены вокруг Алеппо, должны быть высланы на поселения незамедлительно. [После этого просим] доложить о [результатах] операции.

16 декабря 1915 года

Министр внутренних дел Талаат»

После того, как Алеппо стал местом расселения в начале депортаций, многие депортированные обосновались в окрестных селах. Эти несчастные начали трудиться в этих регионах, надеясь, что таким образом смогут избежать [худшей участи]. По получении телеграммы конные и пешие жандармы отправились по селам, изгнав из них около тысячи человек, большинство из которых были убиты.

(3) [22]

«В канцелярию Губернатора Алеппо

745

Поскольку сообщается, что по этой местности ездят армянские журналисты, фотографируют и собирают свидетельства о [происходящих здесь] бедствиях, которые затем передаются в американское консульство, эти опасные лица должны быть арестованы и ликвидированы».

24 декабря 1915 г.

Министр внутренних дел Талаат»

Тем не менее, подобные задачи выполняли и госслужащие. Один из постоянных сотрудников консульства

США осуществлял подобные наблюдения. Сообщается, что в консульстве видели одного из репортеров ежедневной армянской газеты «Жаманаг» или какого-то другого издания. Невозможно переоценить необходимость расследования этих инцидентов. Однако никого не арестовали.

«В Канцелярию губернатора провинции Алеппо

762

На 15 декабря 1915 г.

Армянам, которые изъявили желание принять ислам, дабы избежать депортации, необходимо сказать, что смена вероисповедания будет произведена в поселениях.

30 декабря 1915 г.

Министр внутренних дел Талаат»

(4) [23]

В тот период, когда депортации набирали ход и когда каждый день поступали сообщения о тысячах умирающих, некоторые несчастные обратились [к властям с просьбой о смене вероисповедания], со словами «возможно, нас спасет обращение в ислам».

Одному-двум людям было дозволено принять ислам. Когда просьб о смене вероисповедания стало больше, в Министерство был послан запрос [о позволительности подобной смены вероисповедания]. Был получен ответ [приведенный выше].

«Канцелярии губернатора Алеппо

801

Принято решение о депортации всех армян, работающих во всех учреждениях, на железной дороге и в строительстве, и Военное министерство уже направило указания всем командующим о том, как именно надлежит это выполнять. [Просим] представить рапорт о результатах.

8 февраля 1916 г.

Министр внутренних дел Талаат»

Большинство работников на железной дороге и на ее строительстве были армяне. Приказ правительства был продиктован страхом возможной измены со стороны армян. Потому во исполнение приказа комиссару железнодорожного сообщения было поручено составить список [работников-армян]. В этом вопросе и Айри-бей, комиссар железнодорожного сообщения, и Джемал-паша проявили гуманность. Однако несправедливость Талаата-паши очевидна. Несмотря на то, что все работники были армянами,

(5) [24]

и несмотря на угнетение и жестокое обращение, которым они подвергались, все четыре-пять лет всеобщей мобилизации они честно и преданно трудились, за все это время не было ни одного инцидента на железной дороге.

«Канцелярии губернатора Алеппо

809

Поскольку иностранные [военные] офицеры видели и фотографировали трупы известных лиц, которыми усеяны пути, настоятельно рекомендуем как можно скорее заняться погребением [тел], дабы они не оставались на виду.

11 января 1916 г.

Министр внутренних дел Талаат»

[К этому времени] ежедневно погибали семьсот-восемьсот армян от болезней, голода и лишений. Их хоронили в грязи, останки поедали стервятники и падальщики; такое положение вещей обжигало человеческую совесть. Германские и австрийские офицеры [служившие с османскими войсками] были свидетелями происходящего и посылали об этом донесения в свои страны. Талаату-паше сообщали об этом, и он стремился прикрыть эти преступления, похоронить

их, но даже если б он переменял местами небо и землю, ужасы и бедствия невозможно было стереть из памяти.

(6) [25]

Ужасные события затрагивали не только христиан, но и мусульман.

«В Канцелярию провинциального губернатора Алеппо

820

Сообщается всем, что прибывающих с севера армян надлежит высылать прямиком в поселения, в обход и не заезжая в села, малые и большие города.

17 января 1917

Министр внутренних дел Талаат»

Данная депеша направлена на то, чтоб армяне не делали остановок в пути, погибая в дороге от тягот и лишений. Если б им удалось пройти сквозь населенные пункты, они бы смогли бы получить сострадание и помощь от местных жителей.

(7) [26]

«В Канцелярию провинциального губернатора Алеппо

830

Осиротевшие дети известных лиц, которые не в состоянии вспомнить, какие именно несчастья произошли с их родителями, должны быть снабжены провизией и включены в существующие депортационные отряды.

25 января 1917 г.

Министр внутренних дел Талаат»

Не думаю, что вышеприведенная депеша нуждается в особых разъяснениях. Тем детям, которые в силу малолетства не могли вспомнить, что именно произо-

шло с их родителями, было по два, три, четыре года. А значит, те, которым было больше четырех, были приговорены к смерти. И такой в действительности и была их судьба. Что произошло с сиротами в приюте, который открылся в Мескене? Их всех убили.

(8) [27]

«В Канцелярию провинциального губернатора Алеппо

840

Есть сведения, что вдоль железнодорожных путей живут около 40-50 тысяч армян, по большей части вдовы и сироты, начиная с лагерей в Интиллы и Айране, и до самого Алеппо. самого строгого наказания удостоятся те, кто позволил подобное сосредоточие нищеты и лишений близ армии после оповещения провинциального губернатора Алеппо. [Обездоленных армян] надлежит скорейшим образом депортировать в поселения, в обход Алеппо. О результатах [операции] доложить в течение недели.

29 января 1917 г.

Министр внутренних дел Талаат»

Как признает он сам, что еще могли сделать эти несчастные, по большей части женщины и дети, оставшиеся без опекунов и родителей? Там они оставались месяцами. Какие именно деяния наблюдались [со стороны этих людей]? Какую угрозу могли представлять несколько обездоленных, молящих о крохах человеческой милости? Нет, в них [в Талаате и партии «Единение и прогресс»] не было ни тени страха; их задачей было не допустить, чтобы наличие сирых и обездоленных запятнало историю Турции и их собственное почтенное будущее, а значит, все следы армян следовало стереть с лица земли.

(9) [28]

*«В Канцелярию провинциального губернатора
Алеппо*

845

Это дополнение к депеше 840 от 29 января 1917 г.

Хотя депортация армян, остававшихся в Интиллы и Айране и занятых на строительстве, и не представляется возможной до окончания работ, тем не менее недопустимо позволять семьям этих рабочих оставаться там; их [семьи] должны быть временно переселены в поселки и села около Алеппо. Те же женщины и дети, которые не имеют опекунов или семьи, должны быть депортированы по высланным ранее указаниям».

(10) [29]

Семьи этих людей были доставлены в Алеппо депортационными конвоями.

Они [изначально] должны были быть расселены по деревням. Их имена были записаны, были созданы списки, и у несчастных людей появилась надежда. Но все оказалось тщетно. Их выселяла полиция, они подавали прошения о позволении [остаться], и чиновники [делали вид], что к прошениям относятся серьезно. Они проводили дни, обивая пороги. Но никакого ходу прошениям давать не понадобилось, в течение нескольких дней просители оказались в жерновах страшных бесчинств в Мескене. Эти несчастные обездоленные женщины и дети стали жертвами насилия с стороны местного населения и жандармов. Их мужья, братья и отцы трудились в армии на благо нации, а над их дочерьми и невестами надругались и убили.

(11) [30]

После того как Министерство велело «расселить семьи рабочих возле Алеппо», прибыла депеша, аннулировавшая это распоряжение.

«В Канцелярию провинциального губернатора Алеппо

В [ответ на] 9 февраля 1917 г. Подобные [лица] должны быть немедленно депортированы на поселения с заверениями, что их родственники мужского пола присоединятся к ним [там] позже.

15 февраля 1917 г.

Министр внутренних дел Талаат»

Как странно. Не было необходимости спрашивать разрешения, раздумывать, оставлять эти семьи или депортировать, ведь Министерство [внутренних дел] уже распорядилось расселить их в окрестностях Алеппо. То, как Министерство проигнорировало собственное распоряжение, постановив всех депортировать, лишь доказывает, что к этому времени последние крохи страдания правительства в отношении армян исчезли.

(12) [31]

«Канцелярии провинциального губернатора Алеппо:

853

Учитывая тысячи сирот и вдов среди беженцев и павших солдат-мусульман, нуждающихся в защите и поддержке, нет необходимости лишний раз тратить ресурсы на покинутых и осиротевших детей известных лиц, которые в будущем лишь нанесут вред и создадут сложности [для государства]. Этих лиц необходимо убрать, включив их в депортационные конвои. А те, кого до сих пор обеспечивали, должны быть высланы в Сивас согласно последним распоряжениям.

5 февраля 1917 г.

Министр внутренних дел Талаат»

Какая страшная жестокость. Похоже, они вырывали последний кусок хлеба у несчастных ни в чем неповинных детей, чьим единственным преступлением было армянское происхождение.

(13) [32]

В то же время проблемами сирот занималась немка, если не ошибаюсь, по фамилии Хох. Она собрала – сама и с помощью других – пару сотен невинных сирот, пыталась заставить власти позаботиться о них. Подобное сострадание разъярило провинциального губернатора и Канцелярию по депортациям. Но никто ничего публично не заявил. Эта милосердная женщина заботилась о детях как о родных, пыталась спасти их. В ответ правительство придумало новую хитрость. «Этих детей надлежит доставить в Сивас, – сказали они. – там будет открыт большой приют, и о них позаботятся». Настоящей целью было истребить их в пути. Мне лично приказали организовать их высылку. Дети должны были прибыть в Эрегли поездом в сопровождении чиновника по особым поручениям. Оттуда их должны были переправить эшелоном в Сивас. Мне надлежало оставаться в Эрегли. На тот момент средства, выделенные Канцелярии по делам иммигрантов [и расселению беженцев] иссякли. Ожидалось, что поступят дополнительные средства, но финансирование все время откладывалось, и вся операция провалилась.

(14) [33]

Спустя семь-восемь месяцев этих детей каким-то образом послали в Стамбул. Если в Талаате-паше и были хоть зачатки мусульманских религиозных чувств, они не помогли ему отделить добро от зла, иначе он бы не пытался уничтожить этих и так обездоленных сирот, бедных созданий, чьих родителей избивали и мучили. Детей, ставших сиротами вследствие его указов и его жестокости.

Каким запомнит человечество эту горстку жестокосердных тиранов, которые запятнали историю великого народа?

«В Канцелярию провинциального губернатора Алеппо

745

Хотя и нет ничего плохого в том, чтобы принимать донесения с жалобами известных лиц, нет необходимости [тратить время и силы] на [то, чтобы проводить] расследования и расспросы, которые просто будут тратой времени; [взамен] уведомите жалобщиков, что защитить свои права они смогут на новом месте поселения.

22 января 1917 г.

Министр внутренних дел Талаат»

(15) [34]

Причина этой шифрограммы в следующем:

Канцелярии губернатора и по делам иммигрантов [и расселения беженцев] получили жалобы из различных мест. Губернатору и Дирекции почты и телеграфа Алеппо были направлены секретные указания не принимать подобных донесений.

Очевидно, главный управляющий написал Министерству почтового сообщения и телеграфа, и Министерство обратилось в свою очередь к Талаату-паше. И какой вред могло принести принятие этих телеграмм? Госдоходы бы выросли [вследствие платы за телеграммы], но никакого значения им уделять не требовалось, поскольку на тот момент у армян в стране прав не было, их лишили даже права на жизнь. [В любом случае,] какое воздействие могли бы возыметь жалобы приговоренных к смерти? Их жалобы подобны голосам из могил. Однако же власть боялась этих голосов, им было трудно, невозможно их слышать.

(16) [35]

Вкратце, не было ни единой живой души, которая не зарыдала бы от ужаса перед этими немыслимыми злодеяниями.

Перевод на русский язык Анны Симонян с английского перевода Пола Бессемера

**Приложение А.2:
Фрагменты из воспоминаний Наима-эфенди,
цитируемые в издании Арама Антоняна**

Ниже представлены воспоминания Наима-эфенди, которые отсутствовали в обнаруженном подлиннике на османо-турецком языке, но были опубликованы Арамом Антоняном. Для сохранения последовательности, мы приводим несколько абзацев, ранее представленных в османо-турецком оригинале наряду с разъяснениями самого Антоняна. Текст Наима публикуется стандартным шрифтом, примечания Антоняна – курсивом. Выделенным шрифтом и в скобках приведены дополнения к тексту Наима с целью разъяснений. При отсутствии специальных пометок, все сноски в тексте принадлежат Антоняну. Нумерация глав также соответствует книге Антоняна, для облегчения сравнения с армянским текстом. Мы, однако, взяли на себя смелость опустить некоторые из примечаний Антоняна, которые соотносились с другими, нецитируемыми страницами его книги, а, следовательно, к настоящему труду не имели отношения.

Глава первая

Воспоминания Наима-бея открываются днями подготовки к резне в Рас-уль-Айне. Рас-ул-Айн был маленьким поселком, где жили чеченцы, на обломках бывлой Месопотамской империи, домов на пятьдесят,

не больше. В былые годы это селение не представляло никакого интереса для властей Дер-Зора, но будучи расположенным близ Багдадской железной дороги, оно внезапно приобрело большое значение, и туда даже перевели каймакама [управляющего районом], ранее расквартированного в близлежащем чеченском селе Сефа. В описываемый Наимом-беем период каймаком был Юсуф Зия Бей, который не смог исполнить отданного ему приказа о резне, и был уволен.

Предоставим же слово Наиму-бее:

По моему мнению, трагическая депортация и истребление армян, из-за которых само слово «турок» будет навеки проклято человечеством, не похоже ни на одну из страшных страниц истории человечества до сегодняшнего дня. В какой угол огромной турецкой территории не загляни, вплоть до самой глубокой пещеры, найдешь тысячи трупов армян, убитых самым безжалостным образом. Непосредственно высылкой депортированных я не занимался, я был секретарем Канцелярии Рас-уль-Айна. Возле деревни я видел караван несчастных, состоящий из сотен женщин и детей, оставленных на берегу реки. Каждое утро они приходили в деревню и просили подаяния. Некоторые из них носили с собой воду и пытались выжить на те куски хлеба, которые им удавалось получить. Пока было лето, они находили себе пристанище в скалах и долинах или даже в трещинах на земле. Однако с наступлением зимы ночи стали оглашать стоны умирающих от холода и голода. Живущие в селе чеченцы слышали их, но эта агония не смущала ничью совесть и душу.

Той ночи мне не забыть никогда. Я был дома у каймакама [муниципальный чиновник – Т.А.]. За окном бушевала буря. Через десять минут мы услышали плач и стоны этих бедолаг, оказавшихся во власти бури. Каймакам, Юсуф Зия-бей, был очень порядочным и совестливым человеком. Мы с ним встали и направи-

лись к дому «господина», там и в некоторых других домах нам удалось раздобыть две-три палатки. При помощи 10-15 жандармов и местных жителей нам удалось разбить палатки, и у несчастных появилось хоть какое-то укрытие. Смерть их была трагична, но еще страшнее стало, когда их трупы начали раздирать на куски собаки.

То были несчастные армяне, беженцы, остававшиеся в Сивасе, Диярбекире и Харберде [Harput]. Около миллиона человек из пяти или шести вилайетов были депортированы. К тому времени, как они добрались до места поселения, из каждого каравана в живых оставалось около 100-150 женщин и мальчиков, что означало, что остальных по дороге истребили.

В то время, когда Наим-бей был в Рас-уль-Айне, туда еще не добрались сотни тысяч депортированных из окрестностей Константинополя и Киликии. Чуть позднее они все соберутся там, кто-то доберется железнодорожными эшелонами, кто-то – пешком, и тогда будет издан указ об их массовом истреблении.

Наим-бей продолжил:

Я прибыл в Алеппо. Судьба распорядилась так, что меня назначили в Канцелярию главным секретарем Абдулахада Нури-бея, прибывшего лишь тремя-четырьмя днями ранее на пост помощника генерального директора по депортациям. Будучи в Рас-уль-Айне, я, хоть и видел эти преступления своими глазами, цели их понять не мог. Лишь впоследствии я смог понять их суть и смысл. Я регистрировал шифрованные послания и содрогался. Я начал понимать, что это была не просто драма, все было намного ужаснее, когда были внесены изменения в постановление Государственного совета, в котором регионы Маары, Баба и другие районы Алеппо изначально назначались местами поселения. Согласно внесенным изменениям, «армян надлежит поселить в окрестностях реки Хабур» (близ Дер-Зора).

Для понимания этого абзаца Наима-бея необходимо знать, что многим депортированным из окрестностей Константинополя, Анатолийской железной дороги и Киликии удалось обосноваться в Алеппо и близлежащих городах Аяз, Килис, Баб, Мара и Мунбудж. Я не знаю, было ли на этот счет выпущено постановление Государственного Совета. Тем не менее этих депортированных, которым в основном благодаря взяткам удалось остаться в упомянутых городах, надлежало быстро изгнать и переправить в Рас-ул-Айн и Дер-Зор, с последующим уничтожением. Воистину, не было депортированным пристанища. Их все время перегоняли с места на место, без передышки. Им надлежало лишь идти и в пути быть уничтоженными.

Однажды, продолжал Наим-бей, Министерство внутренних дел прислало следующую шифрограмму:

«Причина депортации известных лиц – обеспечение дальнейшего процветания нашей Родины, поскольку эти лица, где бы они ни поселились, не откажутся от своих страшных идей; посему необходимо приложить все усилия для максимального сокращения их численности» [8].

Эта телеграмма прибыла в ноябре 1915 г. Через восемь дней ее вручили Абдулахад Нури-бею без пометок генерал-губернатора. Тем же вечером, в 11.30 (по турецкому времени), Директор по делам депортированных Эюб-бей и командующий жандармерией Эмин-бей спешно направились в Канцелярию к Абдулахад-бею. Темой разговора стал метод истребления армян. Эюб-бей считал, что их надо сразу уничтожить, без колебаний. Однако Абдулахад Нури-бей, который был весьма хитроумным человеком, отказался от этой мысли. По

его мнению, было лучше подвергнуть депортированных армян лишениям и тяготам зимы, что их убьет и в дальнейшем позволит закрепить тезис о естественных причинах их смерти. Будучи собранными на одном пятчке земли, 10–15 тыс. депортированных армян очень скоро подвергнутся невзгодам, голоду и болезням. В дальнейшем, когда их внезапно погонят дальше, им, конечно же, не удастся достать транспорт; они будут вынуждены идти пешком, и многие не вынесут тягот пути. Победила его идея.

До тех пор в Алеппо жандармы в дела депортированных не вмешивались. Однако с этого времени жандармерия стала сотрудничать со штабом полиции. Деятельность в Алеппо стала разворачиваться очень быстро. Депортированные, толпившиеся в Катме, в окрестностях Кулиса и Алеппо, понемногу переправлялись в Актерин, а оттуда – в Баб. И все действительно происходило, как и было задумано. До нас доходили вести о сотнях умирающих от холода, голода и болезней. Эюб-бей отправился в Азас. По возвращении он радостно явился в штаб-квартиру. Он рассказал, как сжег палатки. Повсюду бушевал, свирепствовал тиф. Каймакамы – чиновники, выславшие депортированных, каждый день слали донесения о смертях. Умирали не только армяне, но и местные жители.

Однажды я сказал Абдулахад у Нури-бею:

“Бей-эфенди, наверное, стоит поумерить высылку депортированных, всей Месопотамии начинает угрожать смерть; если так пойдет и дальше, на всей этой земле не останется никого, кроме демонов [дэвов]. Каймакам Рас-Уль-Айна все время спрашивает и жалуется».

Нури-бей засмеялся.

«Сын мой, – сказал он, – так мы избавимся от двух вредоносных элементов одновременно. Разве не арабы умирают вместе с армянами? Что в этом плохого? Прокладывается путь для турецкости».

Я замолчал. Этот ужасный ответ заставил меня содрогнуться.

* * *

Что придавало уверенности этому человеку, что помогало ему осуществить этот дьявольский и безжалостный план так бесстрашно и дерзновенно? Об этом много можно сказать. Однако достаточно копии приказа, найденной среди бумаг Генерального директората по делам депортированных, чтобы объяснить беспредельную дерзость, с которой Нури-бей выполнял вверенное ему поручение, дело по полному истреблению армян.

Вот этот приказ.

«Хотя намерение уничтожить подданных [империи], которые на протяжении столетий стремились подорвать крепкие основы государства и являлись угрозой для правительства, ранее не существовало [подходящих] условий [для этого], и осуществление этой священной цели было невозможно. Поскольку все препятствия [на пути к этому] сейчас устранены, и настало время спасти страну от этого враждебного элемента, необходимо приложить все сознательные усилия, не поддаваясь чувству жалости и сострадания, чтобы вычеркнуть из Турции само слово «армянин», положив окончательный конец их существованию. Также необходимо со всей тщательностью выбрать занятых в этом деле чиновников; этой цели должны достичь люди высочайшей чести и порядочности.

Министр внутренних дел»

Это – копия телеграммы; она была [обнаружена] среди секретных документов заместителя Генерального директора. Нет пометок о том, когда она была получена или же кому адресована.

Эта страшная резня и прочие события, на которые проливают ужасающий свет воспоминания Наима-бея, начали происходить особенно после того, как генерал-губернатором Алеппо был назначен Мустафа Абдулхалик-бей.

Поначалу, – продолжает Наим-бей, – действовала специальная комиссия в Главном директорате по делам депортированных в Алеппо, усилиями которой осуществлялась высылка депортированных (в пустыню). Пока этим занималась комиссия, депортированных меньше грабили и притесняли. Увидев, что поставленных задач таким образом не достигнуть, правительство вынудило генерал-губернатора (Бекир Сами-бея) подать в отставку, назначив на его место Мустафу Абдулхалика [Ренда]-бея, который был предан их целям. Этот человек был врагом армян и стремился уничтожить армянский народ во имя турецкости. Его указания Генеральной дирекции по делам депортированных были необъяснимо жестоки. Некоторые депутаты османского парламента армянского происхождения, вероятно, путем тысячи и одного ходатайства, смогли получить разрешение от Министерства внутренних дел на то, чтобы их семьи оставались в Алеппо. Министерство направило ему соответствующие указания, но он им не внял, и выслал и эти семьи в пустыню. Мне известно о 15-20 семьях, которые должны были оставаться в Алеппо, согласно указаниям, и которые он выслал в пустыню.

Правительство назначило в помощники этому человеку Абдулахад Нури-бея, заместителя Генерального директора по делам беженцев. Нури-бей был очень умен от природы и очень жесток и полон враждебности к армянам. [Он был] воплощением утонченной жестокости. Бедствия и горе, выпавшие на долю армян, со-

общения о смертях наполняли его такой радостью, что казалось, он пьян и готов пуститься в пляс. Потому что все это происходило в результате его приказов. «Правительство не хочет, чтоб они выжили», – говорил он. Он рассказал, что когда его назначили на эту должность накануне отъезда в Алеппо, советник Министерства внутренних дел посоветовал ему встретиться с Талаатом-пашой. Нури-бей отправился в Блистательную Порту. У Талаата-паши были гости.

«Когда вы уезжаете?», – спросил он.

Затем, поднявшись со своего места, он повел его к окну и тихо сказал:

«Конечно, вы знаете, какую работу вам предстоит выполнить. Мне впредь не придется видеть эти проклятые отродья (армян), живущих в Турции» [9].

Джемал-паша приказал, чтоб пять-шесть армянских семей, работающих в Интиллы, со своими телегами направились в Дамаск. Генерал-губернатор передал это распоряжение Нури-бею со следующей пометкой: «Неужели это огромное правительство, которое депортирует сотни тысяч армян, так нуждается в паре разбитых армянских телег, что этих людей надлежит отделить от караванов, депортируемых (в пустыню) и отправить в Дамаск?» Он был очень раздражен и жесток [10].

Основным союзником Нури-бея был его непосредственный подчиненный, Эюб-бей, кровожадный взяточник. Он всегда стремился убивать, но особенно – грабить. Оставив работу в Директорате по делам депортированных, где он сколотил приличное состояние, он стал работать в транспорте и курьерских перевозках. Этот человек, заполучивший свое состояние грабежом армян, никогда ничего хорошего для них не сделал. И веру, и совесть ему заменяли деньги. Он не совершал зверств в отношении армян во имя национальной идеи. Прикарманивая выделенные на провизию и транспорт

для депортированных суммы, он приумножал голод и страдания целого народа [11].

Так, по указанию этих людей, генерал-губернатора Мустафы Абдулхалика-бея и ассистента Директора по делам депортированных Абдулахада Нури-бея, началась вся деятельность по высылке депортированных, и одно преступление последовало за другим.

Новый и страшный приказ, полученный из Министерства внутренних дел, позволил им действовать беспрепятственно. А они уже в этих приказах и не нуждались.

Вот копия секретного сообщения, направленного Министерством внутренних дел властям вилайета Алеппо 22 октября 1915 г.:

«Права армян на турецкой земле, такие как право на жизнь и труд, были уничтожены, и никого не следует щадить, даже младенцев в колыбелях. Правительство целиком берет на себя ответственность за это, и в некоторых провинциях уже были приняты эффективные меры. Несмотря на это постановление, некоторые лица по секретным причинам временно удостоились исключительного отношения и не были высланы в места окончательного расселения; взамен они свободно расхаживают по Алеппо, создавая новые сложности для властей. По причине невежества материалистические интересы всегда торжествуют над патриотическими чувствами. Люди, которые не способны уяснить себе общую политику правительства на этот счет, не должны иметь возможности защитить или спасти этих людей.

Что касается изгнания этих лиц, никаких исключений или поблажек быть не должно ни в отношении женщин, ни детей, ни немощных. Не следует тратить времени: работайте с душой и не покладая рук, поскольку именно сила и скорость, которые [вы] проявите [и позволят] истребить [этих людей] в силу тягот пути и лишений, тогда как в других местах это было достиг-

нуто благодаря посредникам. Военное министерство выпустило общий приказ всем командующим армией, [оповещая их], что Канцелярия снабжения не должна вмешиваться в процесс депортаций. Сообщите участвующим в процессе чиновникам, что им нет нужды беспокоиться [по поводу] ответственности, а необходимо достичь истинной цели [операции].

Просим сообщать о достигнутых результатах еженедельно, шифрограммой.

Министр внутренних дел Талаат»

Когда прибыли эти указания, Генеральный директорат по делам депортированных Алеппо, по прямому приказу генерал-губернатора, был наделен полномочиями проводить любые операции.

Все операции по высылке депортированных были сосредоточены в руках одного человека для того, чтобы распоряжения о зверствах оставались в тайне как можно дольше. Меньше посвященных и молчаливое исполнение преступлений должны были помочь избежать слухов. Печально известная гора Карлык, в 20 минутах от Алеппо, была основным перевалочным пунктом для беженцев. Отсюда депортированных высылали в пустыню. Здесь жизнь армян зависела от капризов начальника жандармов и чиновника по депортации.

Для тех, кто хоть на шаг отошел от Алеппо, надежды на жизнь уже не существовало. Весь путь от Карлыка до Дер-Зора превратился в средоточие горя, в кладбище. Наиболее надежным чиновникам, занятым депортацией, было велено не препятствовать никаким зверствам, которые могли привести к смертям.

Доказательством этому служат две депеши, обе направленные Министром внутренних дел Талаатом-беем.

Первая телеграмма:

«Генерал-губернатору Алеппо

Нам сообщили, что группа чиновников была передана военному трибуналу, по обвинению в жестоком об-

ращении и притеснении известных лиц (армян). Какой бы формальностью это ни было, подобные инициативы могут умерить пыл других чиновников. Посему предписываю подобных расследований не разрешать [12].

Министр внутренних дел Талаат»

Вторая телеграмма:

«Генерал-губернатору Алеппо

Рассмотрение жалоб и исковых заявлений, поданных известными лицами (армянами) по всем личным вопросам, не только замедлит их высылку (в пустыню), но и может в будущем стать причиной политических неудобств. Посему жалобы эти во внимание принимать не следует, и надлежит соответственным образом проинструктировать чиновников.

Министр внутренних дел Талаат»

Поскольку время от времени генерал-губернатору и в Директорат по делам депортированных поступали жалобы на различных чиновников, еще одна депеша Министра внутренних дел рекомендовала принимать эти жалобы, но не давать им ходу. Эта телеграмма стала причиной секретного указа от генерал-губернатора Алеппо руководству почтового отделения того же города, запрещающего принимать подобные жалобы от депортированных армян. Очевидно, Директор почтового отделения Алеппо направил запрос на этот счет в Константинополь, в Министерство почтового сообщения, ответом на который и стала депеша Министерства внутренних дел.

И когда несчастный, чья семья и дети погибли в пути, у которого силой отняли дочь, которого обесчестили, пытался в городе рассказать о своих невзгодах при помощи телеграммы, заручиться поддержкой, служащие телеграфа упрекали его, дескать, зачем такое писать в телеграмме.

И все эти жалобы были жалобами обреченных на смерть, они были подобны голосам, доносящимся из

могил. Власти боялись этих голосов. Слышать их было мучительно. И правительство их слышать не хотело.

Глава вторая

Пишет Наим-бей:

В ходе высылки депортированных в Рас-уль-Айн каймакам Юсуф Зия-бей сообщил, что временно размещать армян в Рас-уль-Айне уже негде, что ежедневно погибает по пятьсот-шестьсот человек, [и] что они не успевают ни отправлять выживших дальше, ни хоронить мертвых. Юсуф Зия-бей умолял приостановить высылку депортированных в Рас-уль-Айн. Ему ответили, что необходимо ускорить пересылку – в этом случае те, кто не в состоянии идти, погибнут в нескольких часах ходу от города, и весь район, таким образом, будет свободен как от живых, так и от мертвых.

Из последних рапортов, по данным местных чиновников по депортациям и каймакамов, следует, что в течение четырех месяцев от голода и болезней погибло 13–14 тыс. армян.

Приказ следовал за приказом. Абдулахад Нури-бей направлял самые жестокие указания в Рас-уль-Айн, однако, эти указания не выполнялись.

Однако предоставим рассказ об этом Наиму-бею:

«Приказы, направленные чиновнику по депортациям, – пишет он в своих мемуарах, – не были исполнены». Обратившись к Адил-бею, чиновнику по депортациям, Абдулахад Нури-бей узнал, что высылке армян в Дер-Зор препятствует глава местной администрации Суад-бей.

Нури-бей по возвращении в Алеппо рассказал о положении дел генерал-губернатору Абдулхалик-бею, который незамедлительно послал Али Суад-бею шифrogramму: «Продолжительное пребывание тысяч армян в Рас-уль-Айне противоречит святой цели правительства. Их налeжит изгнать из этого места!»

Али Суад-бей ответил: «Я не располагаю транспортными средствами для депортации людей. Если же преследуется цель их уничтожения, я не могу ни сделать этого, ни отдать подобного приказа другим».

Мустафа Абдулхалик Бей отправил эту депешу в Константинополь, в Министерство внутренних дел, приложив к ней следующий рапорт об Али Суад-бее [13].

...

Новый каймакам Рас-уль-Айна стал прекрасных орудием в руках алеппских гиен, которые получили полную свободу действий после того, как им удалось заставить главу администрации Дер-Зора подать в отставку. 17 марта Керим Ревид-бей начал депортации. Это дело было поручено чеченцам, во главе которых стоял местный лидер Арслан-бей. Вот что пишет о нем Наим-бей в своих мемуарах:

Из чеченцев Рас-уль-Айна была сформирована бандитская шайка, которая формально должна была защищать депортируемых от нападений. Эта шайка была вооружена. Люди, формально именуемые охраной, на деле грабили [и] убивали депортированных в пути.

Приказ о трагических событиях в Рас-уль-Айне поступил непосредственно из Алеппо. Он был отдан лидеру бандитской группировки.

Некоторые из них прибыли в Алеппо и встретились с генерал-губернатором Мустафой Абдулхаликом-беем [14]. Дней через пять после их возвращения каймакам Рас-уль-Айна (Керим Ревид-бей) сообщил шифрограммой, что они прибыли, и указания приняты к исполнению.

Резня последовала сразу за высылкой, поскольку происходила она в близлежащих местностях, в основном на берегах Чирчиба и на пути к Шаддади. Армяне, переправляемые группами, были убиты самым жестоким образом. Иногда некоторым из них удавалось бежать, они возвращались в Рас-уль-Айн –

потому что больше некуда было – и рассказывали о пережитых кошмарах. Можно лишь вообразить те чувства, которые испытали слушатели их рассказов, как стыла в жилах кровь, когда за ними пришли и погнали их на бойню, избивая плетьюми, розгами, прикладами и палками.

Глава третья

В самом начале правительство с осторожностью и осмотрительностью подходило к депортациям армян. Исход войны на тот момент был неясен, и власти стремились сохранить приличия, замаскировать истинную цель по истреблению под предлогом депортаций.

Однако, убедившись в скорой победе, правительство перестало церемониться и начало высылать приказы о прямом уничтожении.

Вот почему был объявлен недействительным прежний указ, позволяющий депортированным армянам оставаться в Алеппо [15].

По прошествии времени, однако, жестокости стало меньше, и большие группы армян, прибегая к тысяче и одной уловке, в основном взятками [16], смогли обосноваться в городах Баб, Маара, [и] Мунбудж, а также в их окрестностях. Кроме того, изгнанных беженцев можно было встретить вдоль Евфрата до самого Дер-Зора, в Мескене, Дипси, Абурчарраре, Хамаме, Ракке, Себке, Дер-Зоре и других местах. Всех этих людей надлежало выселить в Дер-Зор и вырезать в тот период, когда создавалась Армия Йилдырим.

Наим-Бей:

Когда прибыл указ об изгнании армян, которые ранее поселились в селах вокруг Маары, Баба и Алеппо, каймакамам были отданы указания, которые были настолько безжалостны, что при прочтении их невозможно было сдержать слезы.

Из Алеппо жандармам поступило распоряжение о том, что депортированных следует лишить еды и питья, чтобы максимально сократить их численность.

20 января 1916 г. Абдулахад Нури-бей пишет Мухаррем-бею, чиновнику по депортациям Баба:

«Копия секретного сообщения под номером 344 от 2 февраля 1917 г., направленная из Канцелярии заместителя генерального директора по делам иммигрантов [и беженцев] Чрезвычайному директору по депортациям Баба Мухаррем-бею:

«Убежден, что вы оцените доверие, оказанное вам Канцелярией губернатора, а также всю важность вверенного вам задания. Ваши усилия должны быть направлены на то, чтобы в Бабе не [осталось] ни одного армянина.

Сила и решимость, которые вы проявите [в осуществлении] депортаций, обеспечат результаты, к которым вы стремитесь. Однако будьте внимательны, на дорогах и на открытой местности трупов оставаться не должно. Вам также надлежит сообщить нам о максимальной сумме, которую вы выплатите нанятым для этой цели людям.

Не утруждайте себя транспортировкой, они могут отправиться пешком. Списки погибших, поступающие каждую неделю, неудовлетворительны. Очевидно, что эти лица живут довольно спокойно.

Депортации – это не увеселительная поездка. Уделять внимание жалобам, стонам, страданиям и горю не следует. Соответствующие указания были направлены провинциальными властями местным управляющим (каймакам). Вам надлежит с усердием отнестись [к этому делу].

Абдулахад Нури»

Мухаррем-бей был бывшим директором департамента полиции Багдада и самым кровожадным

чиновником, занятым депортациями. Ему была поручена важная работа, и для того, чтобы он, вследствие собственной жадности, не стал проявлять терпимость, ему было назначено месячное жалованье в размере 150 золотых [монет]. Этот человек занимался самыми масштабными депортациями. Так, он стал причиной трагической гибели тысяч армян в пути. В качестве пособника этому жестокому человеку Абдулахад Нури-бей назначил капитана конной жандармерии, который привез в Баба следующее распоряжение:

«Случаи жестокого обращения с изгнанными армянами в ходе их высылки из Баба расследовать нет необходимости.

Абдулахад Нури»

Этот капитан и его 5–10 жандармов не чурались никаких преступлений.

Согласно последним распоряжениям, все депортированные должны были быть высланы из Баба в течение 24 часов. Им надлежало покинуть город любым доступным способом. И в любом случае депортация привела бы к их смерти. В зимнюю стужу, раздетые с головы до ног, при такой спешной высылке они заболели и гибли по обочинам дорог. На всей протяженности пути от Баба до Мескены поля были усеяны трупами армян.

Даже горсти земли не нашлось, чтобы прикрыть их трупы. Узнав, что трупы лежат в открытую, правительство запаниковало. Осознавая, что они становятся заметными для иностранцев, власти велели хоронить их. Нашлись лопаты и уступы. Были назначены могильщики. Таким образом, предполагалось скрыть следы преступлений.

Численность погибших сообщалась в Константинополь шифрограммой каждые две недели. Это еще раз демонстрирует, что Канцелярия заместителя генерального директора по депортациям была создана с совершенно преступной целью.

Но несмотря на все это, Абдулахад Нури-бей все еще не был удовлетворен. Высылка депортированных происходила не так быстро, как ему хотелось.

Вот что писал об этих ужасных днях Наим-бей:

Правительство требовало лишить армян жизни и достоинства. У них не должно было быть права на жизнь, на существование. Талаат-паша писал: «Те, кто хотят обеспечить само существование армян, которые на протяжении веков были камнем преткновения для Турции, а в последнее время еще и стремятся потопить всю Османскую империю в крови, должны быть наказаны как предатели Родины под разными предлогами, о чем надлежит уведомить соответствующих чиновников».

В этой части своих мемуаров Наим-бей записал ряд фактов, демонстрирующих в каких именно условиях оказались армяне в результате этих последовательных распоряжений центрального правительства. Представим лишь некоторые из них.

Когда эпидемия тифа окончательно разбушевалась, высылка депортированных ускорилась так, что полиция и жандармы начали выволакивать армян из домов, вязать их веревками, как свиней, вытаскивать бедных армян, прятавшихся по углам, у которых не было другого защитника, кроме Всевышнего. Однажды один несчастный подал жалобу о том, что вся его семья, уже больная тифом, была вышвырнута из дома на улицу, помещена в телегу из-под навоза и выслана за пределы города, в Карлык.

Этот несчастный плакал и умолял, просил разрешения остаться в городе хотя бы еще дней десять. Бедолага не знал, что он приговорен к смерти. Никто не собирався его жалеть. В мою бытность на этой должности армянские беженцы представили 10 000 прошений. Я не видел, чтоб рассмотрели и десяти из них.

Человека по имени Асадур объявили подозрительным. Его долго искали, но безуспешно. Наконец, арестовали его брата, а затем, при отправке в тюрьму этого ни в чем неповинного горемыку убили. Я видел тысячи трагедий, подобные этой, в Алеппо, а затем меня послали в Мескене следить за депортациями. Перед отъездом меня вызвал к себе Эюб-бей.

«Наим-бей, – сказал он, – ни от одного из посланных в Мескене чиновников доселе не было проку. Вы в курсе дела, вы знаете, какие поступили распоряжения. Вы не должны допустить, чтобы эти люди (армяне) оставались в живых, убивайте собственными руками, если потребуется. Убивать их – радость».

Я отправился в Мескене. Там я узнал о бесчинствах, которые творил капрал жандармерии в Абухарраре. Там я пробыл два месяца. Мне лишь раз довелось осуществить депортацию. Группа, которую я выслал, не превышала числом тридцати человек.

В бытность мою в Алеппо из Константинополя прибыла следующая депеша.

Копия шифрограммы, направленной Министерством внутренних дел в Канцелярию губернатора Алеппо 14 декабря 1915 г.:

В первую очередь надо попытаться уничтожить духовенство. Было бы величайшей ошибкой позволить им переехать и поселиться в Сирии и Иерусалиме. Лучшим местом поселения этих лиц, которые по природе своей склонны к заговорам против правительства, будет то, где их истребят [17]. Рекомендуются принять в их отношении такие меры.

Министр внутренних дел Талаат»

Когда я прибыл в Мескене, там находился престарелый прелат Никомедии [Измит]. Укрывшись в ма-

ленькой палатке, он размышлял о своей судьбе. Всем навещающим его он говорил, что бедствия ниспосланы Богом, и что он советует всем воздерживаться от греха. Непонятно, как этот человек, неспособный обидеть и мухи, стал объектом внимания генерального директора по депортациям.

Эюб-бей прислал сообщение: «Там прелат Никомедии [Измита], зачем вы его держите? Вышлите, пусть помрет где-нибудь на обочине. Я не мог сказать, что этого делать нельзя, или что я не способен на такое. Но прелата мы не выслали» [18].

Однажды схватили двух женатых священников и выслали их в Мескену. Указания на их счет были очень жесткими. Было велено попросту убить [их]. И этих двух женатых священников я не выслали, оставил в Мескене. Не помню их имен, но думаю, что оба сейчас в Алеппо [19].

Станция между Мескеной и Абухарраром под названием Дипси стала местом самых страшных зверств. Приговоренных к смерти здесь убивали и скидывали в реку [20]. Мескена была полна скелетов из конца в конец, она выглядела, как усеянное костями поле.

Из одного только Алеппо через Рас-уль-Айн и Мескены было выслано 200 000 армян, и из этого огромного количества выжили тысяч пять-шесть. Детей просто топили, сбрасывая в Евфрат. Женщин зверски и варварски убивали на дорогах жандармы и вооруженные люди.

Глава четвертая/2

Запланировав и начав резню, турецкое правительство предприняло все возможные меры для того, чтобы цивилизованный мир ничего не узнал о резне армян. И при каждом удобном случае власти наглой ложью опровергали вести, распространявшиеся о резне. Но американские консулы находили способы высылать информацию в посольство в Константинополе, что сильно беспокоило

турецкие власти [21]. Следующий документ – одно из доказательств политики уничтожения, предпринимаемой властями в отношении армян.

Шифрограмма от Министерства внутренних дел генерал-губернатору Алеппо:

«Американские консульства в различных местностях обладают информацией относительно того, как именно депортируются известные лица [армяне]; из полученного от американского посольства в Стамбуле меморандума следует, что эти сведения добывались секретно, на основе прямых указаний американского правительства. И хотя мы в ответ уведомили их, что депортации производятся без сложностей и в полной безопасности, этого недостаточно, чтобы их убедить. Посему в ходе депортаций в крупных и малых городах или в окрестностях крупных [населенных] центров необходимо проявлять осторожность и избегать привлечения внимания, чтобы внушить присутствующим в тех местах иностранцам уверенность в том, что целью депортаций является простое перемещение. Для этого необходимо временное проявление сострадания в политических целях, и обычные известные вам меры (резня) должны приниматься лишь в определенных районах. Наблюдателей же, изучающих местность, надлежит задержать, используя другие предлоги и доставить в суды военного трибунала.

Министр иностранных дел Талаат. 18 ноября [1 декабря] 1915 г., с пометками:

«Не упоминая о шифрограмме, посетите директора полицейского департамента. Существуют ли в действительности такие информаторы? Согласно приказу министра, операции в этих местностях надлежит проводить более умеренным образом.

Помощнику Генерального директора (по делам депортированных),

21 ноября 1915 г.,

Генерал-губернатор Мустафа Абдулхалик»

«Я был убежден в существовании таких людей и несколько раз просил директора полицейского департамента проследить за этим, но безрезультатно. Возможно, предостережение властей вилайета произведет большее воздействие. Приказ должен быть отдан вами.

21 ноября 1915 г.,

Помощник генерального директора Абдулахад Нури»

«Вы также должны были написать чиновникам по депортациям.

Помощнику Генерального директора (по депортациям)

22 ноября 1915 г.

Генерал-губернатор Мустафа Абдулхалик»

«Напишите Наиму-эфенди.

(Абудалахад Нури)»

«Написали, досье 741-16».

Эти пометки показывают ход действий в связи с шифрограммой.

Копия оригинала следующей шифрограммы по той же теме, отправленной примерно месяцем раньше, также найденная в мемуарах Наима-бея:

«В канцелярию губернатора вилайета Алеппо

745

Поскольку были получены сообщения об армянских журналистах, разъезжающих по тем местам, фотографирующим и собирающим сведения о жертвах и бедствиях [там происходящих], а затем передающих информацию местному американскому консулу [22], подобных вредителей следует арестовать и уничтожить.

24 декабря 1915 г.

Министр внутренних дел

Талаат»

Наим-бей подтверждает, что на такие задания всегда назначались секретные чиновники, вокруг американского консульства сновали лазутчики. Однажды в Алеппо был замечен редактор то ли газеты «Жаманак», то ли другого издания. Его появлению было уделено много внимания, но его так и не арестовали.

Глава четвертая/3

Помощник генерального директора по депортациям в Алеппо, Абдулахад Нури-бей ежедневно передавал в Константинополь донесения о всех преступлениях, следуя рекомендациям нескольких распоряжений Министерства.

Одна из шифрограмм Нури-бея рассказывает о методах, которые применялись в Алеппо, и которыми исполнялась воля центрального правительства в Константинополе.

«No. 57

Генеральной дирекции по расселению племен и депортированных

[Канцелярия по депортациям – Т.А.]

Результаты расследования подтвердили, что лишь десять из ста армян, подлежащих общей депортации, добрались до мест окончательного расселения. Остальные погибли в дороге по естественным причинам, таким как голод и болезни. Рекомендуются достичь тех же результатов жестоким обращением с теми, кто все еще жив.

10 января 1916 г.

Помощник генерального директор Абдулахад Нури»

...

Воспроизведем здесь также шифрограмму Абдулахада Нури-бея, которая проливает свет на все происходящее:

«No. 76

Генеральной дирекции по расселению племен и депортированных

В ответ на телеграмму от 3 марта 1916 г.

Из полученной доселе информации следует, что в окрестностях Баба и Мескены от разных причин умерло 35 тыс. человек, на депортационной станции Алеппо (в Карлыке) – 10 тыс. человек, в окрестностях Дипси, Абухаррара и Хамама – 20 тыс., в Рас-уль-Айне – 35 тыс. человек, итого – 95 тыс. армян.

7 марта 1916 г., помощник Генерального директора (Абдулахад Нури)»

...

Иногда из Константинополя поступали указания касательно конкретных лиц, о которых докладывали правительству. Следующая шифрограмма Канцелярии помощника алеппской Генеральной дирекции по делам депортированных наглядно показывает, какие были получены указания и как именно они были исполнены.

«No. 51

Генеральной дирекции по расселению племен и депортированных

Шифрограммой от 9 сентября 1915 г. и последующей депешей от 20 ноября 1915 г. было приказано арестовать лиц по имени Апет Арамян, Карапет Антунян и Арсен Шахбазян [23]. Их обнаружили в Рас-уль-Айне, сообщаем, что в соответствии с указаниями из Министерства откомандированным нами чиновником была произведена в их отношении необходимая операция. Министерство было проинформировано о произошедшем Канцелярией генерал-губернатора [провинциальными властями].

13 декабря 1915 г.,
помощник Генерального директора
(Абдулахад Нури)

...

Одна из шифрограмм Абдуллахада Нури-бей описывает методы, которые обычно применялись для убийства известных армян, изгнанных поодиночке.

«No. 76

В Генеральную дирекцию по расселению племен и депортированных

Ответ на телеграмму от 10 февраля 1916г.

Из рапорта каймакама Харрана (Телл Абийяд) следует, что вышеупомянутый, будучи арестованным полицией Аданы, в ходе пересылки в Мардин был убит надзирателем при попытке к бегству.

17 февраля 1916 г., помощник Генерального директора

(Абдулахад Нури)»

О ком из приговоренных мучеников речь? Кто знает?

Фраза же «при попытке к бегству» является обычным предлогом для убийства.

В целом все те, кого высылали отдельно, под особым надзором, были приговорены к смерти. Вот что в своих мемуарах пишет Наим-бей:

...встал также вопрос высылки под надзором. Для тех, кто был подвергнут такой мере, больше не было никаких надежд и возможности выжить. Это были по большей части молодые люди, объявленные подозрительными. Сначала их помещали в битком набитую тесную грязную комнату во дворе (алеппской) тюрьмы. Собаки и те не захотели бы жить в таких условиях. После пытки голодом в течение десяти-пятнадцати

дней, их отправляли в дорогу со связанными руками и в сопровождении жандармов. Поскольку жандармы ранее получили указания убивать, эти несчастные были убиты в пути, в безлюдных местах. Впоследствии помощнику генерального директора по делам депортированных представлялись рапорты следующего содержания: «Высланные в этот день лица прибыли на место своей высылки». Те же, о ком был издан указ о высылке под надзором, были несомненно обречены на смерть.

Мы уже объясняли, что эти бедолаги изначально были высланы предположительно в Диярбекир, после чего, опять же, предположительно, были переправлены в Мардин, что и показано в воспроизведенной шифрограмме Абдулахад Нурси-бея.

Глава четвертая/4

За несколько недель до этого была предпринята попытка основать в Алеппо сиротский приют. Местные власти стали собирать с улиц детей не из милосердия, а потому, что они стали причиной распространения множества заразных заболеваний, в особенности тифа.

Однако правительство, узнав об этом и опасаясь, что таким образом сироты будут спасены, сразу же направило следующий приказ:

«Генерал-губернатору Алеппо,

Необходимости в подобном приюте нет. Не следует сейчас тратить время на эмоции, на то, чтобы их (сирот) кормить и продлевать им жизнь. Обеспечьте их высылку в пустыню и представьте рапорт.

21 сентября 1915 г.,

Министр внутренних дел Талаат»

Согласно этой инструкции, 16 ноября Канцелярия помощника генерального директора по делам депор-

тированных Алеппо направила в Константинополь телеграмму, адресованную Генеральной дирекции по делам племен и депортированных, представительством которой она являлась:

«No. 31

Генеральной дирекции по расселению племен и депортированных

В приюте находятся свыше 400 мальчиков, они будут высланы с попутными караванами на место депортации.

26 ноября 1915 г.

Помощник генерального директора
(Абдулахад Нури)»

...

«No. 63

Генеральной дирекции по расселению племен и депортированных

Если выслать сирот в то время, когда продолжают сильные холода [24], их вечный покой будет обеспечен. Соответственно, просим позволения на перечисление запрошенного кредита.

28 января 1916 г.

(Абдулахад Нури)»

...

Таким образом, сироты были согнаны к военным базам. Поскольку Мескена была превращена в военную базу, их собрали и там. Каждому давали по маленькой краюхе хлеба в день и иногда, раз или два в неделю, горячую воду, которая должна была отдаленно напоминать суп.

Однако об этом прознали центральные власти, и сразу же последовал указ о том, что мальчиков надлежит забрать из рук военных и уничтожить.

Шифрограмма Министерства внутренних дел генерал-губернатору Алеппо:

«Не давая поводов для подозрений, под предлогом того, что чиновники по делам депортации их накормят, соберите и уничтожьте детей известных лиц (армян), собранных у военных баз и подкармливаемых Военным министерством. О результатах сообщите.

7 марта 1916 г.,

Министр внутренних дел Талаат»

Глава четвертая/5

С одной стороны, поощряя преступления, правительство, с другой стороны, постоянно требовало от провинциальных чиновников понимания преследуемой цели и энтузиазма в работе для ее достижения. Это было лучшим проявлением патриотизма и лучшим качеством, которое они могли проявить в своей работе.

Вот телеграмма, которая рассказывает об этом более чем красноречиво.

«Генерал-губернатору Алеппо

Ранее сообщалось, что правительство приказом Джемиyetа (Комитет иттихада) постановило уничтожить всех армян в Турции. Те, кто препятствует этому указу и решению, не могут оставаться в официальных структурах страны [25]. Будь то женщина, ребенок или немощный, какими бы ни были трагическими методы уничтожения, с существованием этих людей надлежит покончить, невзирая на укоры совести.

16 сентября 1915 г.

Министр внутренних дел Талаат»

Глава четвертая/6

Вскоре после мобилизации был принят временный закон, угрожавший смертной казнью всем тем, кто не

сдаст свое оружие. Турки, армяне, курды поспешили сдать все, что было, даже ножи. Правительство оставило оружие туркам и курдам, но у армян отобрало все до последнего ножа.

Это произошло намного раньше, чем началась общая депортация.

Когда все молодые люди в возрасте до 45 были мобилизованы, когда все оружие, вплоть до последнего ножа, было изъято, когда весь интеллектуальный и обеспеченный класс был арестован или сослан, что могли сделать несчастные старики, женщины и дети, когда правительство решило их депортировать, якобы из страха, что армяне угрожают линии отступления османской армии? И как применить этот аргумент ко всем тем армянам, которые жили очень далеко от границ и в близлежащих к Константинополю провинциях, которые никакой подобной угрозы представлять не могли, тем не менее были депортированы и вырезаны?

Процитирую ниже, что рассказывает об этом в своих мемуарах Наим-бей.

...Пока осуществлялось это преступление (депортации армян), Талаат-паша собирал документы, доказывающие его невиновность. Он назначил чиновников, ответственных за упорядочивание этих документов, и выделил на это средства из госказны. Сфотографировав несколько винтовок, найденных в армянских домах, он надеялся оправдать свое преступление. Увы... если наличие оружия – признак беспорядков и бунта, то Турция должна бы быть целиком охвачена бунтом. В какое турецкое село ни зайди, найдешь сотни винтовок мартини и маузеров. Это оружие изготовлено не для бунта и беспорядков, но из страха перед бандитами и из необходимости защитить имущество и жизнь. И это происходит потому, что правительство неспособно обеспечить безопасность своих граждан.

Из приведенной выше телеграммы становится ясно, что власти рекомендуют, чтобы направленная ими комиссия представила фальшивые доказательства виновности армян. И весь том, изданный этой комиссией, основан лишь на таких доказательствах.

Заключение

Распоряжения по сохранению атмосферы безнаказанности и по поощрению преступлений, совершаемых в отношении армян «турками», постоянно поступающие из Константинополя, конечно же, не имели целью доказать невинность людей.

Даже те мусульмане, которые ранее не принимали участия в резне, происходящей во времена [Султана Абдул] Гамида II, и защищавшие своих армянских соседей в регионах Адиямана, курды Кяхты, жители Дерсима, мушские турки, и т.д., в этот раз с радостью оказали содействие плану по геноциду армян. Иттихад распространил свой яд и затронул и их, им удалось повсеместно разбудить тягу к убийствам и мародерству.

Вот что пишет в своих мемуарах Наим-бей.

Война только-только началась, голод и бедствия ослабили Турцию. Страждущих надо было обмануть, удовлетворить, и этого можно было достичь, посулив имущество и деньги, оставленные армянами. В вилайетах Эрзерума, Битлиса, Диярбекира, Мамуретулазиза и Сиваса начались резня армян и разграбление их имущества. Это занятие заставило людей позабыть обо всем. Также было важно занять жителей Сирии и Месопотамии. Равнины Месопотамии, дороги, пустыни Сирии наполнились армянами. Все огромное богатство, которое армяне скопили за века честного труда, было полностью утеряно. А то немногое, что оставалось, будет утеряно в пустынях, жители которых быстро сообразили, что караваны депортированных высылает

лись к ним в качестве жертв. Сначала производились небольшие нападения. Но как только пришло это осознание, начались массовые убийства.

В этих пустынях и происходило самое страшное.

И отбирали не только деньги и имущество, армян лишали женщин, девушек [и] детей. Сколько турок не воспользовались ситуацией и не стали мародерами? Сколько осталось турецких домов, где нет похищенных армянских женщин или детей?

Перевод с армянского Анны Симонян.

Примечания

1. Примечания переводчика: повсюду в тексте Наим-эфенди использует настоящее время (-iyor). Мы заменили его на прошедшее для большего логического соответствия воспоминаниям.

2. Джедиде – район Алеппо; Карлык – поселение недалеко от Алеппо.

3. Хотелось бы обратить внимание на стилистически нагруженный и зловещий «канцелярит» и его намеренную эвфемистичность («некоторые известные лица», «обращение», «благонадежные чиновники»).

4. А именно: жандармы должны были позаботиться, чтоб депортированные в пути оставались без еды и питья – Т.А.

5. Документ датирован 20 февраля 1332; однако такой даты в османском календаре нет. Даты между 16 и 28 февраля 1332 г. были изъяты из османского календаря, чтобы ликвидировать разницу в 13 дней. Правильная дата – 1331 г.

6. Книга, которую упоминает Наим-эфенди, – «Белая книга», изданная османским правительством в конце 1916 под названием *Ermeni Komitelerinin Âmâl ve Harekât – ı İh tilâliyesi: İl an – ı Meşrutiyetden Evvel ve Sonra*, (Istanbul: Matbaa-i Amire, 1332 [1916]).

7. Документ датирован 26 февраля 1332. Такой даты в османском календаре нет. Даты между 16 и 28 февраля 1332 г. были изъяты из османского календаря, чтобы ликвидировать разницу в 13 дней. Правильная дата – 1331 г.

8. Во всех зашифрованных официальных депешах о депортациях и резне, а также сопутствующей деятельности, фраза «известные лица» относится к армянам.

9. Ихсан-бей, бывший каймакам Килиса и Захле, который в то время был директором Особого секретариата Министерства внутренних дел в Константинополе, подтвердил этот пункт воспоминаний Наима-бея. Ихсан-бей выступил со схожим утверждением в контексте суда над иттихадистами: «Ихсан-бей утверждает, что в бытность его каймакамом Килиса, Абдулахад Нури-бей, направленный из Константинополя в Алеппо, попытался убедить его, что целью депортации армян было их истребление – [по его словам], он встречался с Талаатом-беем и лично получил приказ об истреблении, и что именно в этом спасение страны» (протоколы допросов, стр. 15)

10. Абдулахад Нури-бей не брал взятки. «Я люблю взятки, – часто говорил он, – но я боюсь принять их. Не хочу, чтоб расплатой за поступающие в мой карман деньги стала свобода хоть одного армянина».

11. Правительство, действовавшее очень осторожно в первые дни депортации армян, выделило кредит на имя депортированных, дабы скрыть истинную цель. Этот кредит в любом случае не был сопряжен с большими жертвами. Поскольку все деньги и имущество армян были конфискованы, кредиты легко можно было субсидировать из этих средств. Но и это было чистой формальностью, на эти деньги в течение очень недолгого времени выдавали по краюхе хлеба в день, но потом и это прекратилось. Выделенные суммы были в основном присвоены турецкими чиновниками, ответственными за процесс депортаций.

12. На одной из станций, расположенных вдоль Евфрата, мултур Абульхаррара, полковник Рахмеддин, который стал настоящим кошмаром для депортированных (при помощи своей дубинки, с которой он никогда не расставался, он убивал направо и налево), был вызван в Алеппо после многочисленных жалоб для проведения номинального суда. Однако, как следует из этой депеши, его сразу же

вернули обратно на занимаемый пост, даже не допросив. На обратном пути, проезжая через Мескену, чтобы добраться до Абульхаррара, он расстрелял депортированных из револьвера с криком: «Жаловались на меня? Получайте! Я возвращаюсь обратно на должность!» Конечно же, после возвращения варварство этого человека, которого депортированные прозвали «костоломом», приняло еще более ужасающие масштабы.

13. Полный рапорт, который упоминает Наим, можно найти на странице 13 мемуаров на османском языке [Taner Akçam].

14. В частности, среди них был брат Арслан-бей, Хусейн-бей, который, после смерти Арслан-бея (в начале 1917 г.), сменил его на посту главы городского квартала Рас-уль-Айна. Оба брата сыграли огромную роль в резне в Дер-Зоре. Хусейн-бей уже тогда постоянно ездил в Алеппо, пытаясь продать предметы, которые он и брат постоянно крали у депортированных. Не жалели ни больных, ни стариков, ни детей.

15. В этом контексте следует вспомнить, что приказ об общей депортации армян был издан после прорыва маршала Макензена на российском фронте, когда крах России, а, следовательно, и окончательная победа казались турецкому правительству гарантированной.

16. В одном лишь Алеппо около сотни-двух человек несказанно разбогатели на взятках, получая их или выступая посредникам для выдачи разрешения на временное жительство депортированным армянам.

17. В контексте этой телеграммы необходимо отметить, что в ходе резни в вилайетах, духовенство уничтожалось с наиболее жестокими пытками – прелаты, вардапеты [армянские священники высокой ступени, принявшие целибат], женатые священники и так далее. Их обычно четвертовали после многодневных пыток в тюрьмах. Были даже планы по такому же убийству Константинопольского патриарха, когда его сослали в Багдад, его спас страх ответственности каймакама.

18. Позднее, по просьбе Киликийского католикоса, Джемал-паша позволил ему перебраться в Иерусалим. После этого подобные разрешения были выданы и некоторым другим священникам.

19. Это были депортированные из Анкары католические священники. Когда мескенский мудур был уволен без замены, они воспользовались воцарившимся хаосом и бежали в Алеппо, подкупив командира жандармерии и других чиновников.

20. В Дипси умирали от голода целыми семьями. В дальнейшем караваны сюда больше не приводили, они напрямую направлялись в Абухаррар. Там невозможно было останавливаться из-за запаха гниющих трупов. Арабские пастухи здесь убили 36 армянских женщин потому, что... они ели сено, припасенное для животных.

21. Покойный доктор Шеперд рассказал о следующем инциденте. После резни армян из Харберда (Харпута) в Алеппо прибыла группа молодых американок с тем, чтобы оттуда вернуться в Америку. Молодых женщин в дороге ограбили, и они столкнулись с множеством проблем. Турецкое правительство их тщательно обыскало, чтоб они не смогли с собой увезти ни единой фотографии, ни единой записки. Даже их косы были досмотрены. «Что вы ищете?» – спросила одна из девушек. «То, что вы ищете, не в одежде, все это в наших душах, глазах, сердцах. Стереть это можно, лишь убив нас».

22. Армяне действительно передавали информацию о резне американскому консулу, мистеру Джексону. Одним из этих армян был пишущий на английском молодой человек, Арам Гулян, тогда как фотографии были сделаны секретарем алеппского армянского прелатства Мадтеосом Ерицяном. По подозрению в передаче информации в Алеппо были арестованы многие, в том числе армянские священники. Все эти люди в дальнейшем исчезли.

23. Нам лишь удалось установить, что один из них, Арсен Шахбазян, был родом из Киликии. Кем были двое других и откуда родом – нам неизвестно.

24. Сивас.

25. В обвинительном заключении турецкого правительства против комитета Иттихад читаем: «По данным проведенных расследований, те, кто не хотел участвовать в вышеуказанных преступлениях, считаются предателями Родины».

Приложение Б

Письмо доктора Аведиса Наккашяна Антоняну

6 октября, 1925 г.

New York

Господин А. Антонян, дорогой соотечественник в изгнании, получил ваше письмо от 21 сентября. Простите мне великодушно поздний ответ; несколько дней был в Бостоне. Не знаю, смогу ли ответить на два ваших вопроса. Армянину нелегко определить, каким был самый счастливый или самый горестный период его общественной жизни. Будучи в постоянном плавании в бушующем открытом море на утлом ветхом суденышке, путешественник не может решить, что горестнее, а что счастливее. Свою врачебную карьеру я начал в конце 1894 г., в те времена я не верил в армянское реформаторское движение. Но прежде чем заступить на работу в безопасном месте, я оказался в Мараше, где своими глазами видел первую резню. Это было печальное время, совпавшее с началом моей жизни, полной юношеских надежд в отношении общества и народа. Меня защитило то, что я работал на губернатора. Он выслал меня в Айнтаб в сопровождении полицейского. Возможно, в личном плане это и было счастьем. Я бросил своих друзей в Мараше и окрестностях на произвол судьбы. Наняв черкеса из Айнтаба в тяжелых, горестных обстоятельствах, я направился в Искендерун, путешествуя в ночи с двумя братьями, но оставив в Айнтабе родителей и сотни родственников. Айнтап был вырезан в тот самый день, когда я прибыл

в Александретту. Одновременно продолжалась борьба в Зейтуне и еще более масштабная резня. Однажды губернатор Александретты издал указ о моем изгнании. Мне удалось отплыть в лодке и добраться до Мерсина. Прошли месяцы, и я снова начал работать врачом и хирургом в Адане. Годом позже, в 1897 г., я отправился в Париж и Лондон. В то время, в ходе моих поездок по европейским городам вместе с «друзьями Армении», я познакомился с мисс Меллинджер родом из Америки, которая выступала с лекциями и собирала средства. Мисс Меллинджер и мисс Фрейзер полностью посвятили себя армянам, многим пожертвовав. Фрейзер скончалась в Болгарии. Меллинджер вышла за меня замуж и год спустя скончалась в родах, подарив жизнь нашей дочери по пути в Ачин. При жизни она постоянно переписывалась с выдающимися деятелями в Англии. Она сделала очень многое, чтобы облегчить участь армян. Смерть ее стала трагическим событием в моей жизни.

Была провозглашена Конституция Турции. В том момент я находился в Константинополе, и это было поводом для радости, мы плакали от счастья. Я думал, что и мы освобождены, что и нам предоставлен шанс жить по-человечески. Для меня это счастье продлилось лишь две недели. Однажды я беседовал с офтальмологом Эсад-пашой, одним из лидеров младотурков, и он заявил, что упадок Османской империи вызван наличием христиан. «Всевышний ниспослал беды Шейх уль-Исламу, Зембилли Али-эфенди, поскольку тот не разрешил Султану Селиму вырезать всех христиан», – сказал он. Так мне стало понятно, в каком направлении движутся младотурки, и в Адану я не поехал. Я переехал в Константинополь. Я ждал там без дела, потому что моя клиника и работа остались в Адане. Я ждал, что условия улучшатся. Когда начали поговаривать, что в Адане есть стремление взять в руки оружие, я потерял всякую надежду. В оружие я не верил, оно мне казалось опасным. Если б только я ошибался.

Я не утверждаю, что резня произошла потому, что каждый мальчишка разгуливал по улицам с пистолетом или от того, что оружием торговали на рынке, но именно это стало основой и предоставило возможность (прекрасный повод). Однажды, у себя дома в Гедик-паше, я проснулся от выстрелов тысячи ружей и вышел на улицу. В верхней части Диван-Йолу я увидел, как упал застреленным офицер турецкой армии. Я ринулся домой. Это было печальное время. Я бежал с семьей в Ай-Стефано. Прибыла армия, и мы обрадовались, но в то же время поступили новости о резне в Киликии. Были сожжены два моих новых дома и магазины. Лето 1910 г. я провел в Америке в надежде обосноваться там и уговаривал армян иммигрировать, предоставляя им информацию о стране. В Нью-Йорке я начал писать. Некоторые уважаемые армяне сочли, что то, что я пишу, – вредно. Они пытались убедить меня перестать. Я сказал: «Хотел бы я быть неправым, но писать не буду». В ноябре того же года я вернулся в Адану и отстроил свои здания. Сидя на Большом острове во время Балканской войны, я слышал звуки доносившейся из Чаталки канонады, надеясь, что подмога подоспеет. Чем все это кончилось – известно.

Началась Большая война. В Константинополе я ждал, что праведное дело победит. Эта вера помешала мне уехать. «Я хочу увидеть это своими глазами», – говорил я. Во время арестов в апреле 1915 г. меня увезли в Аяш. Это было грустное время, но всегда была надежда, остается она и по сей день. Мое освобождение из тюрьмы было поводом для счастья, но также было связано с печальнейшими воспоминаниями. Я три года прослужил солдатом в Пере, и радовали меня только мальчишки-армяне.

Наконец, я увидел прибытие союзных войск своими глазами. Я видел, как прибыл генерал Сарраил. Я отправился в тюрьму, зашел вовнутрь. Своими глазами я увидел тех, кто совершил бесчисленные убийства.

Я говорил с некоторыми из них. Видел эти ужасные лица некогда имевших могущество убивать тысячи людей одним словом.

Именно в тот день мне попалась написанная вами книга. Особенно меня заинтересовала переписка между Талаатом и Абдулахадом Нури. Я понял, какую именно роль сыграло это чудовище – Нури. Я слышал об этом и от других. Люди, находившиеся тогда в Алеппо, содрогались при одном упоминании этого искалеченного дьявола: как он добился смещения властей Дер-Зора и других мест, как он отдавал людей, нашедших пристанище в Алеппо, в руки палачей. Но этого человека не было нигде. Казалось, даже имени его нет. Я справлялся в английском посольстве, у комиссара Рейслика/командира Раскетлика. Он ответил, что имя ему незнакомо. Однажды, когда я сидел на палубе корабля, у Паши-бахче, мимо проходил изувеченный человек, который поздоровался с сидящим рядом со мной мужчиной. Тот привстал, чтобы поздороваться в ответ. «Кто этот эфенди?», – спросил я. «Абдулахад Нури», – ответил он. «На какой он должности?» «Не знаю», – был мне ответ. Я искал этого человека каждый день всю последующую неделю – в Министерстве внутренних дел, в Министерстве иностранных дел, в других ведомствах и близких к полиции кругах. В конце концов я спросил руководителей Сери Сефаина по телефону, и они ответили, что он – тахрират мудыры. [клерк-секретарь].

Я встретился с Мустафой-пашой из Комите Резийе [судейская комиссия], который возглавлял Военный трибунал, и мы решили, что я подам иск. Я написал прошение, но определенные трудности не позволили мне добраться до Военного трибунала вовремя. Было четыре часа. Я побежал к Мустафе-паше и сказал, что если этого человека сегодня не арестуют, он исчезнет. Тот отдал приказ, и двое полицейских в сопровождении офицера поехали за ним на машине. Я сидел рядом с Мустафой-пашой. Чудовище доставили.

Должен сказать, это была самая счастливая минута моей жизни. Этот человек трясся и был бледнее трупа. Я вспоминал 60 000 в Катме и 300 000 женщин, талантливых мальчиков, купцов и ремесленников, всех несчастных Дер-Зора. Мне казалось, что я слышу, как все они аплодируют с того света. Мне чудились сотни детей-ангелов, выброшенных в реку в Мескене, мне казалось, они протягивают ко мне руки. «На виселицу! – воскликнул Курд Мустафа-паша. – Сердца у вас нет! Святая книга (Машафи Шериф) запрещает все совершенные вами грехи». Этот жестокосердный человек, заставлявший рыдать тысячи людей, плакал у меня на глазах. Как я был счастлив!

Наступил день слушаний. Я говорил больше получаю. Нури рыдал и всхлипывал. У меня были записаны имена около двадцати свидетелей, в том числе Ихсана-бея, губернатора Килиса. Нури вызвал Ихсана-бея в Алеппо и спросил, почему в Килисе остаются армяне. Ихсан-бей ответил, что, следуя полученным указаниям, он делал исключения для семей солдат, ремесленников, а также для католиков и протестантов. На это Абдулахад Нури ответил, что «целью депортаций является уничтожение» и что всех их надлежит изгнать. Ихсан-бей отказался, заявив, что будет следовать лишь официальным указаниям. И лишился должности.

Разбирательство подходило к концу. Я готовился увидеть его повешенным на площади Беязид, как обещал Курд Мустафа-паша, это было особенным счастьем. Однажды утром в мою дверь постучали, на пороге стоял незнакомый мне священник. «Я отец Тачат, – сказал он. – Мою поездку оплатило правительство страны в Энгюри [Анкаре], чтобы освободить Абдулахада Нури. Этот зверь – брат Министра иностранных дел Юсуфа Кемаля. Вы хотите повесить этого пса, но если это произойдет, они там вырежут две-три тысячи армян. Умоляю вас, отпустите этого человека».

Это была грустная минута. В мгновение ока все мои чаяния растворились в воздухе. Это уже не было делом прошлого, передо мной стоял вопрос будущего. Что надлежало делать? Месть и справедливость – цели благородные, но речь шла о жизнях нескольких тысяч армян. Но череда трагедий на этом не закончилась. Пока мы пытались найти решение и организовать нашу деятельность, кабинет Фарида-паши был распущен, и его место заняло правительство, симпатизирующее националистам.

Был заменен и военный трибунал. Когда меня вызвали туда, первое, что я услышал, было следующее: «Вы обвиняете и мучаете выдающегося честного чиновника, который верен интересам этой страны и армии». Кого я должен был защищать – себя, Абдулахада или экстремистов в Энгюри [Ankara]? Процесс был недолгим. Мне сказали: «Подождите», – и вверили меня офицеру полиции. Я ждал час. Скажем так, если хотите, – это было самое печальное время в моей жизни. Спустя час меня отпустили домой. Мустафа-паша был арестован и чудом спас собственную шкуру. Абдулахада Нури отпустили. И это был еще не конец. В 1921 г. я поехал в Адану по работе и по имущественным вопросам. Тогда стало известно о договоре в Энгюри [Анкаре]. Я был одним из первых, бежавших, в Адане оставалось еще 50 000 армян, и их судьба была предрешена. Я знал, что Киликия, о которой они мечтали, утеряна навсегда.

Последний печальный эпизод, когда я чудом спасся, был в Баликесире. Там были греки, и все было мирно. Началось наступление на Афьонкарахисар. Прошло несколько дней. До меня дошли слухи, что греческие солдаты бежали. В тот же день я сопровождал жену брата с одним из детей на поезд. Люди заметили и решили, что я сошел с ума. Если б это было безумием... Я только смог позвать с собой детей двоих друзей. Мы начали свой путь в четыре часа и прибыли в Бандырму. Вечером того же дня дороги были заблокированы. Банды

вырезали всех христиан. Мы отплыли в Родосто, еле успев на корабль. Не спавши 36 часов кряду, я бродил по берегу, пытаюсь найти переправу, потому что паника уже начиналась.

Большой удачей было получение семейной визы на отъезд из Константинополя в Египет. Понаблюдав в течение полутора лет за демонстрациями арабов против британского правления и став свидетелями победы сторонников Заглула, мы отправились в Америку. Приезд сюда был счастливым днем нашей жизни. Я сдал экзамен и снова стал врачом.

Так что, дорогой господин Антонян, скажите сами, что было счастьем, а что несчастьем в этой короткой истории. Не знаю, зачем вам эта информация. Скоро будет издана книга об Айасе, с фотографиями. Вышлю вам экземпляр. Для этой книги я сделал снимок, высылаю его с этим письмом. Пытаюсь заполучить у фотографа еще несколько.

С уважением,

Наккашян

*Перевод на русский Анны Симонян
с перевода на английский Дженнифер Манукян*

Приложение В

Письмо Арама Антоняна Мари Терзян

*Доктору Мари Терзян,
Пансион Мелроуз, Кло-Бельмонт, 12,
Женева, Швейцария
28 июля, 1937
Париж*

Мадам, простите мне мой запоздалый ответ на ваше письмо от 14 июня. Мне необходимо было разыскать некоторые старые документы и заметки, которые я отложил много лет назад. Это заняло немного времени,

Оригиналы депеш, воспроизведенных в моей книге, можно найти в Армянском бюро Лондона, которому выдающиеся армяне из Манчестера поручили публикацию моего труда на английском. Полагаю, у вас именно английская версия. Это лишь краткое изложение, выпущенное под названием «Мемуары Наим-бея: турецкие официальные документы, относящиеся к резне армян» [1]. Предисловие к изданию написал виконт Гладстоун. Однако и в этом изложении телеграммы воспроизведены целиком. Я выехал из Лондона до того, как книга вышла в свет, и смог забрать лишь те оригиналы, которые уже были воспроизведены на цинковых пластинах. Все прочие оставались в Лондоне для печати, и я совершенно забыл о них до того дня, когда по ходатайству доктора А. Наккашяна был арестован Абдулахад Нури-бей [2], бывший заместитель директора

по делам депортированных в Алеппо, заступивший на должность флотского чиновника в Константинополе. Это было в августе 1920 г. Это чудовище, очень расстроенное своим арестом, который мог иметь фатальные для него последствия, должен был предстать перед хорошо известным военным трибуналом под председательством Курда Мустафы-паши. Последний уже осудил виновников нескольких печально известных случаев резни, приговорив их к повешению в Стамбуле.

В преддверии суда доктор Наккашян посредством Его Святейшества, Константинопольского патриарха Завена, обратился к Погосу Нубару-паше, председателю армянской делегации, чтобы тот попросил меня выслать оригиналы документов, воспроизведенных в моей книге, в Патриархию. Я получил письмо от Погоса Нубара-паши на этот счет и немедленно отписал Армянскому бюро в Лондоне, чтобы они выслали все имеющиеся у них оригиналы в Патриархию, что и было сделано. Одновременно я послал многословное эссе, написанное Наимом-беем карандашом касательно Абдулахада Нури-бея и обличающее его кровожадного начальника, и те имеющиеся у меня оригиналы, где упоминался Абдулахад Нури.

Суд, однако, так и не состоялся. Брат Абдулахада Нури, Юсуф Кемал-бей, Министр иностранных дел правительства Великого Национального Собрания, который жил в Ангоре [Анкара], отправил в Константинополь отца Тачата, религиозного предводителя армян в Кастамуни [Кастамуну], с угрозами, что случись его брату быть повешенным — что было более чем вероятно — все армяне, проживающие в Анатолии, будут без жалости вырезаны кемалистским правительством. Несчастный армянский священник, убежденный, что это не пустая угроза, приехал в Константинополь, чтобы убедить Армянскую патриархию и доктора Наккашяна отказаться от судебного разбирательства.

Тем временем, кабинет Фериды-паши, находившийся у власти в Константинополе и подписавший Севрский договор, был вынужден уйти в отставку под давлением кемалистского движения, распространявшегося в угрожающих масштабах, даже в Константинополе, где были опубликованы разрушительные и катастрофические условия договора, подписанного в Севре. Новый кабинет, очевидным образом созвучный кемалистам, взял на себя бразды правления в Константинополе, и одним из первых постановлений было не просто освобождение Абдулахада Нури, но и арест членов Военного совета, которые должны были судить это чудовище, в том числе председателя Совета Курда Мустафы-паши и самого доктора Наккашяна. Они предстали перед новым трибуналом, и доктору Наккашяну пришлось вынести много мучений, прежде чем его выпустили.

Если вас интересует этот эпизод, вы можете спросить о подробностях самого доктора Наккашяна. Он переехал в Нью-Йорк. Вот его последний адрес: Западная 166 улица, д. 530, Нью-Йорк.

Что касается высланных в Патриархию документов – из Лондона или лично мною, – которые были присовокуплены к делу против Абдулахада Нури, они, разумеется, там и остались. Что с ними стало дальше, я так и не узнал.

Я перестал задумываться о судьбе этих документов, когда (если не ошибаюсь, это было в апреле 1921 г.) меня вызвали в Берлин свидетелем в суд Моабита, где проходил процесс по делу об убийстве бывшего Великого визиря Талаата-паши. Молодой армянин, Согомон Тейлерян, застрелил его на Харденбергерштрассе в Берлине. Адвокаты Тейлеряна сообщили мне, что было бы очень полезно, если бы в подтверждение моей книги, которую они собирались использовать на суде, я мог бы представить несколько оригиналов опубликованных депеш.

Я выехал в Берлин с теми документами, которые у меня были, в частности письма Бахаэттина Шакира-бея, а также несколько расшифрованных секретных телеграмм с пометками алеппского вали, Мустафы Абдулхалика-бея.

Конечно же, вопрос подлинности был затронут в Берлине на первой же встрече с адвокатами Тейлеряна. 10 июня 1921 г. я выдал им короткий меморандум о происхождении этих документов. Этот меморандум имел ценность только для одной стороны и решить проблему не мог. Адвокаты Тейлеряна, включая двух выдающихся членов берлинской адвокатской коллегии, доктора Фон Гордона и доктор Вертхауэра, и одного из крупнейших юристов Германии, профессора Нимайера из Кильского университета, сделали все, чтобы удостовериться в подлинности документов самим, прежде чем представить их суду. С этой целью, при посредничестве доктора Лепсиуса, они предоставили мою книгу и воспроизведенные документы на экспертизу чиновника из Министерства иностранных дел, господина В. Ресслера, который в годы войны служил консулом в Алеппо и был свидетелем совершенных в отношении армян жестоких бесчинств. Господин В. Ресслер, живший в Эгере, с радушием отозвался на просьбу доктора Лепсиуса и ответил подробным отчетом, в котором и заключил, что документы подлинные.

Этот отчет был датирован 25 апреля 1921 г., однако, адвокаты его получили лишь 12-13 июня, поскольку автор, будучи чиновником, счел себя обязанным представить его на согласование министру до отсылки доктору Лепсиусу. Министр отчет согласовал при условии, что он будет использован лишь для информированности самих адвокатов, останется строго конфиденциальным, и в суде упомянут не будет. В то же время, министр, в своем желании избежать какого-либо участия в суде, запретил консулу Ресслеру выступать в суде с

показаниями, что привело к множеству критических и иронических публикаций в берлинской прессе.

Отчет Ресслера полностью убедил адвокатов, которые сразу же поручили доктору Полю Пфедферу в Берлине перевести на немецкий депеши Талаата-паши и опубликовать их в виде четырехстраничного буклета. Буклет распространили среди членов суда, присяжных, представителей прессы и других неофициальных лиц. Заложив таким образом основу, адвокаты умело применили некоторые из имеющихся оригиналов в суде. Они сыграли важнейшую роль и в значительной мере предопределили благоприятный исход дела. Вы, вероятно, знаете, что Тейлеряна оправдали.

Узнав об отчете, великий немецкий полемист Максимилиан Харден (в отличие от него, его не менее известный соплеменник Эмиль Людвиг придерживался откровенно протурецких взглядов) посвятил целый номер своего известного еженедельника «Die Zukunft» моей книге (номер от 4 июня 1921 г.; он узнал о моей книге еще до адвокатов, вероятно, через доктора Лепсиуса) и был одним из самых ярых защитников подсудимого и армян в целом в ходе всего процесса.

Прилагаю к письму экземпляр буклета с переводом доктора Пфедфера. Что же касается отчета господина Ресслера, у меня есть его копия, но покойный доктор Лепсиус дал его мне при условии, что я никогда не буду его упоминать публично, без предварительного письменного согласия самого консула Ресслера.

Отчет написан на немецком. В нем немало критических отзывов о моей книге, которую он считает совершенно необъективной. Кроме того, он опровергает большую часть описанных эпизодов, связанных с поведением немцев в Турции во время войны. Конечно, он прав во многом. Он лишь забывает, что моя книга не призвана быть историческим трудом, а задумывалась как пропагандистская работа и, конечно же, как тако-

вая, не может не иметь характерных для такого рода публикаций недостатков. Следует также помнить, что в те времена в странах Антанты без резко негативных комментариев в адрес Германии было не обойтись. Добавлю, что при издании книги Армянское бюро в Лондоне и Армянская национальная делегация в Париже тоже не особенно церемонились с моей рукописью, исходя из тех задач, которые они перед собой ставили.

Но консул Ресслер был честен. Хотя и он был сильно раздосадован обвинениями, с которыми я выступил в книге в адрес Германии, консул был очень великодушен в той части своего отчета, которая была связана с документами об организации резни. Эта часть отчета убедительна и поучительна для понимания армянской трагедии, которую он освещает.

Из запрашиваемых оригиналов я нашел в своих бумагах лишь письма Бахаэттина Шакира-бея от 18 февраля. Его два письма, а также оригиналы нескольких телеграмм, были присовокуплены к делу Тейлеряна. Они должны быть там до сих пор. По возвращении в Париж я предпринял две попытки заполучить их, но безрезультатно. В сентябре 1921 г. один из адвокатов Тейлеряна, доктор Вертхауэр, был с супругой проездом в Париже. Узнав об этом от друга, я посетил их в отеле Крийон, где они остановились, и, пользуясь случаем, спросил об этих документах. Доктор Вертхауэр обещал об этом позаботиться, когда вернется в Берлин, но я так и не получил от него новостей.

Вы также спрашиваете, почему я не упомянул Бахаэттина Шакира-бея в моей книге как автора двух опубликованных в ней писем Джемалу-бею, тогда как его имя уже было раскрыто константинопольскими газетами.

Ответ очень прост. Во время издания книги я не знал, что эти письма были от Бахаэттина Шакира-бея. Вместо подписи в них стоял неразборчивый абзац, который, на первый взгляд, казался просто пометкой.

Разгадка открылась мне несколькими месяцами позже, после публикации моей книги в Берлине в 1921 г. Армянский комитет, который занимался защитой Тейлериана в том же городе, собрал пачку армянских газет с публикациями о резне. Будучи в Париже, я не часто получал газеты из Константинополя, я просмотрел их из любопытства и вдруг наткнулся на перевод одного из писем Бахаэттина Шакира-бея, с подписью и его именем. Это была вырезка из старого номера «Жоховрды Дзайны», на которой не было даты, я отношу ее к 1920 г. Поскольку в моей книге это письмо осталось без подписи, меня, конечно, заинтересовало, почему в конце перевода упоминается имя Бахаэттина Шакира. Я написал в турецкую газету, которой был сделан перевод (кажется, это была газета, принадлежащая армянину, Миграну-бею, «Сабах», главным редактором которой был Али Кемал-бей, известный своей оппозиционностью партии «Единение и прогресс»). Так я узнал, что две буквы под письмами, воспроизведенными в моей книге, составляли слово «Баха», прозвище, под которым Бахаэттин Шакир был известен в кругу близких друзей. Таким образом, эта тема особой сложностью не отличается и потому интереса не представляет.

Вы также спрашиваете, подчинялся ли Джемал-бей, получатель двух писем Бахаэттина Шакира, Наиму-бею. Нет! Я уже подробно писал вам об этом в своем первом письме. Разница между этими двумя огромная. Наим-бей был мелким незначительным чиновником, тогда как Джемал-бей, будучи Ответственным секретарем (Kiatibi Messoul) Комитета «Единение и прогресс» в Алеппо, был абсолютным владыкой всей провинции, и выше рангом самого префекта (Vali), хотя и, конечно же, лишь в вопросах гражданского управления. В военные дела он вмешиваться не мог, но в гражданских, таких как депортации и резня, все было в его власти. Перечитайте, прошу, мое первое письмо и страницу 100 моей книги.

Судя по всему, поскольку заместитель директора по делам депортированных Абдулахад Нури-бей был целиком и полностью предан делу Комитета «Единение и прогресс», а, следовательно, был благонадежен, Джемал-бей передал два письма Бахаэттина Шакира-бея, адресованные его Канцелярии, в качестве руководства к действию. Излишне говорить, что указания были выполнены в точности и до последней буквы. Этим объясняется также то, как их нашел Наим-бей и передал наряду с другими документами из Канцелярии Абдулахада Нури-бея, где он служил секретарем. Это была одна из самых неорганизованных канцелярий, где царил неопиcуемый хаос, архивные документы были беспорядочно распаханы по ящикам без нумерации и этикеток, без какой-либо каталогизации. Тем не менее все канцелярии по вопросам депортированных во всех городах и регионах были примерно так же хаотичны.

* * *

В записке, которую я направил адвокатам Тейлеряна в Берлине, копию которой вы найдете приложенной к этому письму, вы найдете описание обстоятельств того, как именно нам удалось заполучить документы, воспроизведенные в моей книге. Эта записка неполная. Есть темы, которые я не мог раскрыть ни в книге, ни адвокатам Тейлеряна, чтобы не скомпрометировать Наима-бея, который был не совсем безгрешен. Для нас он шпион, предавший свою страну. И этого достаточно! Более того, в качестве чиновника он был не на хорошем счету, но его терпели, не зная о его предательстве. Среди административного персонала алеппского муниципалитета он не был исключением, там попадались такие мошенники, рядом с которыми Наим-бей – сущий ангел. Он был пропойцей и игроком, и именно эти пороки и толкнули его на предательство.

Правда в том, что мы выкупили у него все предоставленные документы.

Но в глубине души он был хорошим человеком. Во-первых, несмотря на то, как он опустил, Наим-бей внушал полное доверие. Мы всегда могли на него положиться.

Я познакомился с ним в одном из концентрационных лагерей для депортированных в месопотамской пустыне, в Мескене, куда его направили временно, на замену Мудира (директора) Хусейн-бея. Последнего уволили за недостаточный энтузиазм в выполнении полученных от алеппских властей приказов. К этому времени резня в Дер-Зоре уже началась, и заместитель директора по делам депортированных в Алеппо требовал, чтобы Хусейн-бей освободил лагерь в Мескене и выслал депортированных в Дер-Зор для дальнейшего уничтожения. Но Хусейн-бей не хотел расставаться со своими депортированными, по крайней мере, с теми, кто было побогаче и кто щедро платил за его расположение. Наим-бей, в ожидании того, что Хусейн-бей сумеет оправдаться, последовал по тому же пути, и это прекрасно иллюстрирует то время, когда все жили в постоянном страхе, что их отправят в те районы, где идет резня, а новости становились день ото дня все ужаснее.

В этих обстоятельствах Наим-бей предложил некоторым состоятельным семьям бежать в Алеппо, обещая помочь им в этом, разумеется, за плату. Эти семьи из Коньи, Аданы, Ак-Шехира и т.д., выбора не имели, но воспользоваться предложением Наима-бея не отважились, полагая – кстати, вполне справедливо – что бегство группой из шести-семи-десяти человек не могло пройти незамеченным на долгом пути от Мескены до Алеппо и могло иметь серьезные последствия.

Тогда Наим-бей предложил послать одного человека в Алеппо, чтобы договориться с одним знакомым ему возницей-арабом. По его словам, этот возница, которо-

го он называл Нахлы, был надежным, осторожным и очень честным человеком и был вполне способен перевезти эти семьи, не подвергая их опасности. Более того, будучи местным жителем, он мог в пути заручиться помощью местных арабов, которые часто испытывали чувство солидарности.

Поскольку я был близок к этим семьям и знал об их беседах с Наимом-беем, эти семьи попросили меня взять на себя роль посредника. Выбора у меня не было, и я довольно быстро согласился и попытал удачи.

С этой целью я несколько раз встретился с Наимом-беем, который хотел мне дать рекомендательное письмо для упомянутого Нахлы, и однажды я отправился в Алеппо. Но поскольку я еще недостаточно хорошо знал Наима-бея, а его должность турецкого чиновника не вызывала у меня доверия по понятным причинам, указанным им путем я не последовал, опасаясь засады. Вместо того, чтобы идти по правой стороне дороги, как он советовал, что было бы короче, я шел по левой стороне. Это было дольше и труднее, но зато на моем пути были холмы из песка и известняка, которые позволяли мне прятаться и спать днем, поскольку идти я мог только ночью. До Алеппо я добирался три дня и четыре ночи, имея при себе из еды лишь окаменевшие галеты, огурцы и бобы рожкового дерева. Я шагал в километре-двух от основной дороги, стараясь не потерять из виду телеграфные провода, мой единственный ориентир на пути к городу.

Иногда я оказывался в компании двух-трех гиен, которые спокойно следовали за мной по ночам на почтительном расстоянии, как будто контролируя, в ожидании того, что я упаду. На рассвете они прятались, точно так же, как я. Я никогда их не видел при свете дня. В общем, и ночью я их не видел, лишь зловещий отблеск их глаз во тьме, похожий на блуждающие огоньки. Наим-бей меня уже предупреждал о них, сове-

товал продолжать путь, не обращая на них внимания, и ни в коем случае не убегать, поскольку это могло спровоцировать их на нападение. Едва наступила третья ночь, как они покинули меня навсегда, видимо, следуя за шумным вороньем, которое слеталось на группы.

В Алеппо я легко разыскал возницу по имени Нахлы. Это действительно был добрый и надежный человек, который с готовностью согласился на наше предложение и, как и было обговорено с Наимом-беем, в несколько поездок смог перевезти 16 семей в Алеппо, в каждой из них взяв одного или двух представителей армянской интеллигенции, которые оказались в Мескене без каких-либо средств к существованию.

Таким образом, благодаря предпринятым Наимом-беем мерам, Нахлы смог беспрепятственно перевезти 16 семей и представителей интеллигенции без какой-либо огласки. И Наим-бей, и Нахлы были щедро вознаграждены за труды.

Позднее, несколько членов этих семей были арестованы в Алеппо по обвинению в побеге из Мескены. Арестовали и меня, но сразу же отпустили, благодаря справке, которую для меня организовали друзья. Остальным устроили очную ставку с Наимом-беем, который вернулся в Алеппо, но поклялся всем святым, что никогда их не видел в Мескене. Это облегчило их освобождение. Арестовали и возницу Нахлы, но тот яростно все отрицал, как умеют только арабы. Его продержали в тюрьме несколько месяцев, но он никого не выдал.

Наим-бей мог бы воспользоваться этим инцидентом и начать шантажировать бежавшие семьи, но он ни разу их не побеспокоил. Он, конечно же, вспоминал этих людей, когда оказывался на мели, что случалось частенько, но ни разу он не попросил у них денег напрямую. Обычно я служил посредником, и поскольку то были люди небедные и в то же время преисполнен-

ные чувством благодарности к Наиму-бею, которого считали своим спасителем, мое посредничество часто оказывалось небезуспешным. Да и суммы Наим-бей просил незначительные.

Так, пользуясь установившейся между нами близостью, мне удалось постепенно получить информацию о ходе событий и истинных намерениях местного правительства, а затем и убедить его забрать документы из архивов поддирекции по делам депортированных, которая в тот момент больше не действовала: резня в Дер-Зоре закончилась месяцами раньше. Британцы уже вплотную подобралась к Дамаску, падение Алеппо необратимо приближалось. Я сказал Наиму-бею, что когда британцы войдут в Алеппо, он сможет продать все документы о резне армянским административным органам, которые тогда будут основаны. Именно тогда я его убедил записать свои воспоминания о том, что происходило с армянами.

Именно по этой причине он остался в Алеппо. После того, как британцы заняли город, армяне основали Национальный союз, который после длительных экспертиз купил выкраденные Наимом-беем документы. Эта покупка состоялась при обстоятельствах, описанных в берлинском меморандуме от 10 июня 1921 г.

Я пишу это строго конфиденциально, с одним-единственным намерением – удовлетворить ваше любопытство. В своей книге я обрисовал совершенно иной портрет Наима-бея, и установление чистой правды не может быть напрасным. Одним словом, это была противоречивая натура, в нем уживалось и хорошее, и плохое. Наим-бей был совершенно аморальным человеком. У него были пороки, которые его вынуждали продавать многое, но не все. Разница огромная. Я не забыл, что за все время нашего знакомства он ни разу не обманул меня. Как видите, мы смогли воспользоваться хорошим, не заботясь о плохом. Я часто думаю о нем,

и испытываемое к нему сочувствие не уменьшается со временем. Это потому что я не раз подставлялся в моих отношениях с ним (что было рискованно, но вполне в духе моей авантюрной натуры), и он ни разу меня не предал.

Что касается точного названия его должности, оно было переведено в английском издании книги как «главный секретарь комитета по депортации в Алеппо». Это не совсем верно. Его должность следовало назвать «секретарь канцелярии субдирекции по делам депортированных в Алеппо». К сожалению, английским я не владею, и написать точное название по-английски не могу. Надеюсь, вы сможете сами разобраться.

Простите за пространное письмо. Я злоупотребил вашим любопытством, чтобы записать некоторые воспоминания из тех памятных дней, которые еще не исказились от времени.

Желаю вам успеха в вашей работе и надеюсь, что вы будете продолжать меня о ней информировать. Примите уверения в глубочайшем почтении.

Искренне ваш,
Арам Антонян

*Перевод на русский Анны Симонян
с перевода на английский Дженнифер Манукян*

Примечания

1. Здесь Антонян неверно указывает название английского перевода. Дословно оно звучит так: The Memoirs of Naim Bey: Turkish Official Documents Relating to the Deportation and the Massacres of Armenians.

2. В ходе перевода были воспроизведены ошибки и непоследовательность использования заглавных букв французского оригинала.

Приложение Г

Письмо консула В. Ресслера доктору Лепсиусу

Консул В. Ресслер

Эгер, 25 апреля 1921 г.

Дорогой доктор Лепсиус!

Получил книгу Арама Антоняна о резне армян, которую вы великодушно мне выслали. Чтение ее вызвало в памяти множество воспоминаний об Алеппо. В нижеприведенном анализе я бы хотел сначала сделать некоторые оговорки и лишь затем обратиться к ценности рассказанного Наймом-беем и приведенных документов.

На мой взгляд, автор неспособен быть объективным; вместо этого он руководствуется эмоциями, а также пишет с определенной предвзятостью по отношению к Германии, к которой мы, к сожалению, уже привыкли. О Германии в книге он неоднократно отзывается с ненавистью, совершенно игнорируя информацию о германском вмешательстве в защиту армян. Когда же факт германского вмешательства оказывается неоспорим, он старается минимизировать его воздействие посредством дополнительных обстоятельств. Если телеграмма от Энвера-паши на странице 158 подлинная, то влияние Германии, о котором он говорит, имеет огромное значение, и вмешательство может однозначно считаться очень успешным. Автор приписывает эти заслуги Либкнехту и Ледебуру. Когда он признает факт вмеша-

ства руководства анатолийской и багдадской железной дороги, он упоминает лишь о швейцарцах. Только на 51 странице он упомянул об «инженерах» в целом, но затем укрепил читательское впечатление похвалой в адрес швейцарца. Ни единого слова о работе сестры Беатрис, сестры Полы Шафер, об Урфе и Мараше! Он пытается приписать германскому подстрекательству факт того, что огромное число армян было выдворено в Дер-Зор (стр. 56), и утверждает, что причиной этому – формирование армии Йилдирим. Он забывает, что изгнание в Дер-Зор произошло в 1915–1916, а армия Йилдирим была сформирована лишь в 1917 г. Возможно, автор спутал это обстоятельство с военными рекомендациями, которые высказывались представителями Германии в 1915 и 1916 гг., направленными на предотвращение распространения эпидемий на железной дороге из-за заболевших депортированных. Как мы знаем, эти усилия увенчались лишь частичным успехом. Эти рекомендации высказывались, при этом, из соображений заботы об армянах и в прямой попытке помочь им, сохраняя их средоточия в 10-20 футах от железнодорожных путей, как в Бабе, чтобы суметь помогать им продуктами питания.

Есть и ряд неточностей в датах публикуемых документов, которые очевидным образом просто ошибочны. Документ на странице 132 может быть датирован 15 января 1916 г., но никак не 15 января 1915 г. Кроме того, документ на странице 133, под номером 853, должен быть датирован 23 января 1916 г., а не 1915 г. Аналогичным образом заметна ошибка в документе под номером 762 на странице 148. Здесь телеграмма от 17 декабря 1915 г. представлена как ответ на телеграмму от 2 декабря 1916 г. На странице 72 в тексте упомянута дата 20 января 1917 г., однако, в телеграмме указано 20 января 1916 г.

Автор не всегда четко представляет связь между различными событиями, особенно в Главе 3 (Резня в

Дер-Зоре) – повествование постоянно прыгает взад и вперед, и в некоторых местах, кажется, продиктовано исключительно попыткой связать все имеющиеся документы в один рассказ (так, к примеру, страница 70 не вписывается в контекст).

Несмотря на это, я должен сказать, что содержание книги, во всех своих деталях, производит достоверное впечатление, и все публикуемые документы, в сравнении с ходом реальных событий, безусловно, вполне могут быть подлинниками. Многие конкретные события, с которыми я знаком, описаны совершенно точно; другие, с которыми я не был знаком, полностью объясняют явления, свидетелем которых я был, но объяснить тогда не мог. Так, к примеру, было с тем обстоятельством, что в какой-то момент времени из Мескены в Алеппо вернулись многочисленные армяне. Автор убедительно объясняет это на странице 13 тем, что Наим-бей, подобно Хуссейну-бею, мудиру [управляющему] Мескены, не выполнил полученные ужасные указания. Кажется, я помню Хуссейна-бея (Hussein Bey); по крайней мере, был эпизод, когда мне удалось, посредством рекомендации в Мескене, добиться разрешения на возвращение шести армян-учащихся американской семинарии в Алеппо.

В своем послесловии автор называет комиссариат по депортациям (*sousdirection générale des deportés sise à Alep*) основным организатором депортаций. В этом он прав. Когда комиссар по делам депортированных прибыл из Константинополя, на мгновение я поверил, что его приезд подразумевал обеспечение депортированных пищей и прочим необходимым. Я обратился к комиссару с просьбой отпустить некоторых армян, служивших представителям Германии. Он отказал очень резко и крайне высокомерным тоном, который я никогда не забуду, сказал: «*Vous ne comprenez pas ce que nous voulons. Nous voulons une Arménie sans Arméniens*»

[1]. Именно так он охарактеризовал свою задачу, что и показано в книге Антоняна. Имя комиссара я запомнил, но, вероятно, это был Абдул Нури-бей, или же его начальник, Шукри-бей, который был в Алеппо до него. Не помню я и имени Наима-бея, что не удивительно, поскольку я относился к депортационным властям с большой осторожностью и вмешиваться мог лишь через третьих лиц. С другой стороны, я очень хорошо помню Эюба-бея; он занимался депутациями до приезда комиссара из Константинополя и в дальнейшем перешел в его подчинение [здесь не хватает нескольких слов – прим. переводчика]. Я считаю его описание в книге точным.

Подлинность телеграмм из Константинополя, содержащих приказы Министерства внутренних дел, конечно же, трудно определить, поскольку они содержат лишь почерк телеграфистов или писателей, их декодировавших. Мне кажется, я помню подпись Вали Мустафы Абдул Халика-бея. В любом случае, эту подпись можно отдать на экспертизу в Алеппо, и таким образом получить косвенное доказательство подлинности депеш из Министерства внутренних дел. Автор подразделяет документы (стр. 16) на те, которые Наим-бей сохранил, и те, которые он воспроизвел по памяти (*transcrire au fur et a mesure de ses souvenirs*) [2]. Мне представляется вполне возможным, что Наим-бей сохранил у себя официальные документы, а не заархивировал. Насколько мне известно, турки никогда не хранили документы. В некоторых канцеляриях имелись хорошо классифицированные каталоги, но маловероятно, что временный орган, подобный Комиссариату по депортациям, был бы особенно озабочен архивацией, тем более, учитывая характер их деятельности. Таким образом, документы, представляемые как оригиналы, вполне могут быть подлинными. Для оценки достоверности тех документов, которые были воссозданы по памяти, нужно быть хорошо знакомым

с характером Наима-бея. Однако ничего невероятного в них я не увидел. Более того, известные мне факты хорошо объясняются этими документами. Язык, которым они сформулированы, тоже говорит, скорее, об их подлинности, чем наоборот.

Я не могу судить о подлинности или сфальсифицированности крайне важного письма, предшествующего депортациям, направленного Комитетом младотурков своему представителю в Адане, Джемалу-бею, 18 февраля 1915 г. (стр. 96), равно как и других писем от Комитета младотурков. Не представляю, как можно проверить их подлинность.

Настоятельно рекомендую вам обратиться за комментариями к сестре Беатрис. Она часто напрямую общалась с комиссаром по депортациям. С Эюбом-беем она лично знакома, знает ли также Наима-бея и Абдула Нури-бея, мне неизвестно. В любом случае ее замечания будут очень ценны. Взвешенным будет так же мнение консула Хоффмана, который сейчас работает в Министерстве иностранных дел, по адресу Бейренштрассе, 21.

И несколько подробностей об обвинениях, которые автор выдвигает в адрес Германии. Фотография на обороте страницы 56, «Бог да покарает Англию», изображает команду лайнера «Эмден» на приеме в честь немцев Алеппо, одетых в арабские головные уборы, которые они были вынуждены носить от солнца, поскольку их матросские бескозырки были утеряны. На приеме алеппский вали подарил офицерам и команде новые головные уборы и верхнюю одежду, которые на них и надеты на фото. Вполне понятно, что члены германского флота, так пострадавшие от англичан, решили сфотографироваться с табличкой «Бог да покарает Англию». Автор же помещает эту фотографию в совершенно неверный контекст. Мюке проезжал через Алеппо в мае 1915 г. Это не имело ничего общего с

антианглийской пропагандой среди арабов. На самом деле, команда «Эмдена» не была особенно расположена к арабам. В конце концов, они против них сражались и потеряли в бою троих товарищей, как рассказывает об этом Мюке. Я мало что знаю о пропаганде, в которой автор винит госпожу Кох. Я не видел арабской книжицы с призывами к святой войне, страницу из которой сфотографировал Антонян. Возможно, что это было некомпетентностью со стороны представителей Германии, а возможно, что эта брошюра предназначалась для Северной Африки и в Алеппо оказалась случайно.

Буду искренне признателен за информацию о статусе публикуемого досье.

В. Ресслер

*Перевод на русский язык Анны Симонян
с перевода на английский Мелинды Купер*

Примечания

1. Вы не понимаете, чего мы хотим. Мы хотим Армению без армян.
2. Записано по памяти.

Приложение Д

Меморандум адвокатам Соломона Тейлеряна

10 июня 1921 г.

Берлин

Документы, воспроизведенные в моей книге, Documents officiels concernant les massacres arméniens (Париж, 1920), находились во владении Наима-бей, бывшего ранее секретарем поддирекции по делам депортированных в Алеппо. Поддирекция, центральное руководство которой располагалось в Константинополе под началом молодого члена Комитета партии «Единение и Прогресс» по имени Шукри-бей, была призвана выполнять все приказы и меры, связанные с депортацией армян, поскольку Алеппо был центральным пунктом для их переправки дальше в пустыни Сирии и Месопотамии.

Наим-бей был очень порядочным и безобидным человеком, и армяне и в Алеппо, и в других местах даже во время войны часто видели от него доброту и сочувствие к себе и другим депортированным соплеменникам.

Несомненно, эти документы были изъяты из архивов поддирекции по делам депортированных в Алеппо, поскольку губернатор (Вали) Алеппо после расшифровки полученных от Министра внутренних дел (Талаата-паши) указаний, передал их далее с собственноручными пометками, подписью и датой в

поддирекцию по делам депортированных, где Наим-бей служил секретарем. Последняя была обязана претворить их жизнь.

Когда Наим-бей согласился передать нам эти документы, Армянский национальный союз Алеппо – официальное учреждение – провел экспертизу почерков и подписей в пометках на документах. Экспертиза продлилась целую неделю. Перед нами были другие документы за подписью и пометками губернатора Мустафы Абдулхалика-бея, и мы тщательно сравнивали их в мельчайших подробностях. В итоге и единогласным образом пометки на этих документах были признаны идентичными почерку и подписи губернатора Мустафы Абдулхалика-бея, что не оставляло сомнений в подлинности документов.

Убедившись в подлинности документов и тем более, учитывая мою собственную осведомленность о резне и творившихся зверствах, поскольку я сам два года прожил в этих ужасающих обстоятельствах, Национальный союз поручил мне выбрать среди имеющихся у Наима-бея документов те, которые позволят безошибочно определить виновных в резне армян.

Изучая эти документы, я обнаружил, что практически все приказы – будь то о массовой резне, или депортации с целью истребления, или об убийстве детей – исходили от Талаата-паши, Министра внутренних дел, позднее – Великого визиря. Именно он призывал и требовал действий у чиновников, чтобы как можно быстрее избавиться от армянского народа, целиком истребив его, не жалея ни стариков, ни детей. В частности, он сообщил им, что истребление – вопрос решенный, что его необходимо осуществить как можно скорее, не опасаясь ни наказаний, ни других последствий. Этот преступный план был назван Талаатом-пашой величайшим патриотическим долгом чиновника. Из этих документов я выбрал наиболее су-

щественные, и, уверяю вас, еще до того, как я увидел эти письменные указания, я сам был свидетелем их осуществления в адское время между 1915 и 1916 гг. Армянский национальный союз Алеппо поручил мне перевезти эти документы в Европу и передать Армянской национальной делегации в преддверии Мирной конференции, как и указано в разрешении на выезд, выданном французскими военными властями в Алеппо, которое я использовал как паспорт.

Я завершил свою миссию, включив документы, предоставленные Наимом-беем, с некоторыми комментариями и пояснениями в детальный отчет, который с тех пор был издан в Лондоне на английском языке, в Париже на французском, и в Бостоне – на армянском.

Арам Антонян

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В турецком языке есть выражение: «У правды есть дурное обыкновение в конце концов проясняться» (Gerçeklerin bir gün açığa çıkmak gibi k.tü huyu vardır). В течение десятилетий одно турецкое правительство за другим пытались скрыть или уничтожить историческую правду об истреблении армянского народа. С этой целью изобретались и применялись различные стратегии. Важнейшей из них всегда была попытка представить альтернативный набор «фактов» в соответствующем изложении, который призван представить иную реальность, а именно, что целью депортаций была мирная эвакуация и переселение армянского населения из военных зон. Эта стратегия в то же время была направлена на уничтожение документации, доказывающей уничтожение армян в результате сознательного плана иттихадистского правительства и одновременной попытки дискредитировать все имеющиеся об этом свидетельства.

Одним из результатов этой продолжающейся кампании стало усугубление травмы выживших армян. Мало того, что их предки были убиты, выжившие и их потомки не могут пережить свое горе и потерю, поскольку совершенные преступления даже таковыми не признаются. Вместо этого им постоянно приходится справляться с непростым «доказательным» бременем того, что их семьи были убиты. Любой их рассказ автоматически считается подозрительным, «пристрастным и недостоверным источником» лишь в силу армянского происхождения.

Однако есть и надежда. Очевидным образом, несмотря на слаженные попытки Турции замолчать эти события, за последние десятилетия серьезная исследовательская работа сильно пошатнула стены «стеклянного дома», воздвигнутого отрицанием, установив историческую достоверность уничтожения армян в Османской империи. Тем не менее классическая политика отрицания Турции продолжает утверждать обратное на основе двух важных аргументов: «Не существует никаких оригинальных документов, доказывающих, что осуществлялось планомерное уничтожение армян. Если же они существуют, предъявите их!» наряду с отвержением всех имеющихся документов, которые это доказывают, и их провозглашением армянскими подделками.

Одним из важнейших примеров физических свидетельств геноцида является набор документов, известных под названием «депеша Талаата-паши», и воспоминания Наима-эфенди. Первые – это правительственные телеграммы Талаата-паши, приказывающие или описывающие планы правительства по уничтожению армянского населения. Эти телеграммы были куплены у османского чиновника Наима-эфенди, работавшего в Канцелярии по депортациям, ответственной за выполнение приказов. Сами документы Наим снабдил пояснительными пометками и собственными воспоминаниями о том времени, когда происходили события. До недавнего времени эта работа и сопутствующие документы не рассматривались научными и общественными кругами в силу «недостоверности» и вероятной «сфабрикованности». Это недоверие основывалось на следующих соображениях: 1) существование лица по имени Наим-эфенди маловероятно; 2) несуществующее лицо мемуары публиковать не может; а, следовательно, 3) приписываемые Талаату-паше телеграммы являются поддельными. По мнению Орела и Юджи, весь труд, включая воспоминания, депеша и аннотации – не более

чем фальсификация армянского журналиста Арама Антоняна.

До недавнего времени было достаточно сложно привести убедительные и основанные на фактах аргументы для опровержения упомянутых трех постулатов. Прежде всего, было невозможно предъявить пример османского документа, подтверждающего существование чиновника по имени Наим-эфенди. Во-вторых, свидетельств, подтверждающих предоставленные Наимом сведения, или других документальных доказательств их достоверности немного в силу обрывочности и даже неполноты материалов в Османских архивах. В-третьих, местонахождение оригиналов воспоминаний Наима и оригиналов депеш Талаата-паши неизвестно, они считаются утерянными.

Таким образом, эта тема трудно поддается обсуждению, и, при отсутствии убедительных доказательств обратного, обвинение в сфабрикованности опровержению не подлежало. Серьезные исследователи по теме геноцида в основном предпочитали избегать использования или цитирования как изданных Антоняном версий воспоминаний Наима, так и депеш Талаата-паши, и зачастую полностью обходили эту тему. Благодаря настоящему исследованию, длительному периоду молчания и неиспользования пришел конец. Нам удалось показать, что османский чиновник по имени Наим-эфенди действительно существовал, равно как и подлинные мемуары его авторства. Основываясь на найденных нами османских документах легко продемонстрировать, что содержание мемуаров, найденные в них описания и утверждения достоверны.

То же касается и депеш Талаата. Все утверждения, используемые историографами отрицания для доказательства поддельности телеграмм (в частности, их аргументы об использовании линованной бумаги, османских шифровальных методов военной поры и под-

писях на документах) попросту неверны и основаны на аргументации, которая при ближайшем рассмотрении не выдерживает критики. Так, например, использование линованной бумаги и двузначного шифровального метода никак не могут считаться доказательством поддельности предоставленных Наимом-эфенди депеш, а как раз, напротив: это убедительный аргумент в пользу их подлинности, поскольку именно такая бумага и такой шифровальный метод использовались директорами Канцелярии депортаций, где работал Наим.

Истина проста: оригинальные шифрованные телеграммы, переданные Наимом Антоняну, являются подлинными. Если после всего этого турецкие власти или их союзники в деле отрицания намерены оспаривать подлинность документов, они обязаны опубликовать тетради шифровальных ключей той поры и доказать свою позицию с их помощью. Эти тетради существуют, и о поддельности документов говорят именно те лица, которые могут и полномочны их опубликовать. Мы утверждаем, что правительство Турции не публикует упомянутые тетради именно потому, что они подтверждают подлинность депеш. Бремя доказательства отныне лежит на них.

Наша работа не только показала, что телеграммы Талаата являются оригиналами, но и что рассказы как выживших в Геноциде армян, которые передавались из поколения в поколения, так и очевидцев тех событий неармянского происхождения, соответствуют действительности. Аналогичным образом были вновь подтверждены исторические реалии, описанные сотнями академических работ по этой теме: в годы Первой мировой войны иттихадистское правительство Османской империи вело сознательную и намеренную политику уничтожения в отношении армянского населения страны. «У правды есть дурное обыкновение в конце концов проясняться».

Библиография

Архивные документы

1.Bibliothèque Nubar, Fonds Andonian, Matériaux pour l'histoire du génocide: «Déportations et massacres: Zohrab, Vartkès et divers» (Фонды Антоняна библиотеки Нубар. Материалы по истории геноцида: «Депортации и резня: Зограб, Вардкес и пр.»).

2.BOA.A.}d Ministry Registries (Sadaret Defteri). (Регистрационные журналы Министерства).

3.BOA.BEO. Grand Vezier's Chancery Office (Babiali Evrak Odası Evrakı). (Канцелярия Великого визиря).

4.BOA.DH.EUM. Interior Ministry Public Security Directorate (Dahiliye Nezareti Emniyet-i Umumiye Müdürlüğü). (Дирекция общественной безопасности Министерства внутренних дел).

5.BOA.DH.EUM. 2. Şube: Second Department of Public Security of the Interior Ministry (Dahiliye Nezareti Emniyet-i Umumiye İk inci Şube). (Второй департамент общественной безопасности).

6.BOA.DH.EUM.MH. (Dahiliye Nezareti Emniyeti Umumiye Memurin Kalem Evrakı). (Регистратура чиновников Дирекции общей безопасности Министерства внутренних дел).

7.BOA.DH.EUM.LVZ. (Dahiliye Nezareti Emniyeti Umumiye Levazım Kalemı). (Отдел снабжения дирекции общественной безопасности).

8.BOA.DH.EUM.VRK. (Dahiliye Nezareti Emniyeti Umumiye Evrak Odası Kalemı Evrakı). (Регистратура дирекции общей безопасности Министерства внутренних дел).

9.BOA.DH.KMS. (Dahiliye Nezareti Dahiliye Kalemı Mahsus Evrakı). (Архив частного секретариата Министерства внутренних дел).

10.BOA.DH.ŞFR. Cipher Office of the Interior Ministry (Dahiliye Nezareti Şifre Kalemi). (Шифровальный отдел Министерства внутренних дел).

11.BOA.I.MMS. Directorate of Personnel and Service Registers (İr ada Meclisi Mahsus). (Дирекция по работе с персоналом и служебных записей).

12.BOA.MF.MKT. (Maarif Nezareti Mektubi Kalemi). (Отдел корреспонденции Министерства образования).

13.BOA.ŞD. (Şuray-ı Devlet Evrakı). Документы Государственного совета.

14.DE/PA-AA German Foreign Ministry Political Archive (Politisches Archiv des Auswärtigen Amts). (Политический архив Министерства иностранных дел Германии).

15.Krikor Guerguerian Archive. (Архив Григора Гегре-ряна).

Список цитируемой литературы

1.Alemdar.

2.«Les explications de Bernard Lewis». Le Monde (01.01.1994).

3. Joghovurti Tzayn.

4. Takvim-i Vekayi.

5. Şuray-ı Ümmet.

6. Vakit gazetesi.

7. Yeni Gazete.

8. «TBMM Başkanı Bülent Arınç, Hazırladığı Kitapla Sözde Ermeni Soykırımı İddialarını Ürüten Amerikalı Profesör Lewy'yi Makamında Kabul Etti» Türkiye Büyük Millet Meclisi (22.11.2005). URL: https://www.tbmm.gov.tr/develop/owatbmm_basin_aciklamalari_sd.aciklama?p1=3068

9. Aghazaryan, M. Aksoragani Husher [Memories of the deportations]. Adana: Hay Tzayn Matbaası, 1919.

10. Akçam, Taner. İnsan Hakları ve Ermeni Sorunu [Human Rights and the Armenian Question]. Ankara: İmge Yayınevi, 1999.

11. Akçam, Taner. «The Relationship between Historians and Archival Records: A Critique of Single Source Scholarship

on the Armenian Genocide». *Journal of the Society for Armenian Studies*, 19, no. 2 (2010): 43–92.

12. Akçam, Taner. *A Shameful Act: The Armenian Genocide and the Question of Turkish Responsibility*. New York: Metropolitan Books, 2006.

13. Akçam, Taner. *Türk Ulusal Kimliği ve Ermeni Sorunu*. İstanbul: İletişim Yayınları, 1992.

14. Akçam, Taner. *The Young Turks' Crime Against Humanity*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012.

15. Akçam, Taner, and Umit Kurt. *Spirit of the Laws: The Plunder of Wealth in the Armenian Genocide*. Translated by Aram Arkun. New York: Berghahn Books, 2015.

16. Akdağ, Ömer. «Milli Mücadele Şahsiyetlerinden Yusuf Kemal Bey (TENĞİR ŞENK)», *Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi*, XIV, no. 40 (March 1998). URL: <http://www.atam.gov.tr/dergi/sayi-40/milli-mucadele-sahsiyetlerinden-yusuf-kemal-bey-tengirsenk>

17. Altınay, Ahmet Refik. *İkinci Komite İkinci Kıtıl*. İstanbul: Bedir Yayınları, 1999.

18. Andonian, Aram. *Documents officiels concernant les massacres Arméniens*. Paris: Imprimerie H. Turabian, 1920a.

19. Andonian, Aram. *Medz Vojirë [The great crime]*. Boston: Bahag Printing House, 1921.

20. Andonian, Aram. *The Memoirs of Naim Bey, Turkish Official Documents relating to the Deportations and Massacres of Armenians*, compiled by Aram Andonian with an introduction by Viscount Gladstone. London: Hodder and Stoughton, 1920b.

21. Arendt, Hannah. *Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought*. New York: Penguin Books, 2006.

22. Ataöv, Türkkaya. *Talat Paşa'ya atfedilen Andonian "Belgeleri" Sahtedir*. Ankara: Siyasal Bilgiler Fakültesi Yayını, 1984.

23. Balakian, Grigoris. *Armenian Golgotha: A Memoir of the Armenian Genocide, 1915–1918*. Translated by Peter Balakian with Aris Sevag. New York: Alfred A. Knopf, 2009.

24. Bardakçı, Murat. *Talat Paşa'nın Evrakı Metrukesi*. İstanbul: Everest, 2008.

25. Baruch, Bernard. *Baruch: The Public Years*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1960.

26. Boyajian, Dickran H. Armenia: The Case for a Forgotten Genocide. Westwood, NJ: Educational Book Crafters, 1972.
27. Cengiz, Erdoğan, ed. Ermeni Komitelerinin Ââmâl ve Harekât-ı İh tilâliyesi; İî ân-ı Meşrutiyetten Evvel ve Sonra. Ankara: Başbakanlık Basımevi, 1983.
28. Dadrian, Vahakn N. «The Naim-Andonian Documents on the World War I Destruction of Ottoman Armenians: The Anatomy of a Genocide». International Journal for Middle East Studies 18, no. 3 (1986): 311–360.
29. Dadrian, Vahakn N. and Taner Akçam. Judgment at Istanbul: The Armenian Genocide Trials. New York and Oxford: Berghahn Books, 2011.
30. Erden, Ali Fuat. Birinci Dünya Savaşı'nda Suriye Hatıraları. İstanbul: TİŞ Bankası Kültür Yayınları, 2006.
31. Gauin, Maxime. «Aram Andonian's 'Memoirs of Naim Bey' and the Contemporary Attempts to Defend their "Authenticity"». Review of Armenian Studies 23 (2011): 233–293.
32. Genelkurmay Başkanlığı. Arşiv Belgeleriyle Ermeni Faaliyetleri, 1914–1918, Vol. 1. Ankara: Genelkurmay Basımevi, 2005; Vol. VII, 2007.
33. Gerçek, Burçin. Akıntıya Karşı: Ermeni Soykırımında Emirlere karşı Gelenler, Kurtaranlar, Direnenler. İstanbul: İletişim, 2016.
34. Günday, A. Faik Hurşit. Hayat ve Hatıralarım, Volume 1. İstanbul: Çelikkilt Matbaası, 1960.
35. Gunter, Michael M. «Review of The Armenian Genocide in Perspective by Richard Hovannisian; Britain and the Armenian Question 1915–1923 by Akaby Nassibian». International Journal of Middle East Studies, 21, no. 3 (August 1989): 419–422.
36. Gunter, Michael M. «Review of The Armenian Massacres in Ottoman Turkey: A Disputed Genocide by Guenter Lewy; Turkey's Kurds: A Theoretical Analysis of the PKK and Abdullah Ocalan by Ali Kemal Ozcan». International Journal of Middle East Studies, 38, no. 4 (2006): 598–601.
37. Gürün, Kamuran. The Armenian File: The Myth of Innocence Exposed. Nicosia, Cyprus: K. Rustem & Brother, 1985.
38. Gürün, Kamuran. Ermeni Dosyası. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1983.

39. Hofmann, Tessa, ed. *Der Völkermord an den Armeniern vor Gericht, Der Prozess Talaat Pascha*. Göttingen: Gesellschaft für bedrohte Völker, 1980.

40. İzrail, Nesim Ovadya. 1915 Bir. lüm Yolculuğu Krikor Zohrab. Istanbul: Pencere Yayınları, 2013.

41. Kaiser, Hilmar. *At the Crossroads of Der Zor: Death, Survival, and Humanitarian Resistance in Aleppo, 1915–1917*. Princeton and London: Gomidas Institute, 2002.

42. Kaiser, Hilmar. «The Baghdad Railway and the Armenian Genocide, 1915–1916: A Case Study in German Resistance and Complicity». In *Remembrance and Denial: The Case of the Armenian Genocide*, edited by Richard G. Hovannisian, 67–112. Detroit: Wayne State University Press, 1999.

43. Kaiser, Hilmar. *The Extermination of Armenians in the Diarbekir Region*. Istanbul: Bilgi University Press, 2014.

44. Kasapyan, Apraham. *Kaç Kişisiniz Boğos Efendi, Bir Ermeninin Hatıra Defteri*. Istanbul: Aras Yayıncılık, 2015.

45. Kazarian, Haigazn K. «The Murder of 6 Armenian Members of the Ottoman Parliament». *Armenian Review* 22 (Winter 1970): 26–33.

46. Kévorkian, Raymond. *The Armenian Genocide: A Complete History*. London and New York: I.B. Tauris, 2011a.

47. Kévorkian, Raymond. «L'extermination des déportés Arméniens ottomans dans les camps de concentration de Syrie-Mésopotamie, La deuxième phase du genocide (1915–1916)». *Revue d'Histoire Arménienne Contemporaine*, 2 (1996–1998): 1–336. URL: <http://www.imprescriptible.fr/rhac/tome2/>

48. Kévorkian, Raymond. *Soykırımın İlk İnci Safhası, Sürgüne Gönderilen Osmanlı Ermenilerinin Suriye-Mezopotamya Toplama Kamplarında İm ha Edilmeleri*. Istanbul: Belge Yayınları, 2011b.

49. Kieser, Hans Lukas. *A Question for Belonging: Anatolia Beyond Empire and Nation (19th–21st Centuries)*. Istanbul: ISIS Press, 2007.

50. Krieger, E. «Aram Andoniani Hradaragadz Turk Bashdonagan Vaverakreru Vaveraganutyunı» [The Truth About the Official Turkish [sic] Documents published by Aram Andonian], *Zartonk Gazetesi* (publ.), 1915–1965 *Hushamadyan Medz Yegherni* [Album of the Great Disaster]. Beirut: Atlas, 1965.

51.Kuyumjian, Rita Soulahian, ed. *Exile, Trauma and Death: On the Road to Chankiri with Komitas Vartabed*. London: Gomidas Institute and Tekeyan Cultural Association, 2010a.

52.Kuyumjian, Rita Soulahian, ed. *The Survivor: Biography of Aram Andonian*. London: Gomidas Institute, 2010b.

53.Lewis, Bernard. *From Babel to Dragomans: Interpreting the Middle East*. New York: Oxford University Press, 2004.

54.Lewy, Guenter. *The Armenian Massacres in Ottoman Turkey: A Disputed Genocide*. Salt Lake City: University of Utah Press, 2005.

55.Maksudyan, Nazan. *Orphans and Destitute Children in the Late Ottoman Empire*. Syracuse: Syracuse University Press, 2014.

56.Mamigonian, Marc. «Academic Denial of the Armenian Genocide in American Scholarship: Denialism as a Manufactured Controversy». *Genocide Studies International* 9, no. 1 (2015): 61–82.

57.Mango, Andrew. «Turks and Kurds». *Middle Eastern Studies* 30, no. 4 (1994):975–997.

58.Menteşe, Halil. *Osmanlı Mebusan Meclisi Reisi Halil Menteşe'nin Anıları*. Istanbul: Hürriyet Vakfı Yayınları, 1986.

59.Morgenthau, Henry. *Ambassador Morgenthau's Story*. Garden City, New York: Doubleday, Page & Co., 1918.

60.Mouradian, Khatchig. «Genocide and Humanitarian Resistance in Ottoman Syria, 1915–1917». PhD diss., Clark University, 2016.

61.Nakkashian, Avedis. *A Man Who Found a Country*. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1940.URL: <http://avedis.telf.com/>

62.Nakkashian, Avedis. *Ayashi Pandu*. Boston: Hairenik, 1925.

63.Nakkashian, Avedis. *Zuart Patmutiwnner*. New York: n.p., 1926.

64.Nichanian, Marc. «The Truth of the Facts: About the New Revisionism». In *Remembrance and Denial: The Case of the Armenian Genocide*, edited by Richard G. Hovannisian, 249–270. Detroit, MI: Wayne State University Press, 1999.

65.Orel, Şinasi ve Süreyya Yuca. *Ermenilerce Talaat Paşa'ya Atfedilen Telgrafların*.

66. Gerçek Yüzü. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1983.
67. Gerçek Yüzü... The Talaat Pasha Telegrams, Historical Fact or Armenian Fiction? Nicosia: K. Rustem & Brother, 1986.
68. Sarafian, Ara, ed. United States Official Records on the Armenian Genocide 1915–1917. London: Gomidas Institute, 2004.
69. Sarafian, Ara, ed. «What Happened on 24 April 1915?» The Ayash Prisoners (04.22. 2013). URL: <http://www.gomidas.org/submissions/show/5>
70. Sarıay, Yusuf. «What Happened on April 24, 1915, the Circular of April 24, 1915 and the Arrest of Armenian Committee Members in Istanbul». International Journal of Turkish Studies, 14, nos. 1&2 (Fall 2008): 75–101.
71. Shemmassian, Vahram L. «Humanitarian Intervention by the Armenian Prelacy of Aleppo during the First Months of the Genocide». Journal of the Society for Armenian Studies 22 (2013): 127–153.
72. Shemmassian, Vahram L. «The Reclamation of Captive Armenian Genocide Survivors in Syria and «Lebanon at the End of World War I». Journal of the Society for Armenian Studies 15 (2006): 113–140.
73. Shirinian, George N. «Turks Who Saved Armenians: Righteous Muslims During the Armenian Genocide». Genocide Studies International 9, no. 2 (2015): 208–227.
74. Stone, Norman. «There Is No Armenian Genocide». The Journal of Turkish Weekly (October 21, 2006). URL: <http://historynewsnetwork.org/article/31085>
75. Toynbee, Arnold and James Bryce. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, Documents presented to Viscount Grey of Fallodon, Secretary of State for Foreign Affairs by Viscount Bryce. Uncensored edition. Princeton and London: Gomidas Institute, 2005.
76. Trouillot, Michel-Rolph. Silencing the Past: Power and the Production of History. Boston: Beacon Press, 1995.
77. Tunaya, Tarık Zafer. Türkiye’de Siyasal Partiler Cilt 2, Mütareke Dönemi, 1918–1922. İstanbul: İİ etişim, 2015.
78. Yakupoğlu, Cevdet. «Bir Sürgün Kahramanı Abdülahad Nuri Bey: Hayatı, Eserleri ve Selçuklu-Beylikler Tarihi Üzerine Çalışmaları». Ankara Üniversitesi Osmanlı

79. Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi 21 (2007): 169–189.

80. Yıldız, Gültekin. «Osmanlı Evrakını Önce Yaktılar sonra Depolara Kapattılar».

81. Derin Tarih (June 2014): 112–119.

82. Zürcher, Erik-Jan. Turkey: A Modern History. London: I. B. Tauris, 2004.

Основные аббревиатуры, используемые в книге

AMMU Генеральная дирекция по делам племен и расселению иммигрантов (Aşair ve Muhacirin Müdiriyeti Umumiyesi)

BOA.A.}d Архивы Министерства (Sadaret Defteri)

BOA.BEO. Канцелярия Великого Визиря (Babiali Evrak Odası Evrakı)

BOA.DH.EUM. Дирекция общественной безопасности Министерства внутренних дел

BOA.DH.EUM. 2. Şube Второй департамент общественной безопасности Министерства внутренних дел (Dahiliye Nezareti Emniyet-i Umumiye İkinci Şube)

BOA.DH.EUM.LVZ. Отдел снабжения дирекции общественной безопасности (Dahiliye Nezareti Emniyeti Umumiye Levazım Kalemı)

BOA.DH.EUM.MH. Регистратура чиновников Дирекции общей безопасности Министерства внутренних дел (Dahiliye Nezareti Emniyeti Umumiye Memurin Kalem Evrakı)

BOA.DH.EUM.VRK. Регистратура дирекции общей безопасности Министерства внутренних дел (Dahiliye Nezareti Emniyeti Umumiye Evrak Odası Kalemı Evrakı)

BOA.DH.KMS. Архив частного секретариата Министерства внутренних дел (Dahiliye Nezareti Dahiliye Kalemı Mahsus Evrakı)

BOA.DH.Ş FR. Шифровальный отдел Министерства внутренних дел (Dahiliye Nezareti Şifre Kalemı)

BOA.I.MMS. Дирекция по работе с персоналом и служебных записей (İr ada Meclisi Mahsus)

BOA.MF.MKT. Отдел корреспонденции Министерства образования (Maarif Nezareti Mektubi Kalemı)

BOA.Ş D. Документы Государственного совета (Şuray-ı Devlet Evrakı)

CUP Ittihad ve Terakki Комитет партии «Единение и прогресс»; члены партии – иттихадисты

DE/PA-AA Политический архив Министерства иностранных дел Германии (Politisches Archiv des Auswärtigen Amts)

IAMM Отдел расселения племен и иммигрантов Министерства внутренних дел (Dahiliye Nezareti İş kan-ı Aşair ve Muhacir'in Müdüriyeti)

SO Teşkilatı Mahsusası Особая организация

TV Takvimi Vekayi «Календарь событий» – официальный орган Османского правительства

Провинциальная административная иерархия в Османской империи

Чин на турецком языке	Перевод на русский	Юрисдикция на турецком языке	Перевод на русский
Vali	Губернатор (руководитель вилайета)	Vilayet	Провинция
Mutasarrıf	Районный управляющий	Sancak, liva, Mutasarrıflık	Провинциальный район
Kaymakam (Kadi)	Глава округа	Kaza	Округ
Mudir	Администратор	Nahiye	Поселок

Танер Акчам

ПРИКАЗЫ УБИВАТЬ

Перевод с английского

Компьютерная верстка

Т. Каракозова

Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ)

119180, Москва, ул. Б.Полянка, д. 7/10, стр. 3
(Старомонетный пер., 10)

Подписано в печать 25.11.2019

Формат 60×90⁹⁰/₁₆.

Печать офсетная. Бумага офсетная

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Отпечатано в

